

ISSN 2409-8728 www.aurora-group.eu
www.nbpublish.com

ФИЛОСОФСКАЯ МЫСЛЬ

AURORA Group s.r.o.
nota bene

Выходные данные

Номер подписан в печать: 07-11-2024

Учредитель: Даниленко Василий Иванович, w.danilenko@nbpublish.com

Издатель: ООО <НБ-Медиа>

Главный редактор: Спирова Эльвира Маратовна, доктор философских наук, elvira-spirova@mail.ru

ISSN: 2409-8728

Контактная информация:

Выпускающий редактор - Зубкова Светлана Вадимовна

E-mail: info@nbpublish.com

тел.+7 (966) 020-34-36

Почтовый адрес редакции: 115114, г. Москва, Павелецкая набережная, дом 6А, офис 211.

Библиотека журнала по адресу: http://www.nbpublish.com/library_tariffs.php

Publisher's imprint

Number of signed prints: 07-11-2024

Founder: Danilenko Vasiliy Ivanovich, w.danilenko@nbpublish.com

Publisher: NB-Media ltd

Main editor: Spirova El'vira Maratovna, doktor filosofskikh nauk, elvira-spirova@mail.ru

ISSN: 2409-8728

Contact:

Managing Editor - Zubkova Svetlana Vadimovna

E-mail: info@nbpublish.com

тел.+7 (966) 020-34-36

Address of the editorial board : 115114, Moscow, Paveletskaya nab., 6A, office 211 .

Library Journal at : http://en.nbpublish.com/library_tariffs.php

Редакционный совет

Апресян Рубен Грантович — доктор философских наук, профессор, заведующий сектором этики, заведующий отделом аксиологии и философской антропологии Института философии Российской академии наук. Институт философии Российской академии наук. 109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1.

Горохов Павел Александрович - доктор философских наук, профессор, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, филиал в г. Оренбурге. E-mail: erlitz@yandex.ru

Резник Юрий Михайлович — доктор философских наук, главный научный сотрудник Института философии Российской академии наук, главный редактор журнала «Личность. Культура. Общество». Институт философии Российской академии наук. 109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1.

Сергеев Михаил Юрьевич — доктор философии (Ph.D.), профессор, профессор-адъюнкт, Отделение либеральных искусств, Университет искусств (США). Division of Liberal Arts, The University of the Arts, 320 S. Broad Street, Philadelphia, PA, 19102, USA.

Хренов Николай Андреевич — доктор философских наук, заместитель директора по научной работе Государственного института искусствознания Министерства культуры Российской Федерации. 125009, Россия, г. Москва, Козицкий переулок, 5.

Сафонов Андрей Леонидович – доктор философских наук, доцент, директор института «Государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования Московской области «Технологический университет»». 141070. Московская область, г. Королев, ул. Гагарина, д. 42 zumsiu@yandex.ru

Орлов Сергей Владимирович – доктор философских наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения, профессор кафедры истории и философии, 190000, г. Санкт-Петербург, ул. Большая Морская, 67, orlov5508@rambler.ru

Фаритов Вячеслав Тависович – доктор философских наук, доцент, Ульяновский государственный технический университет, 432027, Россия, г. Ульяновск, ул. Северный Венец, 32 vfar@mail.ru

Храпов Сергей Александрович – доктор философских наук, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение Высшего образования «Астраханский государственный университет», профессор кафедры философии, 414056, г. Астрахань, ул. Татищева, 20 а, khrapov.s.a.aspu@gmail.com

Артеменко Андрей Павлович – доктор философских наук, профессор, Харьковская государственная академия культуры, профессор кафедры менеджмента культуры и социальных технологий, 61057, Украина, г. Харьков, ул. Бурсатский спуск, 4, prof.artemenko@mail.ru

Прилуцкий Александр Михайлович – доктор философских наук, Российский государственный педагогический университет им. А.И.Герцена, профессор, 191186, Санкт-Петербург, набережная реки Мойки, д.48, alpril@mail.ru

Ковалева Светлана Викторовна – доктор философских наук, доцент, Костромской

государственный университет, профессор кафедры философии, культурологии и социальных коммуникаций, 156005, г. Кострома, ул. Дзержинского, 17, cultural@kstu.edu.ru

Коротких Вячеслав Иванович – доктор философских наук, доцент, Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина, профессор кафедры философии, социальных наук и журналистики, 399770, Липецкая область, г. Елец, ул. Коммунаров, 28, shortv@yandex.ru

Беляев Игорь Александрович – доктор философских наук, доцент, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Оренбургский государственный университет», профессор кафедры философии и культурологии, 460018. Оренбургская область, г. Оренбург, просп. Победы, д. 13, igorbelvaev@list.ru

Котлярова Виктория Валентиновна – доктор философских наук, профессор, Институт сферы обслуживания и предпринимательства (Шахтинский филиал) Донского государственного технического университета, 346500, Ростовская обл., г. Шахты, ул. Шевченко, 147, biktoria66@mail.ru

Красиков Владимир Иванович – доктор философских наук, главный научный сотрудник центра научных исследований Всероссийского государственного университета юстиции Министерства юстиции РФ (РПА Минюста России), 117638, г. Москва, ул. Азовская, 2, корп. 1, KrasVladIv@gmail.com

Тимощук Алексей Станиславович – доктор философских наук, доцент, профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Владимирского юридического института ФСИН России, 600020, г. Владимир, ул. Большая Нижегородская, 67-е, human@vui.vladinfo.ru

Гончаров Виталий Викторович – доктор философских наук, исполнительный директор Юридической консалтинговой корпорации «Ассоциация независимых правозащитников», 350002, г. Краснодар, ул. Промышленная, 50, niipgergo2009@mail.ru

Смирнов Алексей Викторович – доктор философских наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет, 199034, г. Санкт-Петербург, Менделеевская линия, 5, darapti@mail.ru

Чвякин Владимир Алексеевич – доктор философских наук, профессор кафедры экологической безопасности технических систем, Московский политехнический университет., 195805@mail.ru

Воденко Константин Викторович – доктор философских наук, профессор, Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) имени М.И. Платова, 7. 346428 г. Новочеркасск, Ростовская обл., ул. Просвещения 132. vodenkok@mail.ru

Рощевская Лариса Павловна – доктор исторических наук, профессор, отдел гуманитарных междисциплинарных исследований Коми научного центра Уральского Отделения РАН, главный научный сотрудник, 167982, г. Сыктывкар, Коммунистическая, 24, lp38rosh@gmail.com

Овруцкий Александр Владимирович – доктор философских наук, доцент, заведующий кафедрой речевой коммуникации и издательского дела Института филологии, журналистики и межкультурной коммуникации Южного федерального университета, 344006, г. Ростов-на-Дону, Пушкинская, 150, оф. 14, alexow@mail.ru

Федоровская Наталья Александровна – доктор искусствоведения, доцент, директор департамента искусств и дизайна Дальневосточного федерального университета, 690091, г. Владивосток, о. Русский, пос. Аякс, кампус Дальневосточного федерального университета, корп. G, ауд. 357, fedorovskaya.na@dvfu.ru

Ирхен Ирина Игоревна – доктор культурологии, доцент, Академия русского балета им. А.Я. Вагановой, профессор кафедры философии, истории и теории искусства, заведующая аспирантурой, 191023, г. Санкт-Петербург, ул. Зодчего Росси, 2 irkhen67@gmail.com

Жиртуева Наталья Сергеевна – доктор философских наук, доцент, профессор кафедры «Политология и международные отношения», Институт общественных наук и международных отношений, Севастопольский государственный университет, г. Севастополь, ул. Университетская, 33, zhr_nata@bk.ru

Даниелян Наира Владимировна – доктор философских наук, профессор Национальный исследовательский университет "МИЭТ", кафедра философии и социологии, 124575, Россия, г. Москва, Зеленоград, ул. Зеленоград, 904,

Сидоров Алексей Михайлович – кандидат философских наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет, кафедра онтологии и теории познания, 199034, Россия, г. Санкт-Петербург, г. Санкт-Петербург, ул. Университетская наб., 7/9,

Запесоцкий Александр Сергеевич — доктор культурологических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, заслуженный артист РФ, академик и член Президиума Российской академии образования, ректор Санкт-Петербургского гуманитарного университета профсоюзов, член-корреспондент Российской академии наук. Санкт-Петербургский гуманитарный университет профсоюзов. 192238, Санкт-Петербург, улица Фучика, 15.

Аршинов Владимир Иванович — доктор философских наук, профессор, заведующий отделом философии науки и техники Института философии Российской академии наук. Институт философии Российской академии наук. 109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1.

Бёрд Роберт (Bird Robert) — доктор философии, профессор Чикагского университета (США). The University of Chicago. 1130 E. 59th St. Chicago, IL 60637 tel: 773.702.8033

Гиренок Фёдор Иванович — доктор философских наук, профессор, заместитель заведующего кафедрой философской антропологии и комплексного изучения человека Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова. Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, философский факультет. 119991, Москва, Ленинские горы, МГУ, учебно-научный корпус "Шуваловский".

Губман Борис Львович — доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии и теории культуры Тверского государственного университета. Тверской государственный университет. 170100, Россия, Тверь, ул. Желябова, д. 33.

Делягин Михаил Геннадьевич — доктор экономических наук, профессор, директор Института проблем глобализации. Институт проблем глобализации. 125009, Россия, Москва, Газетный переулок, д. 5.

Денн Мариз (Dennes Maryse) — доктор, профессор Университета им. Монтеня Бордо-3, директор программы центра гуманитарных наук Аквитании (MSHA) и коллектива исследований славянских цивилизаций (CERCS), эксперт Министерства высшего

образования по международным научным программам (Франция). Departement d'Etudes Slaves, UFR LE-LEA, Universite Michel de Montaigne – Bordeaux 3 – 33607

Ильинский Игорь Михайлович — доктор философских наук, профессор, ректор Московского гуманитарного университета. Московский гуманитарный университет. 111395, Россия, Москва, ул. Юности, д 5/1.

Лекторский Владислав Александрович — доктор философских наук, профессор, академик Российской академии наук, заведующий сектором теории познания Института философии Российской академии наук, председатель Международного редакционного совета журнала «Вопросы философии». Институт философии Российской академии наук. 109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1.

Миронов Владимир Васильевич — доктор философских наук, профессор, член-корреспондент Российской академии наук, декан философского факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова. Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, философский факультет. 119991, Москва, Ленинские горы, МГУ, учебно-научный корпус "Шуваловский".

Намли Елена (Namli Elena) – доктор этики, профессор Упсальского университета (Швеция). Uppsala Centre for Russian and Eurasian Studies. Box 514 SE 751 20 Uppsala – Sweden.

Неретина Светлана Сергеевна — доктор философских наук, главный научный сотрудник Института философии Российской академии наук. Институт философии Российской академии наук. 109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1.

Обермайер Бригитте (Obermayr Brigitte) — доктор философии, научная сотрудница Института общего литературоведения и компаратистики им. П. Сцонди Берлинского свободного университета. Freie Universitaet Berlin FU Berlin Sonderforschungsbereich 626 Altensteinstra?e 2-4 14195

Смирнов Андрей Вадимович — доктор философских наук, профессор, член-корреспондент Российской академии наук, заведующий сектором философии исламского мира Института философии Российской академии наук. Институт философии Российской академии наук. 109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1.

Спирова Эльвира Маратовна — доктор философских наук, и.о. заведующей сектором истории антропологических учений Института философии Российской академии наук, главный редактор журналов «Философская мысль». 109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1.

Фишер Норберт (Fischer Norbert) — доктор, профессор, заведующий кафедрой основных философских вопросов богословия Католического университета в Айхштете (Германия). Katholische Universitaet Eichstaett-Ingolstadt. VdRSSD e.V. – Storksbrede 7 59073 Hamm (Westf.) – Germany.

Фройденталь Гидеон (Freudenthal Gideon) — доктор философии, профессор Института Кона истории и философии науки и идей Тель-Авивского университета (Израиль). Tel Aviv University. Ramat Aviv 69978, Tel-Aviv, Israel.

Чичовачки Предраг (Cicovacki Predrag) — доктор, профессор Колледжа Св. Креста (США). Department of Philosophy College of the Holy Cross. Worcester, MA 01610-2395 tel.: 508-793-2467

Чумаков Александр Николаевич — доктор философских наук, профессор, первый вице-президент Российского философского общества. Российское философское общество. 109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1.

Шахнович Марианна Михайловна — доктор философских наук, профессор, заведующая кафедрой философии религии и религиоведения философского факультета Санкт-Петербургского государственного университета. Санкт-Петербургский государственный университет 199034, Россия, Санкт-Петербург, Университетская набережная, д. 7-9.

Шестопад Алексей Викторович — доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии Московского института международных отношений (Университет МГИМО). Университет МГИМО. 119454, Москва, проспект Вернадского, дом 76.

Тищенко Наталья Викторовна – доктор культурологии, ФГБОУ ВО «Саратовский государственный технический университет имени Гагарина Ю.А.», профессор кафедры истории Отчества и культуры, 410004 г. Саратов, ул. Политехническая, 17, mihailovan@inbox.ru

Рылёва Анна Николаевна — доктор культурологии, главный научный сотрудник и руководитель Центра непрерывного культурологического образования Российского института культурологи. 119072, Россия, г. Москва, Берсеневская набережная, 18-20-22, строение 3.

Шукуров Дмитрий Леонидович - доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры истории и культурологии ФГБОУ ВО "Ивановский государственный химико-технологический университет". E-mail: shoudmitry@yandex.ru

Бережная Наталья Викторовна - доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии и методологии науки Южно-Российского института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при президенте Российской Федерации. E-mail : rassgd@yandex.ru

Березанцев Андрей Юрьевич - доктор медицинских наук, профессор по специальности "Психиатрия", врач-психиатр, главный научный сотрудник образовательного центра Первой московской клинической психиатрической больницы им. Алексеева. E-mail: berintend@yandex.ru

Прохоров Михаил Михайлович - доктор философских наук, профессор, профессор кафедры истории, философии, педагогики и психологии, Нижегородский государственный архитектурно-строительный университет. 603950, Россия, г. Нижний Новгород, ул. Ильинская, дом 65. mmpro@mail.ru

Колесникова Галина Ивановна - доктор философских наук, профессор, профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Российского государственного университета правосудия (Крымский филиал), 295006, Южный федеральный округ, Республика Крым, г. Симферополь, ул. Павленко, 5 galina_kolesnik@mail.ru galina_ivanovna@kolesnikova.red

Бесков Андрей Анатольевич - кандидат философских наук, заведующий лабораторией "Трансформация духовной культуры в современном мире", Нижегородский государственный педагогический университет имени Козьмы Минина. 603005, Нижегородская обл., г. Нижний Новгород, л. Ульянова, 1. E-mail: beskov_aa@mail.ru

Аринин Евгений Игоревич - доктор философских наук, Владимирский государственный

университет имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовы, заведующий кафедрой, 600005, Россия, Владимирская область область, г. Владимир, ул. Студенческая, 12, кв. 16, eiarinin@mail.ru

Баксанский Олег Евгеньевич - доктор философских наук, Физический институт имени П. Н. Лебедева РАН, внс, профессор, 107014, Россия, г. Москва, ул. 2 Сокольническая, 1, кв. 28, obucks@mail.ru

Беляев Игорь Александрович - доктор философских наук, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Оренбургский государственный университет», Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Orenburg State University», 460018, Россия, Оренбургская область, г. Оренбург, ул. Терешковой, 10/6, кв. 116, igorbelyaev@list.ru

Бесков Андрей Анатольевич - Doctor of Philosophy (Ph. D), ФГБОУ ВО «Нижегородский государственный педагогический университет имени Козьмы Минина», Заведующий лабораторией «Трансформация духовной культуры в современном мире», 603162, Россия, Нижегородская область, г. Нижний Новгород, ул. Ванеева, 116, beskov_aa@mail.ru

Горохов Павел Александрович - доктор философских наук, Российская Академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, филиал в Оренбурге, профессор, 460040, Россия, Оренбург область, г. Оренбург, проспект Гагарина, 23/3, erlitz@yandex.ru

Грибер Юлия Александровна - доктор культурологии, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Смоленский государственный университет», профессор, директор Лаборатории цвета, 214000, Россия, Смоленская область, г. Смоленск, ул. 2-я Линия Красноармейской Слободы, 9, кв. 10, Y.Griber@gmail.com

Забнева Эльвира Ивановна - доктор философских наук, Филиал КузГТУ в г.Новокузнецке, директор, 654000, Россия, Кемеровская область, г. Новокузнецк, ул. ул. Орджоникидзе, 7, zabnevailvira@mail.ru

Коротких Вячеслав Иванович - доктор философских наук, ФГБОУ ВО "Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина", профессор кафедры философии и социальных наук, 399770, Россия, Липецкая область, г. Елец, ул. Коммунаров, 58, кв. 4, shortv@yandex.ru

Кусаинов Дауренбек Умербекович - доктор философских наук, Казахский национальный педагогический университет имени Абая, профессор, 050020, Казахстан, республика Алматы, г. город, ул. ул.Тайманова, 222, кв. 16, daur958@mail.ru

Ларин Юрий Викторович - доктор философских наук, безработный (с 1.09.2019) пенсионер (22.06.1953), 625000, Россия, Тюменская область, г. Тюмень, ул. Фармана Салманова, 4, кв. 49, jvlarin@mail.ru

Малинов Алексей Валерьевич - доктор философских наук, Санкт-Петербургский государственный университет, профессор, Социологический институт РАН - филиал ФНИСЦ РАН, ведущий научный сотрудник, 199178, Россия, Санкт-Петербург, г. Санкт-Петербург,

ул. 15 линия В.О., 12, кв. 49, a.v.malinov@gmail.com

Мамедалиев Закир Гурбан - доктор философских наук, Азербайджанский государственный экономический университет (UNEC), профессор кафедры "Гуманитарные дисциплины", AZ 1015, Азербайджан, г. Баку, ул. Ингилаб Исмаилов, 48, кв. 79, zakirm57@mail.ru

Мёдова Анастасия Анатольевна - доктор философских наук, Сибирский государственный университет науки и технологий им. академика М.Ф. Решетнёва, Профессор, ФГБОУ ВО Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева, Профессор, 660020, Россия, Красноярский край, г. Красноярск, ул. Абытаевская, 4А, кв. 1, krasfilmanager@gmail.com

Овруцкий Александр Владимирович - доктор философских наук, Южный федеральный университет, Зав. кафедрой рекламы и связей с общественностью, 344019, Россия, Ростовская область, г. Ростов-на-Дону, ул. 15 линия, 84, кв. 18, alexow1@ya.ru

Орлов Сергей Владимирович - доктор философских наук, Федеральное государственное автономное образовательное учреждение "Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения", профессор кафедры истории и философии, Философия и гуманитарные науки в информационном обществе. Сетевое издание (ISSN 2309-6888, свидетельство и регистрации ЭЛ №ФС77-54191), Главный редактор, 191180, Россия, Санкт-Петербург, г. Санкт-Петербург, ул. Загородный проспект, 21-23, кв. 243, orlov5508@rambler.ru

Пермиловская Анна Борисовна - доктор культурологии, ФГБУН Федеральный исследовательский центр комплексного изучения Арктики имени академика Н.П. Лаверова УрО РАН, ,заведующая, главный научный сотрудник научного центра традиционной культуры и музейных практик, 163009, Россия, Архангельская обл. область, г. г Архангельск, Архангельская обл., наб. Сев.Двины, 23, оф. 314, annaperm@fciarctic.ru

Попов Евгений Александрович - доктор философских наук, Алтайский государственный университет, профессор кафедры социологии и конфликтологии, 656049, Россия, Алтайский край, г. Барнаул, ул. Димитрова, 66, оф. 520, popov.eug@yandex.ru

Сутужко Валерий Валериевич - доктор философских наук, Поволжский институт управления (филиал) Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, профессор кафедры социальных коммуникаций, 410035, Россия, г. Саратов, ул. Бардина, 4, кв. 183, vavasut@yandex.ru

Чебунин Александр Васильевич - доктор философских наук, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования Восточно-Сибирский государственный институт культуры, профессор, 670031, Россия, республика Бурятия, г. Улан-Удэ, ул. Терешковой, 5, кв. 536, chebunin1@mail.ru

Скороходова Татьяна Григорьевна - доктор философских наук, ФГБОУ ВО "Пензенский государственный университет", профессор кафедры "Теория и практика социальной работы", 440071, Россия, Пензенская область, г. Пенза, ул. Ладожская, 99, кв. 9, skorokhod71@mail.ru

Римонди Джорджия - PhD (Slavic studies), Сиенский университет для иностранцев,

старший исследователь, Центр русского языка и культуры имени А.Ф. Лосева при МПГУ,
внештатный сотрудник, 53100, Италия, г. Сиена, p.le Rosselli, 27/28, каб.
206, giorgia.rimondi@unistrasi.it

Editorial collegium

Ruben Grantovich Apresyan — Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Ethics Sector, Head of the Department of Axiology and Philosophical Anthropology of the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences. Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences. 109240, Moscow, Gonchamaya str., 12, p. 1.

Gorokhov Pavel Aleksandrovich - Doctor of Philosophy, Professor, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, branch in Orenburg. E-mail: erlitz@yandex.ru

Reznik Yuri Mikhailovich — Doctor of Philosophy, Chief Researcher at the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences, editor-in-chief of the journal "Personality. Culture. Society". Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences. 109240, Moscow, Gonchamaya str., 12, p. 1.

Sergeyev Mikhail Yurievich — Doctor of Philosophy (Ph.D.), Professor, Associate Professor, Department of Liberal Arts, University of the Arts (USA). Division of Liberal Arts, The University of the Arts, 320 S. Broad Street, Philadelphia, PA, 19102, USA.

Khrenov Nikolay Andreevich — Doctor of Philosophy, Deputy Director for Scientific Work of the State Institute of Art Studies of the Ministry of Culture of the Russian Federation. 125009, Russia, Moscow, Kozitsky lane, 5.

Safonov Andrey Leonidovich – Doctor of Philosophy, Associate Professor, Director of the Institute "State Budgetary Educational Institution of Higher Education of the Moscow region "Technological University". 141070. Moscow region, Korolev, Gagarin str., 42
zumsiu@yandex.ru

Orlov Sergey Vladimirovich – Doctor of Philosophy, Professor, St. Petersburg State University of Aerospace Instrumentation, Professor of the Department of History and Philosophy, 190000, St. Petersburg, Bolshaya Morskaya str., 67, orlov5508@rambler.ru

Vyacheslav Tavisovich Faritov – Doctor of Philosophy, Associate Professor, Ulyanovsk State Technical University, 32 Severny Venets str., Ulyanovsk, 432027, Russia vfar@mail.ru

Khrapov Sergey Alexandrovich – Doctor of Philosophy, Federal State Budgetary Educational Institution Higher Education "Astrakhan State University", Professor of the Department of Philosophy, 414056, Astrakhan, Tatishcheva str., 20 a, khrapov.s.a.aspu@gmail.com

Artemenko Andrey Pavlovich – Doctor of Philosophy, Professor, Kharkiv State Academy of Culture, Professor of the Department of Management of Culture and Social Technologies, 61057, Ukraine, Kharkiv, Bursatsky descent str., 4, prof.artemenko@mail.ru

Prilutsky Alexander Mikhailovich – Doctor of Philosophy, A.I. Herzen Russian State Pedagogical University, Professor, 48 Moika River Embankment, St. Petersburg, 191186, alpril@mail.ru

Kovaleva Svetlana Viktorovna – Doctor of Philosophy, Associate Professor, Kostroma State University, Professor of the Department of Philosophy, Cultural Studies and Social Communications, 17 Dzerzhinskiy Str., Kostroma, 156005, cultural@kstu.edu.ru

Vyacheslav Ivanovich Korotkov – Doctor of Philosophy, Associate Professor, I.A. Bunin

Yelets State University, Professor of the Department of Philosophy, Social Sciences and Journalism, 28 Kommunarov Str., 399770, Lipetsk Region, Yelets, shortv@yandex.ru

Belyaev Igor Aleksandrovich – Doctor of Philosophy, Associate Professor, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Orenburg State University", Professor of the Department of Philosophy and Cultural Studies, 460018. Orenburg region, Orenburg, ave. Victory, d. 13, igorbelvaev@list.ru

Kotlyarova Victoria Valentinovna – Doctor of Philosophy, Professor, Institute of Service and Entrepreneurship (Shakhty branch) Don State Technical University, 346500, Rostov region, Shakhty, ul. Shevchenko, 147, biktoria66@mail.ru

Krasikov Vladimir Ivanovich – Doctor of Philosophy, Chief Researcher of the Center for Scientific Research of the All-Russian State University of Justice of the Ministry of Justice of the Russian Federation (RPA of the Ministry of Justice of Russia), 117638, Moscow, Azovskaya str., 2, building 1, KrasVladIv@gmail.com

Timoshchuk Alexey Stanislavovich – Doctor of Philosophy, Associate Professor, Professor of the Department of Humanities and Socio-Economic Disciplines of the Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, 600020, Vladimir, Bolshaya Nizhegorodskaya str., 67th, human@vui.vladinfo.ru

Goncharov Vitaly Viktorovich – Doctor of Philosophy, Executive Director of the Legal Consulting Corporation "Association of Independent Human Rights Defenders", 350002, Krasnodar, Promyshlennaya str., 50, niipgergo2009@mail.ru

Smirnov Alexey Viktorovich – Doctor of Philosophy, Associate Professor, St. Petersburg State University, 199034, St. Petersburg, Mendeleevskaya line, 5, darapti@mail.ru

Chvyakin Vladimir Alekseevich – Doctor of Philosophy, Professor, Department of Environmental Safety of Technical Systems, Moscow Polytechnic University, 195805@mail.ru

Vodenko Konstantin Viktorovich – Doctor of Philosophy, Professor, M.I. Platov South Russian State Polytechnic University (NPI), 7. 346428 Novocherkassk, Rostov region, 132 Prosveshcheniya str. vodenkok@mail.ru

Larisa P. Roshchevskaya – Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of Humanities Interdisciplinary Studies of the Komi Scientific Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Chief Researcher, 167982, Syktyvkar, Communist, 24, lp38rosh@gmail.com

Ovrutsky Alexander Vladimirovich – Doctor of Philosophy, Associate Professor, Head of the Department of Speech Communication and Publishing of the Institute of Philology, Journalism and Intercultural Communication of the Southern Federal University, Pushkinskaya 150, office 14, Rostov-on-Don, 344006, alexow@mail.ru

Natalia Fedorovskaya – Doctor of Art History, Associate Professor, Director of the Department of Art and Design of the Far Eastern Federal University, 690091, Vladivostok, Russian Island, village. Ajax, campus of the Far Eastern Federal University, bldg. G, room 357, fedorovskaya.na@dvfu.ru

Irhen Irina Igorevna – Doctor of Cultural Studies, Associate Professor, Vaganova Academy of Russian Ballet, Professor of the Department of Philosophy, History and Theory of Art, Head of Graduate School, St. Petersburg, 191023, Architect Rossi str., 2 irkhen67@gmail.com

Zhirtueva Natalia Sergeevna – Doctor of Philosophy, Associate Professor, Professor of the Department of Political Science and International Relations, Institute of Social Sciences and International Relations, Sevastopol State University, Sevastopol, Universitetskaya str., 33, zhr_nata@bk.ru

Danielyan Naira Vladimirovna – Doctor of Philosophy, Professor, National Research University "MIET", Department of Philosophy and Sociology, Moscow, Zelenograd, Zelenograd str., 904, 124575, Russia,

Sidorov Alexey Mikhailovich – Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor, St. Petersburg State University, Department of Ontology and Theory of Cognition, 199034, Russia, St. Petersburg, St. Petersburg, Universitetskaya nab., 7/9,

Zapesotsky Alexander Sergeevich — Doctor of Cultural Sciences, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Honored Artist of the Russian Federation, academician and member of the Presidium of the Russian Academy of Education, Rector of the St. Petersburg Humanitarian University of Trade Unions, corresponding member of the Russian Academy of Sciences. St. Petersburg Humanitarian University of Trade Unions. 15 Fuchika Street, Saint Petersburg, 192238.

Arshinov Vladimir Ivanovich — Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Department of Philosophy of Science and Technology of the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences. Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences. 109240, Moscow, Goncharnaya str., 12, p. 1.

Bird Robert is a Doctor of Philosophy, professor at the University of Chicago (USA). The University of Chicago. 1130 E. 59th St. Chicago, IL 60637 tel: 773.702.8033

Fyodor Ivanovich Girenok — Doctor of Philosophy, Professor, Deputy Head of the Department of Philosophical Anthropology and Complex Human Studies of Lomonosov Moscow State University. Lomonosov Moscow State University, Faculty of Philosophy. 119991, Moscow, Leninskie Gory, Moscow State University, educational and scientific building "Shuvalovsky".

Gubman Boris Lvovich — Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Department of Philosophy and Theory of Culture of Tver State University. Tver State University. 33 Zhelyabova str., Tver, 170100, Russia.

Mikhail G. Delyagin — Doctor of Economics, Professor, Director of the Institute of Problems of Globalization. Institute of Problems of Globalization. 5 Gazetny Lane, Moscow, 125009, Russia.

Denne Maryse (Dennes Maryse) — doctor, professor at the University. Montaigne Bordeaux-3, Program Director of the Aquitaine Humanities Center (MSHA) and the Slavic Civilizations Research Collective (CERCS), expert of the Ministry of Higher Education on international scientific programs (France). Departement d'Etudes Slaves, UFR LE-LEA, Universite Michel de Montaigne – Bordeaux 3 – 33607

Ilyinsky Igor Mikhailovich — Doctor of Philosophy, Professor, Rector of the Moscow University for the Humanities. Moscow University for the Humanities. 5/1 Yunosti str., Moscow, 111395, Russia.

Lector Vladislav Alexandrovich — Doctor of Philosophy, Professor, Academician of the Russian Academy of Sciences, Head of the sector of the Theory of Cognition of the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences, Chairman of the International Editorial Board

of the journal "Questions of Philosophy". Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences. 109240, Moscow, Goncharnaya str., 12, p. 1.

Mironov Vladimir Vasilyevich — Doctor of Philosophy, Professor, Corresponding member of the Russian Academy of Sciences, Dean of the Faculty of Philosophy of Lomonosov Moscow State University. Lomonosov Moscow State University, Faculty of Philosophy. 119991, Moscow, Leninskie Gory, Moscow State University, educational and scientific building "Shuvalovsky".

Namli Elena is a Doctor of Ethics, professor at Uppsala University (Sweden). Uppsala Centre for Russian and Eurasian Studies. Box 514 SE 751 20 Uppsala – Sweden.

Neretina Svetlana Sergeevna — Doctor of Philosophy, Chief Researcher at the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences. Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences. 109240, Moscow, Goncharnaya str., 12, p. 1.

Obermayer Brigitte (Obermayr Brigitte) is a Doctor of Philosophy, a researcher at the P. Scondi Institute of General Literary Studies and Comparative Studies of the Free University of Berlin. Freie Universitaet Berlin FU Berlin Sonderforschungsbereich 626 Altensteinstra?e 2-4 14195

Smirnov Andrey Vadimovich — Doctor of Philosophy, Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Head of the Philosophy Sector of the Islamic World of the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences. Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences. 109240, Moscow, Goncharnaya str., 12, p. 1.

Elvira Maratovna Spirova — Doctor of Philosophy, Acting Head of the Section of the History of Anthropological Teachings of the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences, editor-in-chief of the journals "Philosophical Thought". 109240, Moscow, Goncharnaya str., 12, p. 1.

Fischer Norbert is a doctor, professor, head of the Department of Basic Philosophical Questions of theology at the Catholic University in Eichstatt (Germany). Katholische Universitaet Eichstaett-Ingolstadt. VdRSSD e.V. – Storksbrede 7 59073 Hamm (Westf.) – Germany.

Freudenthal Gideon is a Doctor of Philosophy, professor at the Cohn Institute of History and Philosophy of Science and Ideas at Tel Aviv University (Israel). Tel Aviv University. Ramat Aviv 69978, Tel-Aviv, Israel.

Cicovacki Predrag is a doctor, professor at the College of the Holy Cross (USA). Department of Philosophy College of the Holy Cross. Worcester, MA 01610-2395 tel.: 508-793-2467

Alexander N. Chumakov — Doctor of Philosophy, Professor, First Vice-President of the Russian Philosophical Society. Russian Philosophical Society. 109240, Moscow, Goncharnaya str., 12, p. 1.

Shakhnovich Marianna Mikhailovna — Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Department of Philosophy of Religion and Religious Studies of the Faculty of Philosophy of St. Petersburg State University. St. Petersburg State University 199034, Russia, Saint Petersburg, Universitetskaya Embankment, 7-9.

Alexey Viktorovich Shestopal — Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Department of Philosophy of the Moscow Institute of International Relations (MGIMO University). MGIMO University. 76 Vernadsky Avenue, Moscow, 119454.

Tishchenko Natalia Viktorovna – Doctor of Cultural Studies, Saratov State Technical University named after Gagarin Yu.A., Professor of the Department of History of Patronymic and Culture, Saratov, 410004, Politechnicheskaya str., 17, mihailovan@inbox.ru

Ryleva Anna Nikolaevna — Doctor of Cultural Studies, Chief Researcher and Head of the Center for Continuing Cultural Education of the Russian Institute of Cultural Studies. 119072, Russia, Moscow, Bersenevskaya embankment, 18-20-22, building 3.

Dmitry Leonidovich Shukurov - Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of the Department of History and Cultural Studies of the Ivanovo State University of Chemical Technology. E-mail: shoudmitry@yandex.ru

Berezhnaya Natalia Viktorovna - Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Department of Philosophy and Metology of Science of the South Russian Institute of Management of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation. E-mail : rassgd@yandex.ru

Berezantsev Andrey Yurievich - Doctor of Medical Sciences, professor in the specialty "Psychiatry", psychiatrist, chief researcher of the educational center of the First Moscow Clinical Psychiatric Hospital named after Alekseev. E-mail: berintend@yandex.ru

Mikhail Mikhailovich Prokhorov - Doctor of Philosophy, Professor, Professor of the Department of History, Philosophy, Pedagogy and Psychology, Nizhny Novgorod State University of Architecture and Civil Engineering. 65 Ilyinskaya str., Nizhny Novgorod, 603950, Russia. mmpro@mail.ru

Kolesnikova Galina Ivanovna - Doctor of Philosophy, Professor, Professor of the Department of Humanities and Socio-Economic Disciplines Russian State University of Justice (Crimean branch), 295006, Southern Federal District, Republic of Crimea, Simferopol, Pavlenko str., 5 galina_kolesnik@mail.ru
galina_ivanovna@kolesnikova.red

Beskov Andrey Anatolyevich - Candidate of Philosophical Sciences, Head of the laboratory "Transformation of Spiritual Culture in the modern world", Nizhny Novgorod State Pedagogical University named after Kozma Minin. 603005, Nizhny Novgorod region, Nizhny Novgorod, L. Ulyanova, 1. E-mail: beskov_aa@mail.ru

Arinin Evgeny Igorevich - Doctor of Philosophy, Vladimir State University named after Alexander Grigoryevich and Nikolai Grigoryevich Stoletova, Head of the Department, 600005, Russia, Vladimir region, Vladimir, Studentskaya str., 12, sq. 16, earinin@mail.ru

Baksansky Oleg Evgenievich - Doctor of Philosophy, Lebedev Physical Institute of the Russian Academy of Sciences, VNS, Professor, 107014, Russia, Moscow, 2 Sokolnicheskaya str., 1, sq. 28, obucks@mail.ru

Belyaev Igor Aleksandrovich - Doctor of Philosophy, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Orenburg State University", Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Orenburg State University", 460018, Russia, Orenburg region, Orenburg, Tereshkova str., 10/6, sq. 116, igorbelyaev@list.ru

Beskov Andrey Anatolyevich - Doctor of Philosophy (Ph. D), Kozma Minin Nizhny Novgorod State Pedagogical University, Head of the Laboratory "Transformation of Spiritual Culture in

the Modern World", 116 Vaneeva str., Nizhny Novgorod, 603162, Russia, Nizhny Novgorod Region, Nizhny Novgorod, beskov_aa@mail.ru

Pavel Aleksandrovich Gorokhov - Doctor of Philosophy, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Orenburg Branch, Professor, 23/3 Gagarin Avenue, Orenburg, 460040, Russia, Orenburg Region, Orenburg, erlitz@yandex.ru

Griber Yulia Aleksandrovna - Doctor of Cultural Studies, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Smolensk State University", Professor, Director of the Color Laboratory, 214000, Russia, Smolensk region, Smolensk, 2nd Line of the Krasnoarmeyskaya Sloboda, 9, sq. 10, Y.Griber@gmail.com

Zabneva Elvira Ivanovna - Doctor of Philosophy, KuzSTU Branch in Novokuznetsk, Director, 654000, Russia, Kemerovo region, Novokuznetsk, Ordzhonikidze str., 7, zabnevailvira@mail.ru

Vyacheslav Ivanovich Korotkov - Doctor of Philosophy, I.A. Bunin Yelets State University, Professor of the Department of Philosophy and Social Sciences, 399770, Russia, Lipetsk Region, Yelets, 58 Kommunarov str., sq. 4, shortv@yandex.ru

Kusainov Daurenbek Umerbekovich - Doctor of Philosophy, Kazakh National Pedagogical University named after Abai, Professor, 050020, Kazakhstan, Republic of Almaty, city, ul.Taimanov str., 222, sq. 16, daur958@mail.ru

Larin Yuri Viktorovich - Doctor of Philosophy, unemployed (since 1.09.2019) retired (22.06.1953), 625000, Russia, Tyumen region, Tyumen, ul. Farman Salmanova, 4, sq. 49, jvlarin@mail.ru

Malinov Alexey Valeryevich - Doctor of Philosophy, St. Petersburg State University, Professor, Sociological Institute of the Russian Academy of Sciences - Branch of the Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences, leading Researcher, 199178, Russia, St. Petersburg, St. Petersburg, ul. 15 liniya V.O., 12, sq. 49, a.v.malinov@gmail.com

Mammadaliyev Zakir Gurban - Doctor of Philosophy, Azerbaijan State University of Economics (UNEC), Professor of the Department of Humanities, AZ 1015, Azerbaijan, Baku, Ingilab Ismailov str., 48, sq. 79, zakirm57@mail.ru

Medova Anastasia Anatolyevna - Doctor of Philosophy, Siberian State University of Science and Technology. Academician M.F. Reshetnev, Professor, Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafyev, Professor, 660020, Russia, Krasnoyarsk Krai, Krasnoyarsk, Abytaevskaya str., 4A, sq. 1, krasfilmanager@gmail.com

Ovrutsky Alexander Vladimirovich - Doctor of Philosophy, Southern Federal University, Head of the Department of Advertising and Public Relations, 344019, Russia, Rostov region region, Rostov-on-Don, ul. 15 liniya, 84, sq. 18, alexow1@ya.ru

Orlov Sergey Vladimirovich - Doctor of Philosophy, Federal State Autonomous Educational Institution "St. Petersburg State University of Aerospace Instrumentation", Professor of the Department of History and Philosophy, Philosophy and Humanities in the Information Society. Online edition (ISSN 2309-6888, certificate and registration of E-mail No.FS77-54191), Editor-in-chief, 191180, Russia, St. Petersburg, St. Petersburg, Zagorodny Prospekt str., 21-23, sq.

243, orlov5508@rambler.ru

Permilovskaya Anna Borisovna - Doctor of Cultural Studies, Academician N.P. Laverov Federal Research Center for the Integrated Study of the Arctic, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Head, Chief Researcher of the Scientific Center for Traditional Culture and Museum Practices, 163009, Russia, Arkhangelsk Region, Arkhangelsk region, nab. Sev.Dvina, 23, of. 314, annaperm@fciaarctic.ru

Popov Evgeny Aleksandrovich - Doctor of Philosophy, Altai State University, Professor of the Department of Sociology and Conflictology, 656049, Russia, Altai Krai, Barnaul, Dimitrova str., 66, office 520, popov.eug@yandex.ru

Sutuzhko Valery Valerievich - Doctor of Philosophy, Volga Region Institute of Management (branch) Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Professor of the Department of Social Communications, 410035, Russia, Saratov, Bardina str., 4, sq. 183, vavasut@yandex.ru

Chebunin Alexander Vasilyevich - Doctor of Philosophy, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education East Siberian State Institute of Culture, Professor, 670031, Russia, Republic of Buryatia, Ulan-Ude, ul. Tereshkova, 5, sq. 536, chebunin1@mail.ru

Skorokhodova Tatiana Grigoryevna - Doctor of Philosophy, Penza State University, Professor of the Department "Theory and Practice of Social Work", 440071, Russia, Penza region, Penza, 99 Ladozhskaya str., sq. 9, skorokhod71@mail.ru

Rimondi Georgia - PhD (Slavic studies), Siena University for Foreigners, Senior Researcher, Losev Center for Russian Language and Culture at the Moscow State University, Freelance, 53100, Italy, Siena, p.le Rosselli, 27/28, room 206, giorgia.rimondi@unistrasi.it

Требования к статьям

Журнал является научным. Направляемые в издательство статьи должны соответствовать тематике журнала (с его рубрикаторм можно ознакомиться на сайте издательства), а также требованиям, предъявляемым к научным публикациям.

Рекомендуемый объем от 12000 знаков.

Структура статьи должна соответствовать жанру научно-исследовательской работы. В ее содержании должны обязательно присутствовать и иметь четкие смысловые разграничения такие разделы, как: предмет исследования, методы исследования, апелляция к оппонентам, выводы и научная новизна.

Не приветствуется, когда исследователь, трактуя в статье те или иные научные термины, вступает в заочную дискуссию с авторами учебников, учебных пособий или словарей, которые в узких рамках подобных изданий не могут широко излагать свое научное воззрение и заранее оказываются в проигрышном положении. Будет лучше, если для научной полемики Вы обратитесь к текстам монографий или диссертационных работ оппонентов.

Не превращайте научную статью в публицистическую: не наполняйте ее цитатами из газет и популярных журналов, ссылками на высказывания по телевидению.

Ссылки на научные источники из Интернета допустимы и должны быть соответствующим образом оформлены.

Редакция отвергает материалы, напоминающие реферат. Автору нужно не только продемонстрировать хорошее знание обсуждаемого вопроса, работ ученых, исследовавших его прежде, но и привести своей публикацией определенную научную новизну.

Не принимаются к публикации избранные части из диссертаций, книг, монографий, поскольку стиль изложения подобных материалов не соответствует журнальному жанру, а также не принимаются материалы, публиковавшиеся ранее в других изданиях.

В случае отправки статьи одновременно в разные издания автор обязан известить об этом редакцию. Если он не сделал этого заблаговременно, рискует репутацией: в дальнейшем его материалы не будут приниматься к рассмотрению.

Уличенные в плагиате попадают в «черный список» издательства и не могут рассчитывать на публикацию. Информация о подобных фактах передается в другие издательства, в ВАК и по месту работы, учебы автора.

Статьи представляются в электронном виде только через сайт издательства <http://www.e-notabene.ru> кнопка "Авторская зона".

Статьи без полной информации об авторе (соавторах) не принимаются к рассмотрению, поэтому автор при регистрации в авторской зоне должен ввести полную и корректную информацию о себе, а при добавлении статьи - о всех своих соавторах.

Не набирайте название статьи прописными (заглавными) буквами, например: «ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ...» — неправильно, «История культуры...» — правильно.

При добавлении статьи необходимо прикрепить библиографию (минимум 10–15 источников, чем больше, тем лучше).

При добавлении списка использованной литературы, пожалуйста, придерживайтесь следующих стандартов:

- [ГОСТ 7.1-2003 Библиографическая запись. Библиографическое описание. Общие требования и правила составления.](#)
- [ГОСТ 7.0.5-2008 Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления](#)

В каждой ссылке должен быть указан только один диапазон страниц. В теле статьи ссылка на источник из списка литературы должна быть указана в квадратных скобках, например, [1]. Может быть указана ссылка на источник со страницей, например, [1, с. 57], на группу источников, например, [1, 3], [5-7]. Если идет ссылка на один и тот же источник, то в теле статьи нумерация ссылок должна выглядеть так: [1, с. 35]; [2]; [3]; [1, с. 75-78]; [4]....

А в библиографии они должны отображаться так:

[1]

[2]

[3]

[4]....

Постраничные ссылки и сноски запрещены. Если вы используете сноску, не содержащую ссылку на источник, например, разъяснение термина, включите сноску в текст статьи.

После процедуры регистрации необходимо прикрепить аннотацию на русском языке, которая должна состоять из трех разделов: Предмет исследования; Метод, методология исследования; Новизна исследования, выводы.

Прикрепить 10 ключевых слов.

Прикрепить саму статью.

Требования к оформлению текста:

- Кавычки даются уголками (« ») и только кавычки в кавычках — лапками (" ").
- Тире между датами дается короткое (Ctrl и минус) и без отбивок.
- Тире во всех остальных случаях дается длинное (Ctrl, Alt и минус).
- Даты в скобках даются без г.: (1932–1933).
- Даты в тексте даются так: 1920 г., 1920-е гг., 1540–1550-е гг.
- Недопустимо: 60-е гг., двадцатые годы двадцатого столетия, двадцатые годы XX столетия, 20-е годы XX столетия.
- Века, король такой-то и т.п. даются римскими цифрами: XIX в., Генрих IV.
- Инициалы и сокращения даются с пробелом: т. е., т. д., М. Н. Иванов. Неправильно: М.Н. Иванов, М.Н. Иванов.

ВСЕ СТАТЬИ ПУБЛИКУЮТСЯ В АВТОРСКОЙ РЕДАКЦИИ.

По вопросам публикации и финансовым вопросам обращайтесь к администратору
Зубковой Светлане Вадимовне

E-mail: info@nbpublish.com

или по телефону +7 (966) 020-34-36

Подробные требования к написанию аннотаций:

Аннотация в периодическом издании является источником информации о содержании статьи и изложенных в ней результатах исследований.

Аннотация выполняет следующие функции: дает возможность установить основное

содержание документа, определить его релевантность и решить, следует ли обращаться к полному тексту документа; используется в информационных, в том числе автоматизированных, системах для поиска документов и информации.

Аннотация к статье должна быть:

- информативной (не содержать общих слов);
- оригинальной;
- содержательной (отражать основное содержание статьи и результаты исследований);
- структурированной (следовать логике описания результатов в статье);

Аннотация включает следующие аспекты содержания статьи:

- предмет, цель работы;
- метод или методологию проведения работы;
- результаты работы;
- область применения результатов; новизна;
- выводы.

Результаты работы описывают предельно точно и информативно. Приводятся основные теоретические и экспериментальные результаты, фактические данные, обнаруженные взаимосвязи и закономерности. При этом отдается предпочтение новым результатам и данным долгосрочного значения, важным открытиям, выводам, которые опровергают существующие теории, а также данным, которые, по мнению автора, имеют практическое значение.

Выводы могут сопровождаться рекомендациями, оценками, предложениями, гипотезами, описанными в статье.

Сведения, содержащиеся в заглавии статьи, не должны повторяться в тексте аннотации. Следует избегать лишних вводных фраз (например, «автор статьи рассматривает...», «в статье рассматривается...»).

Исторические справки, если они не составляют основное содержание документа, описание ранее опубликованных работ и общеизвестные положения в аннотации не приводятся.

В тексте аннотации следует употреблять синтаксические конструкции, свойственные языку научных и технических документов, избегать сложных грамматических конструкций.

Гонорары за статьи в научных журналах не начисляются.

Цитирование или воспроизведение текста, созданного ChatGPT, в вашей статье

Если вы использовали ChatGPT или другие инструменты искусственного интеллекта в своем исследовании, опишите, как вы использовали этот инструмент, в разделе «Метод» или в аналогичном разделе вашей статьи. Для обзоров литературы или других видов эссе, ответов или рефератов вы можете описать, как вы использовали этот инструмент, во введении. В своем тексте предоставьте prompt - командный вопрос, который вы использовали, а затем любую часть соответствующего текста, который был создан в ответ.

К сожалению, результаты «чата» ChatGPT не могут быть получены другими читателями, и хотя невозстановимые данные или цитаты в статьях APA Style обычно цитируются как личные сообщения, текст, сгенерированный ChatGPT, не является сообщением от человека.

Таким образом, цитирование текста ChatGPT из сеанса чата больше похоже на совместное использование результатов алгоритма; таким образом, сделайте ссылку на автора алгоритма записи в списке литературы и приведите соответствующую цитату в тексте.

Пример:

На вопрос «Является ли деление правого полушария левого полушария реальным или метафорой?» текст, сгенерированный ChatGPT, показал, что, хотя два полушария мозга в некоторой степени специализированы, «обозначение, что люди могут быть охарактеризованы как «левополушарные» или «правополушарные», считается чрезмерным упрощением и популярным мифом» (OpenAI, 2023).

Ссылка в списке литературы

OpenAI. (2023). ChatGPT (версия от 14 марта) [большая языковая модель].
<https://chat.openai.com/chat>

Вы также можете поместить полный текст длинных ответов от ChatGPT в приложение к своей статье или в дополнительные онлайн-материалы, чтобы читатели имели доступ к точному тексту, который был сгенерирован. Особенно важно задокументировать точный созданный текст, потому что ChatGPT будет генерировать уникальный ответ в каждом сеансе чата, даже если будет предоставлен один и тот же командный вопрос. Если вы создаете приложения или дополнительные материалы, помните, что каждое из них должно быть упомянуто по крайней мере один раз в тексте вашей статьи в стиле APA.

Пример:

При получении дополнительной подсказки «Какое представление является более точным?» в тексте, сгенерированном ChatGPT, указано, что «разные области мозга работают вместе, чтобы поддерживать различные когнитивные процессы» и «функциональная специализация разных областей может меняться в зависимости от опыта и факторов окружающей среды» (OpenAI, 2023; см. Приложение А для полной расшифровки). .

Ссылка в списке литературы

OpenAI. (2023). ChatGPT (версия от 14 марта) [большая языковая модель].
<https://chat.openai.com/chat> Создание ссылки на ChatGPT или другие модели и программное обеспечение ИИ

Приведенные выше цитаты и ссылки в тексте адаптированы из шаблона ссылок на программное обеспечение в разделе 10.10 Руководства по публикациям (Американская психологическая ассоциация, 2020 г., глава 10). Хотя здесь мы фокусируемся на ChatGPT, поскольку эти рекомендации основаны на шаблоне программного обеспечения, их можно адаптировать для учета использования других больших языковых моделей (например, Bard), алгоритмов и аналогичного программного обеспечения.

Ссылки и цитаты в тексте для ChatGPT форматируются следующим образом:

OpenAI. (2023). ChatGPT (версия от 14 марта) [большая языковая модель].
<https://chat.openai.com/chat>

Цитата в скобках: (OpenAI, 2023)

Описательная цитата: OpenAI (2023)

Давайте разберем эту ссылку и посмотрим на четыре элемента (автор, дата, название и

источник):

Автор: Автор модели OpenAI.

Дата: Дата — это год версии, которую вы использовали. Следуя шаблону из Раздела 10.10, вам нужно указать только год, а не точную дату. Номер версии предоставляет конкретную информацию о дате, которая может понадобиться читателю.

Заголовок. Название модели — «ChatGPT», поэтому оно служит заголовком и выделено курсивом в ссылке, как показано в шаблоне. Хотя OpenAI маркирует уникальные итерации (например, ChatGPT-3, ChatGPT-4), они используют «ChatGPT» в качестве общего названия модели, а обновления обозначаются номерами версий.

Номер версии указан после названия в круглых скобках. Формат номера версии в справочниках ChatGPT включает дату, поскольку именно так OpenAI маркирует версии. Различные большие языковые модели или программное обеспечение могут использовать различную нумерацию версий; используйте номер версии в формате, предоставленном автором или издателем, который может представлять собой систему нумерации (например, Версия 2.0) или другие методы.

Текст в квадратных скобках используется в ссылках для дополнительных описаний, когда они необходимы, чтобы помочь читателю понять, что цитируется. Ссылки на ряд общих источников, таких как журнальные статьи и книги, не включают описания в квадратных скобках, но часто включают в себя вещи, не входящие в типичную рецензируемую систему. В случае ссылки на ChatGPT укажите дескриптор «Большая языковая модель» в квадратных скобках. OpenAI описывает ChatGPT-4 как «большую мультимодальную модель», поэтому вместо этого может быть предоставлено это описание, если вы используете ChatGPT-4. Для более поздних версий и программного обеспечения или моделей других компаний могут потребоваться другие описания в зависимости от того, как издатели описывают модель. Цель текста в квадратных скобках — кратко описать тип модели вашему читателю.

Источник: если имя издателя и имя автора совпадают, не повторяйте имя издателя в исходном элементе ссылки и переходите непосредственно к URL-адресу. Это относится к ChatGPT. URL-адрес ChatGPT: <https://chat.openai.com/chat>. Для других моделей или продуктов, для которых вы можете создать ссылку, используйте URL-адрес, который ведет как можно более напрямую к источнику (т. е. к странице, на которой вы можете получить доступ к модели, а не к домашней странице издателя).

Другие вопросы о цитировании ChatGPT

Вы могли заметить, с какой уверенностью ChatGPT описал идеи латерализации мозга и то, как работает мозг, не ссылаясь ни на какие источники. Я попросил список источников, подтверждающих эти утверждения, и ChatGPT предоставил пять ссылок, четыре из которых мне удалось найти в Интернете. Пятая, похоже, не настоящая статья; идентификатор цифрового объекта, указанный для этой ссылки, принадлежит другой статье, и мне не удалось найти ни одной статьи с указанием авторов, даты, названия и сведений об источнике, предоставленных ChatGPT. Авторам, использующим ChatGPT или аналогичные инструменты искусственного интеллекта для исследований, следует подумать о том, чтобы сделать эту проверку первоисточников стандартным процессом. Если источники являются реальными, точными и актуальными, может быть лучше прочитать эти первоисточники, чтобы извлечь уроки из этого исследования, и перефразировать или процитировать эти статьи, если применимо, чем использовать их интерпретацию модели.

Материалы журналов включены:

- в систему Российского индекса научного цитирования;
- отображаются в крупнейшей международной базе данных периодических изданий Ulrich's Periodicals Directory, что гарантирует значительное увеличение цитируемости;
- Всем статьям присваивается уникальный идентификационный номер Международного регистрационного агентства DOI Registration Agency. Мы формируем и присваиваем всем статьям и книгам, в печатном, либо электронном виде, оригинальный цифровой код. Префикс и суффикс, будучи прописанными вместе, образуют определяемый, цитируемый и индексируемый в поисковых системах, цифровой идентификатор объекта — digital object identifier (DOI).

[Отправить статью в редакцию](#)

Этапы рассмотрения научной статьи в издательстве NOTA BENE.

Содержание

Цельковский А.А. Конструктивные и деструктивные эффекты медиатизации семейной памяти	1
Уфимцев А.Е., Смирнова М.М. Системно-структурная и биоэссенциально-детерминистическая мета-парадигмы. Часть вторая	12
Гришин А.А. Человек в многомировой интерпретации квантовой механики	34
Абдрахманова Ф.Р. Конфликт моральных ценностей в эпоху Big data: герменевтический подход	51
Канныкин С.В. Этико-гуманистические воззрения А. Швейцера и Дж. Шихана: опыт сравнительного анализа	64
Англоязычные метаданные	84

Contents

Tselykovskiy A.A. Constructive and destructive effects of mediatization of family memory	1
Ufimtsev A.E., Smirnova M.M. System-structural and bioessential-deterministic meta-paradigms. Part two	12
Grishin A.A. A human in a multi-world interpretation of quantum mechanics	34
Abdrahmanova F.R. Conflict of Moral Values in the Age of Big Data: a Hermeneutic Approach	51
Kannykin S.V. Ethical and humanistic views of A. Schweitzer and J. Shihana: the experience of comparative analysis	64
Metadata in english	84

Философская мысль

Правильная ссылка на статью:

Цельковский А.А. Конструктивные и деструктивные эффекты медиатизации семейной памяти // Философская мысль. 2024. № 10. DOI: 10.25136/2409-8728.2024.10.72095 EDN: ZBJIBD URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=72095

Конструктивные и деструктивные эффекты медиатизации семейной памяти

Цельковский Алексей Андреевич

ORCID: 0000-0002-2442-5463

кандидат философских наук

доцент; кафедра философии и социальных коммуникаций ; Липецкий государственный технический университет
Старший научный сотрудник ; Учебно-научная лаборатория "ЦИФРА"; Саратовский национальный исследовательский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского

398055, Россия, Липецкая область, г. Липецк, ул. Московская, 30

✉ alts1085@mail.ru

[Статья из рубрики "Социальная философия"](#)

DOI:

10.25136/2409-8728.2024.10.72095

EDN:

ZBJIBD

Дата направления статьи в редакцию:

24-10-2024

Дата публикации:

31-10-2024

Аннотация: В работе анализируются особенности трансформации семейной памяти под влиянием цифровизации. В современном мире новые медиа начинают оказывать определяющее влияние на формирование образа реальности, приводя к появлению особой медиакультуры, трансформирующей привычные социальные феномены. Для раскрытия специфики феномена семейной памяти используется концепт медиапамяти, описывающий механизмы возникновения, хранения и трансляции коллективных представлений о прошлом в условиях медиатизации и цифровизации. В подобных условиях постепенно стирается грань между культурной и коммуникативной памятью, а также существенно возрастает количество субъектов, участвующих в конструировании

представлений о прошлом. В результате меняется механизм конструирования образов прошлого. Данные процессы приводят к необходимости анализа деструктивных и конструктивных эффектов медиатизации коллективной и, в частности, семейной памяти. Основным методологическим принципом исследования стал анализ различных форм коллективной памяти, появляющихся в современной реальности под действием цифровизации. В современных реалиях постепенно стирающих грань между культурной и коммуникативной памятью, коллективные представления о прошлом переходят в формат медиапамяти. При этом медиатизация семейной памяти может иметь как конструктивные, так деструктивные эффекты. Медиатизация семейной памяти может способствовать формированию общенациональной идентичности через включение значимых общенациональных событий в образы прошлого, присутствующих в семейной памяти. Значительную роль в этих процессах играют значимые символы советского периода, транслируемые современной медиапрактике. При этом семейная память, становясь элементом официальной культурной памяти, может стать объектом для различных манипуляций. Тем самым возрастает риск целенаправленного искажения образов прошлого. В конечном итоге медиа размывают границы семейной памяти, заменяя образы прошлого образами, сконструированными медиапространством.

Ключевые слова:

коллективная память, семейная память, историческая память, медиа, медиапамять, цифровизация, медиатизация, миф, мифологизация, мифотворчество

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда проект № 22-18-00153 «Образ СССР в исторической памяти: исследование медиастратегий воспроизводства представлений о прошлом в России и зарубежных странах».

Цифровизация традиционных средств массовой информации, а также появления новых медиа существенным образом изменили процессы формирования исторической памяти. Уже не только государственные структуры, влиятельные политические силы и крупные СМИ оказывают влияние на историческую память, но и масса рядовых индивидов получают возможность создавать и транслировать различные образы прошлого. Среди акторов, определяющих актуальность и востребованность тех или иных представлений о прошлом, уже нельзя выделить безусловного монополиста. То есть в процессе формирования исторической памяти все большую значимость начинает приобретать семейная память.

Семейную память можно определить как одну из форм коллективной памяти. При этом необходимо обратить внимание, что феномен коллективной памяти не имеет однозначного и исчерпывающего определения. Некоторыми исследователями понятие коллективной памяти сближается с понятием исторической памяти. М. Хальбвакс – один из основоположников исследований коллективной памяти, считал коллективную память более емким понятием. Хальбвакс определял коллективную память как совокупность знаний и представлений, которые общество передает из поколения в поколение. Это не просто индивидуальные воспоминания, а общие идеи и символы, связанные с историческими событиями и культурой. Хальбвакс подчеркивал, что коллективная память не всегда точно передает прошлые события, а часто представляет собой искаженную или идеализированную версию. Она формируется под воздействием текущих социокультурных контекстов и потребностей общества (согласно терминологии автора, социальных рамок памяти). То есть, по М. Хальбваксу, индивидуальная память, как и

коллективная, является социальным конструктом [\[1\]](#).

Однако в этой связи возникает вопрос относительно границ коллективной памяти. Каковы пределы социальных групп, конструирующих образы прошлого и формирующих представления о собственной идентичности? Я. Ассман, исследуя взаимосвязь памяти и культурной идентичности, выделял два вида коллективной памяти: культурную и коммуникативную. Носителями коммуникативной памяти выступают индивиды как непосредственные участники событий, их круг общения. Она возникает и функционирует на повседневном уровне, а по своему содержанию включает в себя воспоминания трех или четырех поколений. Коммуникативная память возникает и функционирует на повседневном уровне. Она не институализирована, поэтому постепенно исчезает вместе со своими носителями.

Отличительным признаком культурной памяти является институализация и формализация. По мысли Я. Ассмана: «Культурная память всегда окружена более или менее строго охраняемыми границами» [\[2, с. 53\]](#). Культурная память, закреплённая в виде социальных институтов, норм и традиций, становится фактором, образующим культурную идентичность. В рамках культурной памяти оформляется официальный нарратив о прошлом.

Таким образом, можно сказать, что коллективная память как система включает в себя несколько уровней. Индивидуальная память складывается в социальных рамках коммуникативной (семейной) и культурной памяти. В свою очередь, содержание семейной памяти определяется общезначимыми нарративами культурной памяти.

При этом историческую память можно рассматривать как одну из форм коллективной памяти, направленную на конструирование и трансляцию образа прошлого. Впрочем, как уже было сказано, синонимичность понятий коллективной и исторической памяти многими исследователями ставится под сомнение. К примеру, Л.Ю. Логунова трактует коллективную (социальную) память максимально широко: «Социальная (коллективная) память – поле опыта повседневной жизни людей. Ее функциональное назначение – сохранение и передача позитивного опыта предков для благополучия потомков» [\[3, с. 228\]](#). В процитированном определении акцент сделан на позитивном значении коллективной памяти. Более того, по мысли автора, коллективная память: «Это чистая в своей политической независимости память народа» [\[3, с. 228\]](#). Историческая память в понимании автора, напротив, является политизированной, зависящей от наличествующей конъюнктуры. Как пишет Л.Ю. Логинова: «Историческая память является продуктом деятельности представителей государства и сферы исторической науки. Она становится политически ангажированной, когда ее используют для защиты «правильных» смыслов мнемических образов и исторических фактов» [\[3, с. 228-229\]](#). Иными словами, коллективная память – это «живая» память народа, отражающая лучшие его черты. Историческая память – искусственный идеологический конструкт, инструмент решения практических задач. Поэтому в кризисные периоды коллективная и историческая память вступают в конфликт, а их функционал из взаимодополняющего становится противоречивым.

Некоторыми отечественными исследователями понятия коллективной и исторической памяти объединяются в один теоретический концепт. К примеру, Н.С. Корнющенко-Ермолаева под коллективно-исторической памятью понимает «фундаментальную способность социальных групп и нации в целом сохранять и реконструировать

воспоминания о совместном историческом опыте» [\[4, с. 49\]](#).

На наш взгляд, противопоставление коллективной и исторической памяти не несет в себе каких-либо ощутимых теоретических или методологических преимуществ. Еще М. Хальбвакс понимал историческую память как одну составляющих коллективной памяти. М. Хальбвакс подчеркивал, что история всегда воспринимается в контексте социокультурного опыта, а коллективные представления и воспоминания, в свою очередь, формируют оптику восприятия истории. В свою очередь, процесс формирования коллективной памяти под влиянием официальных политико-идеологических нарративов и неофициальных групповых представлений раскрывается через понятия культурной и коммуникативной памяти, предложенные Я. Ассманом.

Поэтому коллективную и историческую память более продуктивно в методологическом отношении рассматривать в качестве близких взаимодополняющих понятий. Исходя из сказанного, коллективную память можно определить как совокупность представлений о прошлом, разделяемых какой-либо социальной группой. Коллективная память выступает в качестве хранилища коллективного опыта, выраженного в традициях, нормативно-ценностных ориентирах, символах и смыслах. Можно сказать, что главными функциями коллективной памяти являются: создание смысловой основы для социума, конструирование идентичности, аккумуляция и трансляция социокультурного опыта. Содержание коллективной определяется содержанием индивидуальной и семейной памяти.

Семейная память – это форма коллективной памяти, совокупность воспоминаний внутри семьи или близкого круга родственников, охватывающая, как правило, несколько поколений и определяющая контекст воспоминаний индивида (индивидуальной памяти). Подобно тому, как индивидуальная память не может существовать вне контекста коллективной памяти, семейная память встраивается в общенациональные нарративы. К основным функциям семейной памяти можно отнести: сохранение и передачу опыта через личные воспоминания между поколениями, формирование идентичности на уровне семьи как микросоциальной группы, формирование определенных традиций. Все это способствует более полному переживанию своей идентичности.

Фактически семейная память выполняет те же основные функции, что и коллективная: конструирует личностную и социальную идентичность, укрепляет и консолидирует членов семьи, актуализирует у них чувство принадлежности, солидарности, включенности в семейный контекст, охраняет и транслирует значимые семейные ценности.

В тоже время семейная память отличается от коллективной тем, что позиция ее субъекта характеризуется разным соотношением элементов исторического опыта и не является однозначно определяющей. Это означает, что не столь важно, являлся ли рассказывающий представитель семьи участником, очевидцем или современником тех или иных событий, насколько полно, целостно и достоверно он излагает события прошлого.

В этой связи уместно упоминание концепции постпамяти, предложенной М. Хирш. Термин «постпамять» используется М. Хирш для описания процесса формирования и передачи культурной травмы, связанной с событиями Холокоста. Хотя М. Хирш концепция постпамяти используется для изучения культурной травмы, она вполне применима в исследовании коллективной (и семейной) памяти как таковой. В своем исследовании М. Хирш обратила внимание, что глубокий травматический опыт свойственен не только людям, непосредственно пережившим Холокост, но и последующим поколениям. Процесс

передачи травмы происходит на эмоциональном уровне, когда у детей и внуков жертв Холокоста начинали формироваться собственные травматические воспоминания. М. Хирш отмечала, что «связь постпамяти с прошлым в действительности опосредована не воспоминаниями, но работой воображения, проекцией и творчеством» [\[5, с. 22\]](#). При этом, по мнению исследовательницы, для работы механизмов постпамяти необходимы посредники-медиаторы. Роль медиаторов могут играть материальные свидетельства: дневники, письма, фотографии, личные вещи. К медиаторам относятся и медиасредства: кинематограф, литература, различные телепроекты и т.д. Можно с уверенностью сказать, что новые медиа являют собой яркий пример подобных медиаторов.

В современном мире новые медиа начинают оказывать определяющее влияние на формирование картины реальности, приводя к появлению особой медиакультуры, трансформирующей привычные социальные феномены. Например, В.Л. Примаков, исследуя процессы медиатизации, пишет: «Массмедиа прочно вошли в содержание социальной жизни; в этом симбиозе сформировались особая медиакультура, устойчивые социальные практики и технологии, медийные по своей сути и способам реализации» [\[6, с. 222\]](#). Медиатизация, таким образом, формирует новую культурную среду, которая, в свою очередь, трансформирует коллективную память. Об этом, в частности, пишет А.Н. Гуреева: «под сильнейшим влиянием быстро развивающихся технологий и медиа формируется абсолютно новое общество – зависимое от медиапотребления, обеспечивающего получение необходимой информации и потребляющее все возможные каналы коммуникации» [\[7, с. 203\]](#).

В подобных условиях постепенно стирается грань между культурной и коммуникативной памятью. Существенно возрастает количество субъектов, участвующих в конструировании представлений о прошлом и ориентирующихся не только на собственные воспоминания, но и на информацию, почерпнутую из медиаисточников. Происходит переход коллективной памяти в формат медиапамяти.

Одним из первых исследований, посвященных медиапамяти (цифровой памяти) стал сборник 2009 года «Save as... Digital Memories» под редакцией Дж. ГардеХансен, Э. Хоскинс, А. Реддинг. По мысли авторов, появление медиапамяти обусловлено не только изменением процессов хранения и трансляции информации в цифровой среде, но проникновением новых медиа практически во все сферы общества. О. М. Мороз, анализируя вышеуказанную работу, выделяет такие особенности медиапамяти, как цифровая детерриторизация памяти (возможность создавать свои версии памяти) и изменения форматов припоминания (новые способы и формы хранения, трансляции, стирания и восстановления информации) [\[8\]](#).

Анализ свойств медиапамяти (киберпамяти) производится в работах польской исследовательницы К. Штоп-Рутковска. Киберпамять исследовательница определяет «как содержание, представляющее тему прошлого: события, места, предметы и людей (как героев, так и антигероев), также способы сохранения этого прошлого в памяти и специфические культурные практики, связанные с процессом коммуникации посредством новых медиа» [\[9, с. 132-133\]](#). Признаками новых медиа К. Штоп-Рутковска считает: возможность доступа к медиа в любое время, в любом месте и на любом цифровом устройстве; а также возможность интерактивного творческого участия пользователей в создании мультимедиа контента. Кроме того, К. Штоп-Рутковска отмечает, что «вторым важным элементом новых медиа является “демократизация” создания, публикации, распространения и потребления медиа-контента» [\[9, с. 133\]](#). То есть под

киберпамятью исследовательница понимает новый способ конструирования, воспроизведения и трансляции образов прошлого, свойственный цифровой медиасреде, предполагающий наличие множества акторов. В этом отношении медиапамять «демократична» поскольку создается на основе мнения различных индивидов и социальных групп.

Концепт медиапамяти детально проанализирован в работах исследователей Д.С. Артамонова и С.В. Тихоновой [\[10,11\]](#). По мысли исследователей: «Определяющее влияние цифровых медиа, вобравших в себя также и медиа традиционные, на культуру, коммуникацию, социальные отношения позволяет говорить о складывании особого механизма создания, воспроизводства, хранения и забвения коллективно разделяемых представлений о прошлом – медиапамяти» [\[12, с. 19\]](#).

Таким образом, медиапамять можно определить систему формирования, хранения и трансляции знаний и представлений о прошлом, которая ложится в основу коллективной (семейной) памяти. Медиатизация коллективной (семейной) памяти представляет собой процесс подчинения памяти внутренним законам существования и функционирования новых медиа. По замечанию Д.С. Артамонова и С.В. Тихоновой: «Медиапамять как форма коллективной памяти укладывается в концепцию постправды, когда личная история и личный опыт восприятия действительности, опирающийся на эмоции, заменяют человеку объективные данные» [\[13, с. 23\]](#). Медиа, определяя контекст воспроизводства воспоминаний, изменяют векторы формирования семейной памяти. Таким образом, концепт медиапамяти демонстрирует тотальность процесса медиатизации коллективной памяти вообще и семейной памяти в частности.

Наиболее влиятельным медиатором семейной памяти в силу своей общедоступности и интерактивности становится Интернет. Всемирная сеть позволяет различным социальным группам создавать свою версию истории, способствуя переоценке устоявшихся представлений на те или иные исторические события. Платформы социальных медиа превращаются в пространство для обмена мнениями и воспоминаниями, способствуя формированию общего опыта и коллективной памяти. В тоже время Интернет становится площадкой для различных конфликтов, трансформируясь в арену для мемориальных войн.

За последние десятилетия в официальной политической практике и политике памяти оформились четкие тенденции интерпретации прошлого России. Ведущей тенденцией стало активное обращение к советскому периоду истории, особенно к периоду Великой Отечественной войны. Для российской политики памяти Великая Отечественная война превратилась в центральный нарратив, конструирующий образ прошлого и демонстрирующий особую историческую роль России. Одним из самых ярких примеров того, как общенациональный нарратив Великой победы включает в себя частные семейные нарративы, стало движение «Бессмертный полк».

Примером медиатизации семейной памяти могут послужить многочисленные интернет-проекты, посвященные теме Великой Отечественной войны. В начале 2023 года Федеральным агентством по делам молодёжи был объявлен всероссийский конкурс «Семейная память». Участникам конкурса предлагалось, примерив на себя роль исследователя, изучить семейные архивы и написать работу, посвященную подвигам своих родных в период Великой Отечественной войны. Целью конкурса, таким образом, является формирование общего пространства медиапамяти посредством семейной памяти. Социальными рамками в данном случае выступает официальный нарратив

Великой Отечественной войны.

Схожим по своей направленности является интернет-проект «Лица Победы». Целью проекта является сохранение семейной памяти о близких, участвовавших в Великой Отечественной войне или трудившихся в тылу. Загружая семейные фотографии, участники проекта визуализируют семейные истории, переводя их из формата коммуникативной памяти в формат медиапамяти.

Еще один пример – государственная информационная система «Память народа». Это электронный банк документов периода Великой Отечественной войны, составленный по материалам Центрального архива Министерства обороны. Проект предоставляет возможность документальную информацию об участниках войны. Кроме того, проект позволяет посетителям размещать на портале семейные истории о своих родственниках-фронтовиках.

Это лишь некоторые примеры цифровизации семейной памяти в рамках государственного нарратива Великой Победы. Интернет-ресурсов, посвященных данной теме, огромное количество, и, судя по политическим тенденциям, их число будет расти.

В пространстве медиапамяти устойчивые образы массовой культуры и официального политического дискурса смешиваются с образами личных воспоминаний и семейной памяти, образуя новые формы интерпретации прошлого. Какие преимущественно эффекты оказывает медиатизация памяти: конструктивные или деструктивные?

С одной стороны, медиатизация имеет ряд очевидных позитивных последствий. Она способствует сохранению личного опыта и семейных знаний о прошлом. Если коммуникативная (семейная) память, осуществлявшаяся как непосредственная передача опыта «из уст в уста» сохранялась на протяжении лишь нескольких поколений, то благодаря цифровизации (оцифровки личных воспоминаний и архивов, наличие многочисленных тематических Интернет-ресурсов и т.д.) личные воспоминания и опыт сохраняются практически неограниченное время. Кроме того, доступ к разнообразным источникам способствует формированию более полной картины прошлого. Например, на различных интернет-ресурсах можно найти исторические документы, архивные фото и видео материалы, которые были ранее недоступны.

Великая Отечественная война является наиболее ярким примером, демонстрирующим, как официальные социальные рамки медиатизации могут задавать векторы семейной памяти. В медиапространстве могут транслироваться не только героические нарративы, связанные с Великой Победой. К примеру, исследованию исторической памяти россиян о Великой отечественной войне, формируемой интернет-средой, посвящено исследование О. В. Головашиной, А. А. Линченко, Д. А. Аникина. Согласно выводам авторов, интернет-пространство как медиатор памяти демонстрирует сложную картину, включающую «избирательность, резкость оценок; доминирование советских идеологических клише; взаимосвязь обсуждения с современными внешне- и внутривнутриполитическими проблемами; актуализация семейной памяти, а также использование темы Победы в ВОВ в качестве площадки для критики действующей власти» [\[14, с. 130\]](#). То есть даже данная тема интернет-средой наделяется различными коннотациями. Тем не менее исследователи отмечают, что «тема Победы остается в интернет-среде и массовом историческом сознании как один из важнейших символов патриотизма, семейной исторической идентичности. Для россиян 9 мая – это повод, пусть и с некоторой опаской (“достойны ли мы?”) вспомнить своих воевавших близких. Коммуникативная память проявляется в наиболее успешных акциях, посвященных Дню Победы (например, “Бессмертный полк”),

именно она является тем ресурсом, который использует государство для легитимации настоящего. «Битвы памяти» – распространенная составляющая информационного сопровождения Дня Победы, и связаны, скорее, с гражданской идентичностью» [14, с. 130]. Таким образом, к конструктивным сторонам медиатизации семейной памяти можно отнести формирование общенациональной идентичности посредством включения наиболее знаковых событий и общенациональные символы в нарративы семейной памяти. Тем самым происходит консолидация общества.

Цифровизация создает единое пространство медиапамяти, стирающей грань между культурной памятью (официальным государственным нарративом) и коммуникативной памятью (семейным нарративом). Семейная память в этих условиях становится уязвимой перед разного рода манипуляциями. По сути, происходит мифологизация семейной памяти. Речь в данном случае идет о деформации семейных представлений о прошлом под воздействием официального идеологического дискурса, усиливаемого медиасредой. Семейная память легко повержена искажениям (и не только под воздействием внешних влияний). С одной стороны новые медиа создают дополнительные каналы трансляции образов семейного прошлого, с другой стороны – способствуют распространению искаженных исторических знаний. Искажения исторической картины может быть связано с травматическими историческими событиями (политические репрессии, война в Афганистане и т.д.).

К примеру, А.Г. Иванов, исследуя процесс мифологизации семейной памяти, акцентирует внимание на фигурах «героя» и «жертвы» вокруг которых складывается семейная мифология [15]. Конструирования героических семейных мифов происходит относительно темы Великой Отечественной войны. Как уже говорилось ранее, включение семейной памяти посредством различных медиапроектов в официальный политический дискурс относительно Великой Победы способствует формированию общей идентичности и укреплению национального единства.

Семейная мифология, строящаяся вокруг фигуры жертвы, как правило, связана с темой политических репрессий. Интернет-ресурсов, посвященных семейной памяти о Большом терроре («Открытый список», «Бессмертный барак» и т.д.), достаточно много. С одной стороны, подобные медиапроекты способствуют конструированию групповой идентичности. Но, с другой стороны, основу данной идентичности составляет трагический нарратив жертвы, который в медиапространстве может принимать деструктивные формы.

К примеру, построение семейной идентичности как потомков жертв может привести к появлению категории «потомков палачей». Об этом, в частности, пишет Ю.В. Зевако в своем исследовании, посвященном интернет-проекту «Расследование Карагодина». Проект Дениса Карагодина посвящен поиску виновных в гибели его репрессированного прадеда. При этом дискуссии, развернувшиеся в интернет-пространстве, затронули не только самых сотрудников НКВД, участвовавших в проведении репрессий, но и их потомков.

Как отмечает Ю.В. Зевако: «Дискурс вокруг “потомков палачей” в пространстве памяти об эпохе политических репрессий имеет высокий уровень эмоциональной заряженности. Моральное сообщество, сложившееся вокруг жертв и “потомков жертв” репрессий, не всегда готово к восприятию и принятию сложного спектра чувств и переживаний “потомков палачей” в отношении своих предков, предписывая им достаточно жёсткие и ограниченные сценарии приемлемых и неприемлемых реакций» [16, с. 60].

Таким образом, медиатизация семейной памяти может иметь как конструктивные, так деструктивные эффекты. Медиатизации семейной памяти способствует формированию общенациональной идентичности через включение значимых общенациональных событий и символов в образы прошлого, транслируемые семейной памятью. Однако семейная память, встраиваясь в официальную культурную память, становится «уязвимой» для различных манипуляций. Тем самым есть возрастает риск целенаправленного искажения образа прошлого. В конечном итоге медиа размывают границы семейной памяти, заменяя образы прошлого образами, сконструированными медиапространством.

Библиография

1. Хальбвакс М. Социальные рамки памяти. – М.: Новое издательство, 2007. С. 348
2. Ассман Я. Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. – М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 368
3. Логунова Л.Ю. Историческая и социальная память: парадоксы и смыслы // Идеи и идеалы. 2019. № 1-2. С. 227-253.
4. Корнищенко-Ермолаева Н.С. Коллективная историческая память: основания выделения понятия и роль в современной культуре // Векторы благополучия: экономика и социум. 2020. № 3. С. 32-51.
5. Хирш, М. Поколение постпамяти: Письмо и визуальная культура после Холокоста. – М.: Новое издательство, 2021, С. 428
6. Примаков В.Л. Медиатизация как теоретический концепт // Вестник МГЛУ. 2019. № 3. С. 221-238.
7. Гуреева А.Н. Теоретическое понимание медиатизации в условиях цифровой среды // Вестник Московского Университета. 2016. № 6. С. 192-208.
8. Мороз О. В. Компьютинг на страже памяти? Рец. на Garde-Hansen, J., Hoskins, A., Reading, A (Eds.) *Save As... Digital Memories* // Фольклор и антропология города. 2019. Т. 2, № 1-2. С. 403-419.
9. Штоп-Рутковска К. Киберпамять, или о чем мы (не)помним в сети. Анализ локальной памяти: Белосток и Люблин // Социологические исследования. 2015. № 4. С. 130-139.
10. Артамонов Д.С., Тихонова С.В. «Гараж» истории: цифровой поворот «независимых исторических исследований» // Диалог со временем. 2020а. № 72. С. 237-254.
11. Артамонов Д.С., Тихонова С.В. От мифов о прошлом к мифологизации времени в цифровой медиасреде // Изв. Саратовск. ун-та. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2020б. Т. 20, № 3. С. 234-239.
12. Артамонов Д.С., Тихонова С.В. Историческая память в социальных медиа. – СПб.: Алетейя, 2021. С. 264
13. Артамонов Д.С., Тихонова С.В. Петр I в медиапамяти. – Саратов: Издательство «Саратовский источник», 2022, С. 180
14. Головашина О.В., Линченко А.А., Аникин Д.А. Память о Великой Отечественной войне: День Победы в историческом сознании россиян // Социологические исследования. 2017. № 3. С. 123-133.
15. Иванов А.Г. Повседневная мифология: феномен жертвы в нарративах о семейной памяти // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2020. № 1. С. 80-87.
16. Зевако Ю.В. «Потомки палачей» в пространстве памяти об эпохе политических репрессий (на примере проекта «Расследование Карагодина») // *Galactica Media: Journal of Media Studies*. 2022. Т. 4, № 2. С. 41-64

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

РЕЦЕНЗИЯ

«Конструктивные и деструктивные эффекты медиатизации семейной памяти»

Предметом исследования данной работы выступает семейная память как одна из форм коллективной памяти. Семейная память обоснованно рассматривается как форма коллективной памяти, совокупность воспоминаний внутри семьи или близкого круга родственников, охватывающая, как правило, несколько поколений и определяющая контекст воспоминаний индивида (индивидуальной памяти).

Медиатизация семейной памяти в эпоху цифровизации является актуальной проблемой, что делает данную работу достаточно значимой на сегодняшний день. Автор использует сравнительный метод, метод анализа для наиболее полного рассмотрения различных аспектов изучаемого вопроса.

Новизна работы определяется акцентированием внимания на конструктивных и деструктивных эффектах медиатизации семейной памяти, обосновывает тезис о том, что сегодня происходит переход коллективной памяти в формат медиапамяти. Посредниками-медиаторами выступают такие материальные средства как дневники, письма, фотографии, личные вещи, а также кинематограф, литература, различные телепроекты и т.д.

На основе имеющихся исследований на изучаемую тему, автор рассматривает соотношений коллективной, исторической и семейной видов памяти. Он приходит к выводу о том, что сегодня происходит переход коллективной памяти в формат медиапамяти. Автор приводит примеры различных отечественных интернет-проектов «Бессмертный полк», «Семейная память» и другие, которые подтверждают его тезис о переходе семейной и коллективной памяти в цифровой формат. Распространение цифровых проектов, согласно автору, имеет различные эффекты.

По мнению автора, цифровизация создает единое пространство медиапамяти, стирающей грань между культурной памятью (официальным государственным нарративом) и коммуникативной памятью (семейным нарративом). По его мнению, семейная память в этих условиях становится уязвимой перед разного рода манипуляциями. Речь в данном случае идет о деформации семейных представлений о прошлом под воздействием официального идеологического дискурса, усиливаемого медиасредой. Данный вывод выявляет интересные тенденции медиатизации семейной памяти, которые нуждаются в дальнейшем изучении этой проблемы в контексте происходящих изменений в современном медиа-пространстве. Считаю, что автор мог бы более полно раскрыть тезис о том, что сегодня происходит мифологизация семейной памяти.

Структура работы соответствует структуре научного исследования: дается подробный обзор имеющейся по данной теме литературы, обосновывается тезис о происходящей медиатизации семейной памяти, анализируются конструктивные и деструктивные последствия данного процесса. Содержание работы соответствует названию, а стиль является научным и академическим.

Работа сопровождается обширным списком литературы, включающий работы зарубежных исследователей, таких как Хальбвакс М., Ассман Я., Хирш М. Включены также работы отечественных исследователей, разрабатывающих вопросы Артамонова Д.С., Тихоновой С.В., Примакова В.Л. Считаю, что также можно было при написании работы опираться на труды Николаи Ф., Богатовой О.А., Дадаева Т.М. Симоновой Т.Н., Тетерского С.В. и др.

Это позволило бы дать подробную характеристику самого феномена семейной памяти, а также рассмотреть основные тенденции медиатизации памяти в цифровом пространстве. Рецензируемая работа, на мой взгляд, представляет определённый интерес для широкого круга исследователей, занимающихся проблемами коллективной, исторической и семейной памяти.

Философская мысль

Правильная ссылка на статью:

Уфимцев А.Е., Смирнова М.М. Системно-структурная и биоэссенциально-детерминистическая мета-парадигмы. Часть вторая // Философская мысль. 2024. № 10. DOI: 10.25136/2409-8728.2024.10.71878 EDN: FWONSP URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=71878

Системно-структурная и биоэссенциально-детерминистическая мета-парадигмы. Часть вторая

Уфимцев Александр Евгеньевич

ORCID: 0009-0004-9788-5550

независимый исследователь

660122, Россия, Красноярский край, г. Красноярск, ул. Транзитная, 48, кв. 32

✉ ufimtzev@inbox.ru**Смирнова Марина Михайловна**

независимый исследователь

668312, Россия, республика Тыва, село Межегей, ул. Ленина, 69, кв. 1

✉ knyam2020@mail.ru[Статья из рубрики "Новая научная парадигма"](#)**DOI:**

10.25136/2409-8728.2024.10.71878

EDN:

FWONSP

Дата направления статьи в редакцию:

03-10-2024

Аннотация: Статья в двух частях. Часть вторая. Работа посвящена концептуальному осмыслению тенденций развития научного знания. В статье продолжается рассмотрение теории знака в междисциплинарном аспекте. В первой части были сопоставлены теория знака и парадигмы в языкознании: системно-структурная и антропоцентрическая. Данное сопоставление позволило выделить системно-структурную и биоэссенциально-детерминистическую мета-парадигмы, соотносящиеся как план выражения и план содержания в теории знака. Мета-парадигма понимается как концептуально обобщённый свод научных представлений в ряде областей научного знания, как определяющая

развитие научного знания система из множества парадигм в различных научных дисциплинах. На материале ряда научных дисциплин в соответствующих разделах статьи показана реализация системно-структурной и биоэссенциально-детерминистической мета-парадигм: в одних науках – в виде парадигм (биомедицинская сфера), в других – в виде отдельных концепций, теорий и течений (фонопедия, психология, психолингвистика). Показана реализация системно-структурной и биоэссенциально-детерминистической мета-парадигм в трудах отдельных исследователей: «Маятник культуры» П. Б. Богдановой, «Культура Два» В. З. Паперного. Обнаруженные закономерности рассмотрены на мета-научном уровне в виде системно-структурной и биоэссенциально-детерминистической мета-парадигм. Под системно-структурной мета-парадигмой понимается мета-парадигма формально-ориентированного характера, под биоэссенциально-детерминистической – сущностно-ориентированная мета-парадигма. Описано развитие концептуальной мысли в фонопедии. В заключении разграничены понятия тенденции, тренды и мета-парадигма. Мета-парадигма, в отличие от тенденции и тренда, не только описывает текущее развитие, но и даёт прогнозы стратегического характера. Даны характеристики системно-структурной и биоэссенциально-детерминистической мета-парадигм. Сделан вывод: смена мета-парадигм носит системный характер и проявляется в различных областях знания. В настоящее время системно-структурная мета-парадигма сменяется на биоэссенциально-детерминистическую. Описанные закономерности суть качественно-количественные преобразования, и носят системный характер. Кроме того, описанные закономерности есть бинарные оппозиции форма и содержание, план выражения и план содержания, асимптотически направляющие развитие сознания. Сделано предположение: жизнь есть безграничное познание, и возможности познания как процесса детерминированы жизненной сущностью познающего.

Ключевые слова:

парадигма, смена парадигм, мета-парадигма, метапарадигма, бинарные оппозиции, антропоцентрическая парадигма, системно-структурная мета-парадигма, биоэссенциально-детерминистическая мета-парадигма, биоэссенциальный детерминизм, научное знание

Системно-структурная и биоэссенциально-детерминистическая

мета-парадигмы. Часть вторая

посвящается нашему дорогому и близкому другу Надежде Николаевне Бебриш

Суха, мой друг, теория везде,

А древо жизни пышно зеленеет.

(И. В. фон Гёте «Фауст»,

пер. Н. А. Холодковского)

Введение

Статья в двух частях. Вниманию читателей представлена вторая часть.

Статья продолжает рассмотрение проявления системно-структурной и биоэссенциально-

детерминистической мета-парадигм, реализующихся в различных областях знания в виде парадигм или отдельных концепций.

Целью исследования является анализ развития научного знания.

Предметом исследования выступает развитие научного знания.

Актуальность исследования: выявление закономерностей развития научного знания может оказаться полезным для составления стратегических прогнозов развития науки.

Новизна исследования состоит в рассмотрении теории знака в междисциплинарном аспекте и в выявлении и описании мета-парадигм как концептуально обобщённых сводов систем представлений (парадигм) в различных науках.

В первой части теория знака из курса языкознания распространена на системно-структурную и антропоцентрическую парадигмы в языкознании. Данное распространение позволило выделить мета-парадигмы: системно-структурную, имеющую формально-ориентированный характер, и биоэссенциально-детерминистическую, имеющую сущностно-ориентированный характер.

В первой части даны характеристики мета-парадигм, выделенных на примере языкознания:

- системно-структурная мета-парадигма – это узкая специализация; статика; логика; опора на сознательное; строгость и упорядоченность по В. М. Алпатову; абстрактный объективизм по В. Н. Волошинову: устойчивая неизменная система, законы языка имеют специфически лингвистическую причинность и не имеют аксиологического смысла, акты речи есть случайное преломление норм языка как застывшей системы; системоцентричный подход по Е. В. Рахилиной; язык рассматривается как замкнутая система; реализуется формально-ориентированный подход.

- биоэссенциально-детерминистическая мета-парадигма – это широкая междисциплинарность; динамика; интуитивизм, интуиция; опора на бессознательное; хаос и произвольность по В. М. Алпатову; индивидуалистический субъективизм по В. Н. Волошинову: непрерывная творческая деятельность, законы языкового творчества психологически обусловлены и имеют смысл, живая речь пользуется языком как готовым продуктом; антропоцентричный подход по Е. В. Рахилиной; язык рассматривается как открытая система; реализуется сущностно-ориентированный подход.

Сделан вывод: смена мета-парадигм как трендов развития науки носит системный характер. Спор двух течений в языкознании идёт уже длительное время. В настоящее время происходит смена системно-структурной мета-парадигмы на биоэссенциально-детерминистическую. Кроме того, в первой части рассмотрено проявление системно-структурной и биоэссенциально-детерминистической мета-парадигм в различных областях знания (литературоведение, точные науки, религиоведение) и в работе Т. С. Куна «Структура научных революций».

В данной части показана реализация системно-структурной и биоэссенциально-детерминистической мета-парадигм в других областях научного знания (биомедицинская сфера, фонопедия, психология, психолингвистика) и в трудах отдельных исследователей («Культура Два» В. З. Паперного, «Маятник культуры» П. Б. Богдановой).

Выбор научных дисциплин обусловлен профессиональной деятельностью авторов (практическая педагогика в детском психоневрологическом интернате, педагогическая

деятельность в сфере среднего общего образования) и научно-исследовательским интересом (имеются научные публикации по лингвистике, философии, биоэтике, фонопедии, психолингвистике). Выбор трудов отдельных исследователей обусловлен достаточно ярким проявлением в них системно-структурной и биоэссенциально-детерминистической мета-парадигм.

В заключении представлены итоговые выводы.

Системно-структурная и биоэссенциально-детерминистическая

мета-парадигмы в других отраслях научного знания:

биомедицинская сфера

Изначальной и основной целью зарождения и развития медицинских наук было оказание помощи человеку по части состояния его здоровья. Следуя логике названной цели, на первый взгляд, развитие медицины призвано происходить приблизительно по одному и тому же сценарию: служение здоровью людей, и к тому же, кажется закономерным наличие прогресса в улучшении ситуации телесного и духовного благополучия человечества. Данный прогресс, который можно было гипотетически предсказать, находясь в той или иной точке хода истории человеческой цивилизации, закономерно было бы видеть в линейном ключе. Эта закономерность могла быть проявлена в развитии медико-биологических наук, от которых зависят возможности реализации медицины на практике. Но, несмотря на многочисленные открытия и накопленные с течением времени знания, ход истории пошёл по направлению, имеющему принципиальные отличия и специфические особенности, которые идут вразрез с линейной по содержанию предполагаемой моделью эволюции данной сферы.

Со времён Древнего мира до нас дошёл ряд документов, относящихся к теме медицинской этики: это различного рода условные кодексы. Данные своды правил были сформированы на территории Вавилона, Древнего Китая, Древнего Египта, Древней Индии, Израильского государства и т. д., и содержали основные этические критерии, которым был обязан соответствовать врачеватель Древнего мира. Не все виды таких моральных кодексов сохранились или вообще могли существовать в письменной форме когда-либо, но те, что дошли до нашего времени, были выражены через труд отдельных врачевателей, мыслителей, просветителей и других деятелей. В связи с вопросом медицинской этики Древнего мира и античности можно назвать имена: Сушрута, Чарака (Древняя Индия), Лао Цзы, Кон-фу-цзы (Древний Китай), Гиппократ, Эпикур (Древняя Греция), Гален (Древний Рим), и др.

Среди деятелей Средневековья справедливо назвать Ромуальда Салернского, Абу аль Фараджи, Парацельса, Евстахия, У. Гарвея; эти же мыслители и практики станут теми, кто в дальнейшем заложит фундамент для стремительного развития науки в период Нового времени, с приходом которого ход научного прогресса всё больше ускоряется. В данный исторический период происходит своеобразное раздвоение в направленности общественной мысли: с одной стороны явный приоритет отдаётся научно-техническому прогрессу, с другой же – внимание всё ещё уделяется моральным принципам, которые присутствуют в структуре коллективного сознания, в качестве крупниц наследия прошлого. Тем не менее – больший вес и значимость приобретает научный прогресс, благодаря умножению и расширению возможностей вследствие этих процессов. В итоге принципы, связанные с отношением к живому, на время отходят далеко на задний план, уступая место процессам и результатам научного прогресса.

Начиная с рубежа XIX-XX в., для цивилизованного мира всё больше обретает актуальность парадигмальная смена относительно идеологических настроений общества. Общая нестабильная социально-экономическая атмосфера, установившаяся в мире, обусловленная последствиями Мировой войны, как и новыми тенденциями экономики и науки, способствовала активным процессам перестройки мышления социума. Данная тенденция находит выражение в крушении религиозной (в частности, христианской) морали и утрате актуальности, казалось бы, незыблемых нравственных опор, которое вполне справедливо может быть выражено словами Ф. Ницше: «Бог умер».

В то же время начинают формироваться предпосылки к научному знанию, которое в дальнейшем выступит в качестве противовеса и сдерживающей бурно развивающийся научный прогресс силы. Эти предпосылки начинают проявляться в форме опасений, высказываемых общественными деятелями относительно живого вообще. Так, О. Леопольд (которого называют самым важным американским экологом XX в.) разворачивает свою активность касаясь экологической сферы жизни, привлекая внимание к существующим проблемам, и, оказав, тем самым, заметное влияние на современные представления об экологической этике. И уже позже (1960-1970-е гг.), американский биохимик и онколог-хирург В. Р. Поттер, выступая перед коллегами с манифестом, в развёрнутой форме высказывает свои опасения, связанные с быстрым темпом развития научных технологий, и произносит название науки, призванной стать сдерживающей силой для негативных сторон прогресса – биоэтика.

Так, начиная с XX в., параллельно идёт развитие научно-технического прогресса и биоэтического знания, которое оказывает сдерживающее воздействие информационного и практического характера, в частности – правового. Научно-технический прогресс в области медицины проявляется, например, в форме биотехнологий, развитие которых в большинстве случаев воспринимается как новые возможности для общества и благо. Но если говорить о последствиях, особенно отдалённых, на текущий момент не видится возможным выстроить точный и ясный прогноз в силу недостаточного количества необходимых данных.

Рассматривая ситуацию в медико-биологической сфере и взяв для анализа положение дел на мировой арене, мы можем прийти к следующим выводам. В настоящее время бурные темпы развития технологической сферы привели к тому, что её проявления перешли грань, когда продукты технологической сферы работали на человека, и стали работать на поддержание существования самой Техносферы – во всей её мощи. Так, зачастую речь идёт о подмене, когда процесс лечения «замещает» цель излечения пациента, или – когда подавление и нивелирование симптоматики происходит вместо уделения внимания корню имеющейся проблемы, причём достигаются данные результаты путём применения синтезированных лекарственных препаратов, чуждых по своей сути биологическому организму. Бездумное потребление продуктов Техносферы в биомедицинской области способно привести в тупик, ведь лечение должно охватывать не только тело, но и душу, психику, психоментальную сферу личности, и быть преимущественно не синтетическим (по возможности), а биогенным и ориентированным на процессы живого организма. Негативное влияние Техносферы заключается в том, что живое замещается неживым.

И хотя ещё Гиппократ завещал: лечи больного, а не болезнь, исторически развитие биомедицинской мысли развивается от телесно ориентированной медицины – и хочется верить, что с переходом к личностно ориентированной.

Таким образом, говоря о принадлежности к определённому вектору развития, можно

подытожить, что современная биомедицинская сфера, по большей части, до сих пор развивается в рамках системно-структурной мета-парадигмы, в то время как учёт приоритетности сути жизни (биоэссенциальная мета-парадигма) находится в состоянии потенциала, который только может быть раскрыт в процессах деятельности будущего.

Системно-структурная и биоэссенциально-детерминистическая

мета-парадигмы в других отраслях научного знания:

фонопедия

Фонопедия – это наука о голосе. В настоящее время фонопедия считается разделом логопедии, и находится на стыке медицины и педагогики. Как правило, практикующий фонопед работает в паре с фониатром (например, так в НИИ ЛОР СПб). Фониатрия изучает проблемы голоса с медицинской стороны, а фонопедия – с педагогической. Так, в статье Л. Б. Рудина приведён пример сотрудничества фониатров и фонопедов [\[1, с. 95-98\]](#).

Говоря о мета-парадигмах в фонопедии, мы можем выделить отдельные концепции. В настоящее время существуют следующие теории голосообразования в речи и пении (приведены в хронологическом порядке):

- миоэластическая (Миллер, XIX век; М. Гарсиа, XIX век) – объясняет фонацию на анатомофизиологическом уровне, и ведущую роль в голосообразовании отводит работе голосовых складок [\[2, с. 250-256\]](#) [\[3, с. 180\]](#) [\[3, с. 339-340\]](#) [\[4, с. 34\]](#); фактически, фониатрия как раздел медицины исповедует миоэластическую теорию – в т.ч. на современном этапе [\[5, 2013, с. 97-102\]](#) [\[6, 2017, с. 1256-1257\]](#) [\[7, с. 542-543\]](#);
- мукоондуляторная теория (Перелло, XX век) – объясняет фонацию с точки зрения физики [\[4, с. 35\]](#); большого распространения не получила;
- нейрохронаксическая (Р. Юссон, XX век) – выделяет в качестве центрального механизма центральную нервную систему; объясняет фонацию на нейрофизиологическом уровне [Юссон, с. 264] [Морозов, с. 180-182] [Орлова, с. 35];
- резонансная теория искусства пения, РТИП (В. П. Морозов, XX век) – объясняет фонацию с позиций трёх наук: акустики, физиологии и психологии; ведущая роль отводится формированию резонанса; кроме того, В. П. Морозов говорит о значимости психологических ощущений [\[3, с. 339-368\]](#) [\[4, с. 35-36\]](#);
- фонопедический метод развития голоса, ФМРГ (В. В. Емельянов, XX-XXI вв.) – объясняет фонацию на психофизиологическом уровне; В. В. Емельянов вводит ряд принципов ФМРГ, среди которых уделяет внимание эстетической составляющей [\[8, с. 53-54\]](#);
- психоакустическая нейробронхиальная (В. П. Багрунов, XX-XXI вв.) – выделяет в качестве центрального механизма психику человека, а в качестве периферического – тело; объясняет фонацию на психофизиологическом уровне, выделяя центральный голосовой аппарат (мозг, психику) и периферический (собственно голосовой аппарат), и говорит о значимости работы на ментальном уровне [\[9, с. 143-144\]](#).

Отметим, что В. В. Емельянов «пришёл» в фонопедию из мира вокального искусства, а В. П. Багрунов – из психологии, что определило научные взгляды указанных

исследователей – в сторону психофизики, а не материалистической обусловленности звучания голоса. Работы обоих исследователей объединяет опора на эволюционно более древние способы голосообразования, однако с некоторыми различиями: так, В. П. Багрунов апеллирует к использованию гладкой мускулатуры, принимающей участие в голосообразовании [\[9, с. 118-122\]](#), а В. В. Емельянов предлагает применять голосовые сигналы доречевой коммуникации – ГСДК [\[8, с. 53\]](#). О значимости психологических ощущений при использовании голоса говорит и В. П. Морозов, однако именно в трудах В. В. Емельянова и В. П. Багрунова психофизической составляющей в работе над голосом отводится значительное место.

Мы можем сделать вывод: теории, описывающие процесс фонации на телесном уровне и механистически определяющие, даже скорее предписывающие, должные действия при пении, сопоставимы с системно-структурной мета-парадигмой, а теории, описывающие процесс фонации на психическом уровне и учитывающие биологические особенности на эволюционном уровне, сопоставимы с биоэссенциально-детерминистической мета-парадигмой.

Примечательно, что теории голосообразования и пения появлялись от выделения ведущей роли анатомии к физиологии и далее – к психике. Иными словами, развитие концептуальной мысли в фонопедии движется от телесной причинности к психической обусловленности и от системно-структурной мета-парадигмы к биоэссенциально-детерминистической.

Отметим, что фонопедия как наука находится на стыке медицины и педагогики, и фонопед работает в сотрудничестве с фониатром, действующим в рамках миоэластической теории голосообразования, которая описывает процесс фонации на сугубо телесном уровне, – что дополнительно подтверждает принадлежность к общему вектору развития медицины и в целом происходит в рамках системно-структурной мета-парадигмы. В то же время фонопед применяет в своей работе педагогические методы – что объясняет интерес к этой науке у исследователей из других областей знания, и в целом происходит в русле биоэссенциально-детерминистической мета-парадигмы.

Системно-структурная и биоэссенциально-детерминистическая мета-парадигмы в других отраслях научного знания:

психология

Определений психологии как науки множество. Палеоантрополог Б. Ф. Поршнев даёт интересное определение психологии: «психология человека — это физиология нервной деятельности на уровне существования второй сигнальной системы» [\[10, с. 129\]](#), и далее учёный, говоря об исследованиях Л. С. Выготского, отмечает: «ключ к высшим психическим функциям, к их подлинно научному причинному объяснению, к раскрытию их механизма Выготский справедливо усмотрел в речи, в языке, во второй сигнальной системе, отличающей человека» [\[10, с. 132\]](#). Таким образом, психология может рассматриваться как наука управления первой сигнальной системой посредством второй сигнальной системы – что в контексте рассматриваемой темы может быть объяснено следующим образом: посредством словесного мышления происходит регулирование конкретно-действенного мышления, которым оперируют тело и психика. Живая сущность направляется словесными инструкциями (или ауто-инструкциями), жизненные процессы регулируются вербально.

Говоря о системно-структурной и биоэссенциально-детерминистической мета-парадигмах в психологии, мы можем выделить отдельные концепции. Так, в концепции транзактного анализа Э. Берна рассматриваются модели эго-состояний: Ребёнок, Взрослый и Родитель, при этом для каждой модели присущи определённые чувства, переживания и поведение [\[11, с. 236\]](#).

Можно сказать, что модель эго-состояния Родитель, при которой поведение выстраивается в соответствии с требованиями извне, – проявление системно-структурной мета-парадигмы, а модель эго-состояния Ребёнок, когда в основе поведения лежат внутренние потребности, не всегда адекватные ситуации, – проявление биоэссенциально-детерминистической мета-парадигмы. Для модели эго-состояния Взрослый характерно выстраивание поведения с соблюдением баланса между требованиями извне и внутренними потребностями – сочетая таким образом системный структурализм и биоэссенциальный детерминизм.

Отметим, что содержательные составляющие эго-моделей состояний Ребёнок, Взрослый и Родитель биоэссенциально детерминированы – т.е. определены в соответствии с психофизическими особенностями, присущими человеку на каждом из этих этапов развития, а сама концепция транзактного как определённая система является достоянием системного структурализма.

В первой части мы затрагивали вопрос о том, чем следует руководствоваться – чувствами или долгом. Согласно теории транзактного анализа, модели эго-состояний имеют временные рамки: условное детство (Ребёнок) проходит под эгидой биоэссенциального детерминизма, а условное родительство (Родитель) – под эгидой системного структурализма. Если посмотреть на этот вопрос более широко, то ответ можно сформулировать следующим образом: идеальный случай – когда выбор между чувством и долгом биоэссенциально детерминирован, т.е. исходит изнутри, и в то же время системно-структурально обусловлен, т.е. предопределён извне, а сам факт существования этой закономерности – достояние системного структурализма; это модель эго-состояния Взрослый.

Приведём ещё один пример. Направление **бихевиоризм** изучает поведенческие реакции, универсальная схема бихевиоризма упрощённо выглядит так: **стимул – реакция – закрепление**. При воздействии стимула происходит реакция – это ответ тела в русле биоэссенциально-детерминистической мета-парадигмы, а закрепление нужной учёному-экспериментатору реакции испытуемого происходит в рамках системно-структурной мета-парадигмы.

Приведём ещё один пример. Психология развития и возрастная психология в частности описывает развитие человека. Развитие человека проходит через ряд возрастных кризисов: кризис рождения, кризис одного года, кризис трёх лет, кризис семи лет, кризис пубертата и т.д. – в ходе которых происходит как будто пересборка личности, обусловленная развитием тела, тогда как вне кризисных периодов развитие носит относительно спокойный характер [\[12, с. 11-21\]](#). Можно предположить, что возрастные кризисы – это проявление биоэссенциально-детерминистической мета-парадигмы на материале развития человеческой психики, а сам факт наличия определённых закономерностей является достоянием системно-структурной мета-парадигмы. Абстрактные идеи воплощаются в реальном мире в виде тенденций развития, и люди являются проводниками этих тенденций.

Отметим, что в психологии много концепций и теорий, посвящённых выделению и

описанию типов людей: классификация по типам темперамента, шкала экстраверсии/интроверсии, классификация акцентуаций К. Леонгарда, классификация акцентуаций А. Е. Личко и т.д. Любые концепции и теории, так или иначе типизирующие людей, являются проявлением системного структурализма.

Однако всегда будут находиться люди, которые не укладываются в прокрустово ложе предложенных рамок – и будут тем самым служить двигателем создания новых концепций и теорий – как в теории Т. С. Куна, когда аномалии, возникающие в нормальной науке, приводят к научной революции [\[13\]](#). Сам факт создания новой концепции или теории определения типов людей по любым основаниям – достояние биоэссенциального детерминизма, но как только концепция или теория типирования создана и апробирована, и по ней начали типировать людей, так или иначе загоняя их в определённые жёсткие рамки, она становится достоянием системного структурализма – как в теории Т.С. Куна: открытие – это научная революция, но постепенно научные революции становятся неразличимыми, превращаясь в нормальную науку, и так – до бесконечности [\[13\]](#).

Таким образом, можно выделить и другие концепции, на примере которых видна реализация системно-структурной и биоэссенциально-детерминистической мета-парадигм, однако в русле психологии это будут именно отдельные концепции, а не парадигмы. Описание причудливого переплетения системного структурализма и биоэссенциального детерминизма на материале различных течений в современной психологии – это, безусловно, интересная и благодатная тема для исследования, однако ввиду сложности и многомерности психологии как науки обещает занять неподобающе большой для настоящей работы объём, поэтому в рамках данной статьи мы остановимся на уже приведённых примерах – благо их достаточно, чтобы сделать определённые однозначные выводы.

Системно-структурная и биоэссенциально-детерминистическая

мета-парадигмы в других отраслях научного знания: психолингвистика

Психолингвистика – наука, возникшая на стыке психологии и лингвистики, и пользующаяся методологиями обеих наук. Отметим, что в своё время, в т.ч. по мере накопления научного знания, филология разделилась на лингвистику (языкознание) и литературоведение. В массовом сознании языкознание представляет чёткую ясную и одновременно непонятную и сложную для изучения систему, а литературоведение, согласно массовым представлениям, как и ряд других областей знания: философию, психологию и т.д. – не считает наукой, что можно объяснить проявлением человеческого фактора, неизбежно присутствующего в человеко-ориентированных дисциплинах. Можно сказать, что в зависимости от того, какое полушарие головного мозга является ведущим, люди бывают правши – т.е. с ведущим левым полушарием, – и левши – т.е. с ведущим правым полушарием. Принято считать, что правое полушарие «отвечает» за логичность и математические способности, а левое – за творчество и способности к искусству. Применительно к филологии это условное деление проявляется следующим образом: «правши» более охотно «идут» в языкознание, «левши» – в литературоведение, а «амбидекстры» – в психолингвистику. Пикантность ситуации усугубляется тем, что психолингвистика изучает мышление – то, к чему мозг, с его обоими полушариями, как раз и причастен.

Можно заметить, что филология разделилась соответственно функциям полушарий головного мозга на языкознание и литературоведение, а психолингвистика как раз

предполагает задействованность обоих полушарий – т.е. объединение функций полушарий на качественно новом уровне.

Можно сказать, что так проявляются Рацио и Иррацио – рациональная и иррациональная составляющие соответственно. Рацио соответствует системно-структурной мета-парадигме, а Иррацио – биоэссенциально-детерминистической мета-парадигме, – и психолингвистика сочетает их.

Таким образом, психолингвистика является уникальной наукой: её предмет является достоянием обеих мета-парадигм одновременно. И если науки-«правши» – это языкознание, физика, математика и т.п., а науки-«левши» – это литературоведение, философия, психология и т.п., то психолингвистика – это наука-«амбидекстр». Разумеется, это образные упрощения, не стоит их понимать буквально.

Системно-структурная и биоэссенциально-детерминистическая мета-парадигмы в трудах отдельных исследователей:

В. З. Паперный «Культура Два»

Работа В. З. Паперного «Культура 2» носит мультидисциплинарный характер: сопоставлены данные архитектуры, поэзии и события общественно-политической жизни в определённые исторические периоды (XX в.). На материале сопоставления этих данных в синхроническом срезе автор описывает основные черты двух культур (названных автором как культура 1 и культура 2), которые чередуются, сменяя друг друга.

В. З. Паперный описывает культуру 1 и культуру 2 на примере бинарных оппозиций: **начало/конец** (движение/неподвижность, горизонтальное/вертикальное, равномерное/иерархическое), **механизм/человек** (коллективное/индивидуальное, неживое/живое, понятие/имя, добро/зло), **лирика/эпос** (немота/слово, импровизация/ноты, целесообразное/художественное, реализм/правда, дело/чудо).

Можно охарактеризовать культуру 1 и культуру 2 следующим образом:

- культура 1 – подвижна; находится в состоянии растекания; ориентирована на движение, на горизонтальность, на разрушение границ и иерархии, на равномерность, на интернационал. Культура 1 объявляет себя началом истории, устремлена в будущее и уничтожает прошлое [\[14, с. 56\]](#); обрывает связи с прошлым, отказывается от наследства прошлого [\[14, с. 40\]](#); культура 1 жаждет рвануть в будущее прямо сейчас [\[14, с. 42\]](#). Культуре 1 свойственно центробежное движение [\[14, с. 18\]](#); благоговение перед заграничным [\[14, с. 70\]](#). Культура 1 не выделяет отдельного человека из массы людей, и в целом предлагает коллективное существование в виде коммун [\[14, с. 126-128\]](#). Культура 1 не различает мужчин и женщин, стараясь стереть половые различия [\[14, с. 132\]](#). Культура 1 – это стихия огня, пафос сжигания [\[14, с. 156\]](#). В культуре 1 нет понятия Зла и Добра [\[14, с. 173\]](#). Культуре 1 свойственны отказ от похожести искусства на жизнь, утверждение права искусства на свой собственный язык – то, что В. З. Паперный называет **беспредметничеством** [\[14, с. 234\]](#).

«Реализм культуры 1 – это, образно говоря, реализм реальных училищ в противоположность классицизму гимназий, то есть установка на естественнонаучное, а не филологическое знание» [\[14, с. 258\]](#).

Пример культуры 1: авангардное искусство 1920-х гг.

· культура 2 – неподвижна; находится в состоянии застывания, затвердевания; ориентирована на неподвижность, неизменчивость, иерархию и вертикальность. Культура 2 объявляет себя концом истории, обращена в прошлое, а будущее превращает в вечность [14, с. 56]; культура 2 отодвигает будущее на неопределённое время [14, 42]. Культуре 2 свойственно центростремительное движение [14, с. 18]; страх перед иностранным [14, с. 81]; всюду проводятся границы, создаются рубежи, пороги [14, с. 74-75]. Культура 2 негативно относится к коллективному быту, что способствует укреплению традиционной семьи, и различает мужчин и женщин [14, с. 132-133]. Культура 2 – это стихия воды, культура воды [14, с. 156]. В культуре 2 появляется понятие Зла [14, с. 174]; зло в культуре 2 – это своеобразный антимир культуры 2, порой – с чертами культуры 1; наиболее яркие вредители в культуре 2 – представители культуры 1 [14, с. 203]. Культуре 2 свойственно полное слияние искусства с жизнью – то, что В. З. Паперный называет *жизнестроение* [14, с. 234].

«Реализм культуры 2 – это скорее реализм Платона и Ансельма Кентерберийского, то есть реализм как противоположность номинализму, как вера в реальное существование универсалий» [14, с. 258].

Пример культуры 2: сталинская архитектура 1930-1940 гг.

В целом, суммируя данные характеристики, можно утверждать, что описанные В. З. Паперным культура 1 и культура 2 – это абстрактные модели, тенденции, реализующиеся на материале человеческого сообщества: культура 1 – революционное стремление к революционным изменениям, предельно динамичное и зыбкое, а культура 2 – традиция следовать традициям, предельно статичная и вязкая. Культура 1 может рассматриваться как проявление биоэссенциально-детерминистической мета-парадигмы, а культура 2 – как проявление системно-структурной мета-парадигмы.

В то же время можно заметить, что в описание культуры 1 входят элементы, которые не являются свойственными для биоэссенциально-детерминистической мета-парадигмы – как и в описание культуры 2 входят элементы, не являющиеся свойственными для системно-структурной мета-парадигмы. Так, культура 1 благоговеет перед заграничным, предполагает коллективное существование в виде коммун, отвергает половые различия, отрицает Добро и Зло; культура 2 проявляет страх перед иностранным, негативно относится к коллективному быту, различает мужчин и женщин, вводит понятие Зла – однако думается, что данные характеристики можно объяснить действием человеческого фактора: биоэссенциально-детерминистическая и системно-структурная мета-парадигмы реализуются в мире людей в виде культуры 1 и культуры 2, описанных В. З. Паперным на определённом историческом этапе. Возможно, культуре 1 и культуре 2, описанным на другом историческом этапе, будут свойственны некие иные характеристики – носящие, однако, второстепенный характер.

Кроме того, можно заметить противоположные характеристики. Так, культуре 1 свойственно растекание, а культуре 2 – затвердевание; однако в то же время культура 1 – это стихия огня, а культура 2 – стихия воды. Мы видим, что семантически близкие характеристики *растекание* и *стихия воды* оказываются в противоположных культурах. Мы можем объяснить это следующим образом: культура 1 и культура 2 никогда не присутствуют полностью в чистом виде. Действительно, описывая отдельные тенденции

культуры 1 и культуры 2, В. З. Паперный отмечает, что обе они в чистом виде почти не существовали [\[14, с. 235\]](#).

Так, говоря о свойственном культуре 1 беспредметничестве, выражающемся в отказе от похожести искусства на жизнь (и семантически противоположным культуре 1, если считать культуру 1 проявлением биоэссенциально-детерминистической мета-парадигмы), В. З. Паперный отмечает: «культуре 1 удавалось увидеть беспредметную красоту в целесообразных сооружениях и целесообразность – в беспредметных композициях» [\[14, с. 235\]](#) – что переводит разговор в эстетическую и прагматическую плоскости, и в целом привносит элемент человекомерности, присутствия человеческого начала. А говоря о свойственном культуре 2 жизнестроении (и семантически ей противоположным, если считать культуру 2 проявлением системно-структурной мета-парадигмы), В. З. Паперный отмечает: в основе идей жизнестроения в культуре 2 лежит культ целесообразности и символическое видение машинной цивилизации [\[14, с. 236\]](#) – что носит более системно-структурный характер.

Таким образом, культура 1 и культура 2 в чистом виде не существуют. В. З. Паперный подчёркивает: культура 1 и культура 2 – это модели, искусственные конструкции, изобретённые автором для объяснения реалий культурной и общественной жизни в определённые временные периоды [\[14, с. 17\]](#).

Можно сделать вывод: в любой культуре есть элементы противоположной культуры; тот случай, когда стратегически реализуется одна культура, но тактика в моменте может противоречить стратегии (т.е. культуре) в целом.

Таким образом, можно сделать вывод: концепция В. З. Паперного носит сложный, неоднозначный характер. Отметим, что работа В. З. Паперного является достаточно объёмным исследованием – и разумеется, в пределах раздела одной статьи осветить её всесторонне невозможно; однако возможно описать ключевые идеи.

Фактически, описанные на материале бинарных оппозиций, культура 1 и культура 2 сами являются бинарно оппозиционными.

Можно провести параллели с теорией Т. С. Куна: культура 1 по своим характеристикам подобна научной революции, а культура 2 – нормальной науке.

Можно сделать вывод: на примере работы В. З. Паперного «Культура Два» под именами культура 1 и культура 2 реализуются биоэссенциально-детерминистическая и системно-структурная мета-парадигмы соответственно.

Системно-структурная и биоэссенциально-детерминистическая

мета-парадигмы в трудах отдельных исследователей:

П. Б. Богданова «Маятник культуры»

Помимо указанной монографии [\[15, 2021\]](#), результаты исследований П. Б. Богдановой отражены в ряде статей:

- «К вопросу о цикличности в развитии режиссуры» [\[16, 2015\]](#);
- «Общие закономерности смены культурных циклов» [\[17, 2020\]](#);
- «Классические и неклассические структуры драмы» [\[18, 2022\]](#).

В данных работах П. Б. Богданова пишет о модели повторяющихся циклов – разрушительных и восстановительных, на материале культурологии. Согласно П. Б. Богдановой, в каждую эпоху реализуется определённый цикл – разрушительный или созидательный, – однако в то же время нельзя сказать, что в пределах одного цикла можно говорить только об одной тенденции. П. Б. Богданова так объясняет механику смены циклов: обе тенденции реализуются одновременно, при этом одна является главенствующей, а вторая, будучи второстепенной, становится главной в следующем цикле, «и именно в конфликте с ней начинает действовать новая тенденция цикла» [\[15, с. 174\]](#).

П. Б. Богданова обобщает: восстановительный цикл – это апелляция к Знанию, это Рацио, тогда как разрушительный цикл – это обращение к Вере, это Иррацио [\[15, с. 174\]](#).

П. Б. Богданова отмечает: восстановительный цикл – время востребованности левополушарных личностей (т.е. правшей), у которых преобладает логическое мышление, тогда как в разрушительном цикле активизируются правополушарные личности (т.е. левши), у которых преобладают творческое начало и интуиция [\[15, с. 174\]](#).

Анализируя структуры драмы, П. Б. Богданова пишет: замкнутая структура порядка возникает на этапе подъёма в жизни общества, и проявляется во всех аспектах – в искусстве, социуме, мышлении и пр., тогда как открытая структура хаоса появляется на этапе разложения целостности. П. Б. Богданова называет структуру порядка классической, а структуру хаоса – неклассической [\[18, с. 221\]](#). Рассуждая о структуре драмы, П. Б. Богданова выделяет векторы развития: центростремительный соответствует классической структуре, а центробежный – неклассической [\[18, с. 222\]](#).

П. Б. Богданова пишет о сменах структур: когда центробежные тенденции усиливаются, происходит переход от структуры порядка к структуре хаоса, переход от сознания к подсознанию, или опора на интуитивное иррациональное начало в противовес рациональному сознательному. Когда же центростремительные тенденции побеждают, то происходит переход от структуры хаоса к структуре порядка, переход от подсознания к сознанию, опора на рациональное сознательное начало в противовес интуитивному иррациональному. П. Б. Богданова отмечает: это закон общемировой, механизм рождения и смерти [\[18, с. 222-225\]](#). Дойдя до предела, структура порядка постепенно сменяется структурой хаоса, и наоборот – и это движение циклично, маятникообразно. Таким образом, мы можем выделить четыре таких периода: структура порядка, переходный этап от структуры порядка к структуре хаоса, структура хаоса, переходный этап от структуры хаоса к структуре порядка.

П. Б. Богданова высказывает гипотезу: «так устроен человек, так он задуман природой, что в своем движении, развитии, постижении мира он должен возвращаться к архаическим началам своего существа, к некоей родовой памяти или, по выражению Юнга, к древним архетипам» [\[17, с. 162\]](#). П. Б. Богданова обобщает: «Закон маятника показан на материале культуры, а в более узком смысле, на материале трансформаций драмы Нового времени. Но думается, что он действует во всех сферах человеческой цивилизации» [\[15, с. 175\]](#).

П. Б. Богданова замечает: «применительно к историко-культурным циклам можно говорить, что если один цикл стоит на основе рацио, то следующий будет развиваться на основе интуиции, чувства. Пример тому – классицизм и сентиментализм, Просвещение и

романтизм. Можно привести примеры других оппозиций: объективизм и субъективизм, идеализм и материализм» [\[17, с. 161-162\]](#). П. Б. Богданова отмечает: теория цикла позволяет проанализировать процесс протекания историко-культурного цикла и сделать прогноз [\[16, с. 104-105\]](#).

Таким образом, П. Б. Богданова в своих исследованиях пишет о двух противоположных тенденциях развития:

- **замкнутая структура порядка с центростремительным** движением, она же **восстановительный цикл**: рацию, сознание, классицизм, Просвещение, объективизм, идеализм;
 - **открытая структура хаоса с центробежным** движением, она же **разрушительный цикл**: иррацию, чувства, сентиментализм, романтизм, субъективизм, материализм, –
- что семантически близко по описанию к системно-структурной и биоэссенциально-детерминистической мета-парадигмам соответственно.

Можно сказать, что во время разрушительного цикла происходит пересборка массового сознания, или сознания в филогенезе, – как во время возрастного кризиса отдельно взятого человека в онтогенезе; параллели с возрастной психологией и психологией развития очевидны.

Очевидным видится и сопоставление модели повторяющихся циклов П. Б. Богдановой с теорией В. З. Паперного о культурах:

- общая характеристика модели разрушительного цикла и культуры 1 – открытая структура хаоса с центробежным движением;
- общая характеристика модели восстановительного цикла и культуры 2 – замкнутая структура порядка с центростремительным движением.

Кроме того, теория П. Б. Богдановой сопоставима с теорией Т. С. Куна: модели разрушительного цикла соответствует научная революция, а модели восстановительного цикла – нормальная наука. Отметим, что работа Т. С. Куна носит мета-научный характер, а работа П. Б. Богдановой проведена в русле конкретной дисциплины – культурологии, хотя П. Б. Богданова предполагает, что обнаруженные закономерности носят универсальный характер [\[15, с. 175\]](#).

Таким образом, восстановительный цикл можно рассматривать как проявление системно-структурной мета-парадигмы, а разрушительный цикл – как проявление биоэссенциально-детерминистической мета-парадигмы.

Заключение. Универсальный характер системно-структурной и биоэссенциально-детерминистической мета-парадигм

Распространение теории знака из курса языкознания на другие отрасли научного знания позволило вывести выделить две мета-парадигмы: системно-структурную и биоэссенциально-детерминистическую. Показана реализация системно-структурной и биоэссенциально-детерминистической мета-парадигм на примерах различных областей научного знания и трудов отдельных исследователей. Можно утверждать, что системно-структурная и биоэссенциально-детерминистическая мета-парадигмы проявляются как тенденции развития научного знания.

Парадигма – это система представлений, принятая учёным сообществом в пределах

одной науки. Мета-парадигма – это концептуально обобщённый свод систем представлений в различных науках.

Говоря о тенденциях, трендах и мета-парадигмах, стоит дать определения и разграничить данные явления. Тенденция – это текущий вектор развития науки. Тренд – это модная тенденция, носящая системный характер и отображающая текущее состояние дел. Мета-парадигма – носит вневременной характер, отображает выход на над-уровень, в то время как тенденция и тренд описывают развитие на уровне описываемых закономерностей. Мета-парадигма, в отличие от тенденции и тренда, не только описывает текущее развитие, но и объясняет причины и даёт прогнозы стратегического характера.

Кроме того, тенденции и тренды – это частные случаи реализации мета-парадигмы. Можно провести параллели с тактикой и стратегией: мета-парадигмы описывают стратегическое развитие, а тактически реализуются через тенденции и тренды, при этом тактика в моменте может противоречить стратегии в целом – и в то же время работать на стратегию, как бы парадоксально это ни казалось.

Мета-парадигмы носят универсальный характер и проявляются во всех областях научного знания: где-то как глобальные парадигмы, направляющие развитие всей науки, а где-то – как отдельные концепции, реализующиеся в виде частных теорий.

Разумеется, многое осталось за кадром – в рамках одной научной статьи, даже в нескольких частях одной статьи, невозможно исчерпывающе полно осветить какой-либо широкий вопрос. Человеческий разум априори не может охватить все области научного знания. Системно-структурная и биоэссенциально-детерминистическая мета-парадигмы выделены посредством распространения теории знака из курса языкознания на парадигмы в языкознании (план выражения сопоставлен с системно-структурной парадигмой, план содержания – с антропоцентрической). На примере других научных дисциплин и трудов отдельных исследователей показано проявление системно-структурной и биоэссенциально-детерминистической мета-парадигм. Закономерности, выявленные при анализе проявления системно-структурной и биоэссенциально-детерминистической мета-парадигм в других областях, позволили сделать описание мета-парадигм более ярким, добавили новые характеристики. Однако отметим, что реализация системно-структурной и биоэссенциально-детерминистической мета-парадигм показана на примере лишь некоторых научных дисциплин и трудов отдельных исследователей. Думается, что представители других наук смогут провести аналогичные исследования в «своих» науках, а учёные из наук, представленных в данной работе, смогут провести более углубленное исследование. Нельзя объять необъятное – но можно наметить поле, обрисовать возможности для дальнейших исследований.

Таким образом, преломляясь в различных научных дисциплинах и трудах исследователей, системно-структурная и биоэссенциально-детерминистическая мета-парадигмы различно проявляются в различных областях знания. Смена парадигм носит системный характер.

Концептуально осмысливая основные тенденции научного знания, мы можем выделить две главные противоборствующие тенденции: традиция сохранять традиции и революционное стремление к революции – системно-структурная и биоэссенциально-детерминистическая мета-парадигмы соответственно. Эти тенденции носят системный характер, поэтому названы мета-парадигмами. В настоящее время (с начала новой эры и по настоящее время) происходит смена системно-структурной мета-парадигмы на

биоэссенциально-детерминистическую. Эта смена мета-парадигм носит системный характер – т.е. проявляется в ряде наук, – а сам процесс смены мета-парадигм можно назвать антропоцентрическим поворотом.

На базе разнообразного фактологического материала описана реализация двух основных тенденций развития научного знания:

- системно-структурная мета-парадигма – системно-структурная парадигма (а также абстрактный объективизм В. Н. Волошинова и системоцентричный подход Е. В. Рахилиной) в языкознании; совокупность телесно причинных теорий голосообразования в фонопедии; нормальная наука по Т. С. Куну; культура 2 по В. З. Паперному; цикл восстановления и замкнутая структура порядка с центростремительным движением по П. Б. Богдановой;
- биоэссенциально-детерминистическая мета-парадигма – антропоцентрическая парадигма (а также индивидуалистический субъективизм В. Н. Волошинова и антропоцентричный подход Е. В. Рахилиной) в языкознании; совокупность психически обусловленных теорий голосообразования в фонопедии; научная революция по Т. С. Куну; культура 1 по В. З. Паперному; цикл разрушения и открытая структура хаоса с центробежным движением по П. Б. Богдановой.

Полученные данные позволили дать более подробное описание общих характеристик обеих мета-парадигм:

- общие характеристики системно-структурной мета-парадигмы: мир линейный, статика, логика, опора на сознательное, упорядоченность, строгость, рациональное, Рацио, сознательное, объективность, определённое, язык, эволюция, традиция сохранять традиции, Путь Знания, путь количественных изменений; узкая специализация, развитие вглубь, конкретная научная дисциплина как закрытая система; формально-ориентированный подход;
- общие характеристики биоэссенциально-детерминистической мета-парадигмы: мир хаотический, динамика, интуиция, опора на бессознательное, хаос, произвольность, иррациональное, Иррацио, бессознательное, субъективность, аморфное, речь, революция, революционное стремление к революционным изменениям, Путь Веры, путь качественных изменений; широкая междисциплинарность, развитие вширь, конкретная научная дисциплина как открытая система; сущностно-ориентированный подход.

Кроме того, в ряде проанализированных научных дисциплин (литературоведение, психология, психолингвистика) системно-структурная и биоэссенциально-детерминистическая мета-парадигмы представлены имплицитно в виде различных концепций, течений и теорий.

Таким образом, выделенные и описанные тенденции характерны для мира идей: языкознание, литературоведение, психолингвистика, психология, биомедицинская сфера, фонопедия, религиоведение, теория Т. С. Куна, – и для мира людей: теория В. З. Паперного, теория П. Б. Богдановой. Мир идей и мир людей изучают люди – т.е. в изучение идей и людей априори заложен фактор антропоцентризма – или, если смотреть шире, фактор биоэссенциального детерминизма. В мир вещей – т.е. мир объективных закономерностей без учёта человеческого фактора – проникают точные науки: математика, физика и др., – и возможно, в мире вещей как в мире объективной заданности априори заложен фактор системного структурализма – однако в статье рассмотрены представления о представлениях, а не сами явления; предоставим право

ответа на этот вопрос представителям точных наук. Однако отметим, что мир вещей изучают люди – т.е. в изучение мира объективной заданности заложен фактор биоэссенциального детерминизма.

Отметим, что каждое проявление системно-структурной и биоэссенциально-детерминистической мета-парадигм, помимо описанных базовых характеристик, имеет свои отличительные особенности. Так, проявляясь в мире людей, системно-структурная и биоэссенциально-детерминистическая мета-парадигмы преломляются сквозь призму человеческого фактора и обретают отличительные черты – культура 1 и культура 2 по В. З. Паперному дополняются характеристиками, которые отсутствуют при проявлении мета-парадигм в других областях и даже более того – характерны для противоположной мета-парадигмы. Однако культура 1 и культура 2 – это искусственные конструкции, изобретённые автором для объяснения реалий культурной и общественной жизни в определённые временные периоды и в чистом виде не существующие [\[14, с. 17\]](#). Это значит, что при доминировании культуры 1 в то же время могут присутствовать вкрапления культуры 2 – и наоборот. Калейдоскопически переплетаясь, культура 1 и культура 2 тем не менее обнаруживают в себе черты биоэссенциально-детерминистической и системно-структурной мета-парадигм соответственно.

Кроме того, примем во внимание замечание П. Б. Богдановой: в пределах одного цикла обе тенденции действуют одновременно, при этом одна является главенствующей, а вторая, будучи второстепенной, становится главной в следующем цикле, «и именно в конфликте с ней начинает действовать новая тенденция цикла» [\[15, с. 174\]](#), – мы можем сделать вывод, что присутствие в цикле элементов противоположной тенденции делает этот цикл более ярким, индивидуальным.

Также, согласно Т. С. Куну, научная революция не происходит сразу же по обнаружении аномалии – скорее, научное сообщество будет предпринимать попытки объяснить аномалию средствами существующей парадигмы; как и результатом научной революции является новая парадигма – а не просто сам переход как таковой от старой парадигмы к новой. Итогом свершения научной революции и крушения старой парадигмы является новая парадигма; т.е. научная революция – это переход от одной нормальной науке к другой нормальной науке. Следовательно, можно сделать вывод: есть переходные периоды, когда нормальная наука и научная революция существуют, будучи переплетёнными в некоторых пропорциях.

Заметим, что в отдельных научных дисциплинах в статье показано переплетение системно-структурной и биоэссенциально-детерминистической мета-парадигм (литературоведение в первой части; психология, психолингвистика во второй части).

Таким образом, можно сделать вывод: в одних областях знания системно-структурная и биоэссенциально-детерминистическая мета-парадигмы сменяют друг друга, а в других – причудливо переплетаются.

Продолжая рассуждения Т. С. Куна о развитии научного знания, отметим, что язык одной мета-парадигмы непереводим на язык другой без потерь.

Можно провести параллели со строением головного мозга: функционал левого полушария «укладывается» в описание системно-структурной мета-парадигмы, а функционал правого полушария можно описать биоэссенциально-детерминистической мета-парадигмой. Всем нам известны различия левшей и правшей – т.о., полушария головного мозга проявляются как бинарные оппозиции.

Принимая во внимание книги Нового Завета – Евангелия, – можно считать, что деятельность Иисуса Христа ознаменовала собой поворот от системно-структурной мета-парадигмы к биоэссенциально-детерминистической мета-парадигме, что повлекло за собой последующую глобальную смену парадигм во всех областях знания в западноевропейской цивилизации. Таким образом, антропоцентрический поворот и смена парадигм носят системный характер. В то же время труды отдельных исследователей (В. З. Паперный) описывают более частую смену мета-парадигм – в пределах XX в., – что можно объяснить сложностью и многогранностью характера проявления системно-структурной и биоэссенциально-детерминистической мета-парадигм, функционирующих как бинарные оппозиции **форма** и **содержание**.

Можно сказать, что бинарные оппозиции – это тенденции, асимптотически направляющие развитие сознания. Тогда бинарные оппозиции **форма** и **содержание** – это проявление закона количественно-качественных изменений, при этом **форма** является достоянием системного структурализма, а **содержание** познания является биоэссенциально-детерминистически обусловленным. Таким образом, **форма** и **содержание** – план выражения и план содержания, формальное и сущностное, внешнее и внутреннее – познания являются биоэссенциально детерминированными, и могут безгранично расширяться по принципу фрактальности Вселенной – по принципу бесконечного подобия. Можно утверждать, что жизнь есть безграничное познание, развёрнутое во времени, и возможности познания как процесса детерминируются жизненной сущностью познающего, его биологически обусловленными ограничениями.

В настоящей работе теория знака из курса языкознания распространена на другие области научного знания: показано действие закона количественно-качественных изменений на примере выделения и описания реализации двух противоположно направленных тенденций – формально-ориентированной системно-структурной и сущностно-ориентированной биоэссенциально-детерминистической мета-парадигм, концептуально обобщающих научные представления в ряде научных дисциплин.

Анализируя развитие научного познания на примере лингвистики, В. М. Алпатов замечает: наука делается людьми, и кому-то из учёных может быть ближе получение и исследование нового фактического материала, а кому-то – обобщение и построение объяснительных теорий [\[19, с. 3\]](#). В. М. Алпатов делает вывод: «бывают периоды, когда наука временно сосредоточена на конкретном фактическом материале и на шлифовке методов его получения. Но неизменно наступают времена кризиса и перелома, когда необходим прорыв в теории, нередко приобретающий характер научной революции, когда не всегда нужно искать новые факты, достаточно по-новому интерпретировать то, что известно. Словом, на первый взгляд в развитии науки выходит то описание, то объяснение. Между тем, одни ученые по складу характера любят одно, другие – другое. И споры теоретиков и фактографов вечны» [\[19, с. 11\]](#). Осмысливая революции и эволюции в истории науки на примере лингвистики, В. М. Алпатов подводит итог: революционные и эволюционные этапы чередуются, и такова закономерность научного развития [\[20, с. 15\]](#).

Мы продолжаем дискурс, заданный Платоном и Аристотелем, и развивающийся исследователями в различных областях научного знания.

Библиография

1. Рудин Л. Б. Мастер-классы по фонологии и фонетике / Л. Б. Рудин // Голос и речь. 2010. № 2(2). С. 95–98. EDN NXBRJL.
2. Юссон Р. Певческий голос, М., 1974. 264 с.

3. Морозов В. П. Искусство резонансного пения. Основы резонансной теории и техники. ИП РАН, МГК им. П. И. Чайковского, Центр «Искусство и наука». М., 2002. 496 с.
4. Орлова О. С. Нарушения голоса: учеб. пособие / О. С. Орлова. М.: АСТ: Астрель, 2008. 220 с.
5. Рудин Л. Б. Классификация заболеваний и состояний голосового аппарата / Л. Б. Рудин // Голос и речь. 2013. № 1(9). С. 97–102. EDN PTWIZQ.
6. Рудин Л. Б. Клинико-физиологические аспекты голосообразования / Л. Б. Рудин // Материалы XXIII съезда Физиологического общества им. И. П. Павлова с международным участием, Воронеж, 18–22 сентября 2017 года. Воронеж: Издательство Истоки, 2017. С. 1256–1257. EDN XXZGPI.
7. Ализаде Ю. С. Рудин, Л. Б. Результаты ретроспективного анализа распространенности голосовых расстройств у педагогов / Ю. С. Ализаде, Л. Б. Рудин // Медицина труда и промышленная экология. 2019. Т. 59, № 9. С. 542–543. DOI 10.31089/1026-9428-2019-59-9-542-543. EDN ZJGCSL.
8. Емельянов В. В. Развитие голоса. Координация и тренинг : учебное пособие / В. В. Емельянов. 9-е изд., стер. Санкт-Петербург : Лань : ПЛАНЕТА МУЗЫКИ, 2020. 168 с.
9. Багрунов В. П. Азбука владения голосом для болельщика. СПб.: Композитор. Санкт-Петербург, 2010. 220 с.
10. Поршнева Б. Ф. О начале человеческой истории. (Проблемы палеопсихологии). Под ред. Б. А. Диденко. М.: «ФЭРИ-В», 2006. 640 с.
11. Берн Э. Групповая психотерапия. М.: Академический Проект, 2001. 464 с.
12. Выготский Л. С. Психология развития ребенка. М.: Изд-во Смысл, Изд-во Эксмо. 2005. 512 с.
13. Kuhn T. S. The Structure of Scientific Revolutions / 3rd ed. / University Of Chicago Press, 1996. 226 p.
14. Паперный В.З. Культура Два. 4-е изд. 4-е изд. — М.: Новое литературное обозрение, 2016. — 395 с. — (Библиотека журнала «Неприкосновенный запас»). — ISBN: 978-5-4448-0597-8.
15. Богданова П. Б. Маятник культуры / П. Б. Богданова. Санкт-Петербург : Издательство Алетей, 2021. 180 с. ISBN 978-5-00165-285-4. EDN KMMVEF.
16. Богданова П. Б. К вопросу о цикличности в развитии режиссуры (от "оттепели" до начала XXI в.) / П. Б. Богданова // Вестник РГГУ. Серия: Философия. Социология. Искусствоведение. 2015. № 2(2). С. 100–106. EDN VURWCR.
17. Богданова П. Б. Общие закономерности смены культурных циклов / П. Б. Богданова // Ярославский педагогический вестник. 2020. № 2(113). С. 160–167. DOI 10.20323/1813-145X-2020-2-113-160-167. EDN VWNYFM.
18. Богданова П. Б. Классические и неклассические структуры драмы / П. Б. Богданова // Верхневолжский филологический вестник. 2022. № 2(29). С. 220–227. DOI 10.20323/2499-9679-2022-2-29-220-227. EDN HBQGKL.
19. Алпатов В. М. Исследователи фактов и создатели теорий / В. М. Алпатов // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2008. Т. 67, № 2. С. 3–11. EDN GVESFF.
20. Алпатов В. М. Революции и эволюции в истории науки (на материале лингвистики) / В. М. Алпатов // Революция и эволюция: модели развития в науке, культуре, обществе : труды II Всероссийской научной конференции, Нижний Новгород, 29 ноября – 01 2019 года. Нижний Новгород: Общество с ограниченной ответственность "Красная ласточка", 2019. С. 13–16. DOI 10.24411/9999-036A-2019-00004. EDN TPAZEX

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не

раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом исследования статьи «Системно-структурная и биоэссенциально-детерминистическая мета-парадигмы. Часть вторая» выступает рост и развитие научного знания. Однако понять это можно либо прочтя первую часть статьи, либо дочитав эту часть до заключения, в котором подводятся итоги не только второй части работы, но и первой.

Представляется, что выбранный автором вариант публикации статьи – в двух частях не доведен до логического конца. Две части одной статьи – это две самостоятельные работы, читать которые, хотя бы чисто теоретически, можно по отдельности. Если первая часть, прочитанная без второй, еще может быть понята и выглядит просто не совсем завершенной, то вторая часть без первой – собственно статьей не является. В ней не определен ни предмет исследования, ни его цель, ни методология, ни актуальность. Собственно, даже небольшого введения, которое бы отсылало к первой части статьи в рассматриваемом тексте нет. Это делает представленную работу несамостоятельной и непонятной для читателя, незнакомого с началом статьи.

В настоящем варианте структура статьи выглядит странно.

Содержание и в таком «куцем» варианте полностью соответствуют заявленной проблеме. Однако развитие темы смены мета-парадигм от системно-структурной к биоэссенциально-детерминистической – обнаруживает некоторую предвзятость автора, учитывание одних тенденций и нивелирование других, заметной становится определенная "подтасовка" фактов под теорию. Логичным выглядит вопрос относительно выбора "других отраслей научного знания", в которых автор прослеживает тенденцию смены мета-парадигм, как и персоналий, чьи теории рассматриваются в качестве подтверждения обозначенной тенденции.

В этой части работы автор последовательно обращается к рассмотрению Системно-структурной и биоэссенциально-детерминистической мета-парадигмы в таких отраслях научного знания, как: биомедицина, фонопедия, психология, психолингвистика, а также в трудах таких исследователей, как В.З. Паперный и П.Б. Богданов. Обобщая материалы как первой, так и второй части исследования, автор констатирует универсальный характер системно-структурной и биоэссенциально-детерминистической мета-парадигм. Эти мета-парадигмы признаются им в качестве основных двух тенденций развития научного знания. Ссылаясь на идеи Т. С. Куна, В. З. Паперного, и П. Б. Богдановой, автор приходит к выводу о непереводаемости языка одной парадигмы на язык другой.

Библиография статьи включает 20 наименований работ как отечественных, так и зарубежных авторов, посвященных рассматриваемой проблеме.

Апелляция к оппонентам присутствует, но избирательно. Автор включает в рассмотрение только тех персоналий, идеи которых укладываются в его интерпретационную схему.

В статье поднята глубокая философская тема, требующая дальнейшего осмысления и обсуждения, однако изложение ключевых идей автора, вне зависимости от их оригинальности, должно соответствовать существующей конвенции в области научных публикаций.

Для того чтобы статья могла быть опубликована необходимо снабдить ее всем необходимым арсеналом – обозначением предмета и цели исследования, актуальности этого ракурса изучения проблемы, описанием методологии исследования и новизны. Необходимо указать что было уже рассмотрено в первой части статьи и к каким выводам в ней пришел автор. Как вариант – следует соединить первую и вторую части статьи и публиковать их единым текстом.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Статьи, состоящие из нескольких частей, трудно поддаются восприятию в силу того, что бывает непросто установить между этими частями целостность и некоторое единство. Тем более, когда выбор автора связан с нетривиальной темой – именно такой, как предлагается в статье: «Системно-структурная и биоэссенциально-детерминистическая мета-парадигмы». Конечно, в предлагаемом названии постановка сразу трех дефисов сама по себе вызывает вопросы; главный из них: не проистекает ли из этого некоторое разъединение смыслов вместо того, чтобы, напротив, достичь их связности и целостности. С другой стороны, «мета-парадигмы» – вполне состоятельное в науке явление, во многом определяющее смысл построения методологии и ее рецепцию. Представляется, что автор в целом уловил одну из основных тенденций методологических исканий, направленную на «широкую междисциплинарность». Автору статьи для придания своему материалу эвристической значимости потребовалось привлечь структуры разных наук – психологии, психолингвистики и др. Это сделано не только для того, чтобы показать тяготение этих областей знаний к встроенности в мета-парадигмы, но и прирост их собственных теоретических, эмпирических и методологических ресурсов в силу такого «притяжения». Примечательно, что автор статьи активно использует значительный исторический материал для подтверждения своих идей, и этот ракурс в высокой степени определяет развертывание соотносительности системно-структурной и биоэссенциально-детерминистической мета-парадигм. Как обнаруживается, на эти искания накладываются более современные явления в науке, такие, например, как научно-технический прогресс, а также развитие телесно ориентированной медицины и т.д. Интерес представляет выбор автора в пользу такой самостоятельной сферы знаний как фонопедия. Нечасто можно встретить обращение именно к этой сфере знаний, и честно сказать, был определенный скепсис на этот счет, однако он благополучно развеялся, поскольку автору статьи вполне удалось аргументировать не только свой выбор, но и проиллюстрировать, насколько опыт фонопедии способен раскрыть концептуализацию такого единства, как системно-структурная и биоэссенциально-детерминистическая мета-парадигмы. Так, например, автор статьи показывает, что т.н. «теории голосообразования и пения» соответствуют указанным методологическим исканиям и с этой точки зрения вполне способствуют раскрытию их содержания. Но, конечно, более предметная область реализации единства указанных мета-парадигм демонстрирует психология. Автор, обращая внимание на данное обстоятельство, констатирует, что именно в русле психологии оба эти ракурса как в совокупности, так и по отдельности (например, в аспекте бихевиоризма) позволяют «усилить» методологический бэкграунд и самой психологии, и в целом методологии науки. Неизвестно, как автор конкретно определяет понятие мета-парадигмы, однако исходя из содержательного «разворота» представленной статьи, он вполне приблизился к универсалистской трактовке, полагая при этом, что любое открытие в психологии практически может быть «пропущено» через призму биоэссенциализма либо системно-структурного подхода. В то же время автор обращается не только к конкретным упоминаемым областям познаний, но и персонально к исследователям, которые развивают обозначенное направление исследований. Таким образом, как мне представляется, автору статьи удалось достичь следующих преимуществ: (1) следуя логике научного поиска, автор рассматривает проблематику в аспекте методологической «широты», что можно расценивать как современный тренд;

(2) статья раскрывает четкую авторскую позицию, для которой характерен относительно новый взгляд на обозначенную проблематику; (3) выводы по итогам изучения темы выглядят убедительными и согласующимися с теми методологическими векторами, которые имеются в современной актуальной методологии. Значит, статья вполне может быть опубликована в научном журнале.

Философская мысль

Правильная ссылка на статью:

Гришин А.А. Человек в многомировой интерпретации квантовой механики // Философская мысль. 2024. № 10.
DOI: 10.25136/2409-8728.2024.10.71728 EDN: FXDEMJ URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=71728

Человек в многомировой интерпретации квантовой механики

Гришин Александр Александрович

независимый исследователь

241012, Россия, Брянская область, г. Брянск, ул. Орловская, 22, кв. 1

✉ m-rgreen@yandex.ru

[Статья из рубрики "Естественно-научная картина мира"](#)

DOI:

10.25136/2409-8728.2024.10.71728

EDN:

FXDEMJ

Дата направления статьи в редакцию:

18-09-2024

Аннотация: В эссе представлен обзор актуальных научно-философских публикаций, посвященных квантовой физике и интерпретациям квантовой механики. На основе идей британского физика Дэвида Дойча и американского физика-теоретика Шона М. Кэрролла изложено обоснование многомировой интерпретации с точки зрения физической теории, ее непротиворечивости и способности объяснить парадоксы квантовой физики без привлечения дополнительных вспомогательных концепций и неизвестных законов физики. Неприятие многомировой интерпретации автор предлагает относить к психологическому барьеру – отказу взглянуть на реальность под другим углом, или «иллюзии здравого смысла». Рассматривается механизм квантовых вычислений (квантового компьютеринга) и возможность квантовой природы функционирования сознания живых организмов на основе концепций Роджера Пенроуза и Михаила Менского и их неоднозначность. С применением анализа и общенаучных методов исследования предлагается механизм взаимодействия биологических организмов и квантовой природы мира на основе принципа, используемого квантовой механикой для решения задачи Элицура-Вайдмана. Делается вывод о возможности функционирования биологического квантового механизма, обеспечивающего существенный выигрыш в

экологической конкуренции между живыми существами посредством повышения эффективности их прогностического поведения. Дается аргументация как в пользу, так и против существования такого механизма на основе анализа общедоступных материалов научных исследований по данной тематике. В заключении предпринята попытка определить место человека в расширенной таким образом картине мироздания. Показано, какое значение могло бы иметь то, способны ли человеческие существа обмениваться информацией со своими инвариантами в Мультивселенной, с точки зрения концепций личности и самосознания. Дается краткий обзор влияния идей квантовой физики в общем и многомировой интерпретации в частности на современные религиозные течения, философию и медиакультуру.

Ключевые слова:

квантовая механика, квантовая биология, квантовые вычисления, многомировая интерпретация, задача Элицура-Вайдмана, Мультивселенная, эволюция, Эверетт, Пенроуз, Менский

Современная наука началась совсем недавно, с «Рассуждения о методе» Декарта [\[1\]](#), когда культурная эволюция обществ Европы породила ученых-эмпириков, способных понять и принять его мысль; и зародилась она как продолжение метафизики, попытки разгадать Божественный замысел через понимание законов природы. С тех пор наука отказалась и от идеи Бога, и какого-то ни было великого замысла, почти доказав бытие Вселенной как вещи в себе, не требующей ни конца, ни начала.

В последние сто лет люди узнали об окружающем мире больше, чем за всю предыдущую историю. Однако даже самые смелые авторы от науки не берутся открыто применить выводы своих теорий к месту человека в этом новоприобретенном знании, оставляя подобные измышления научной фантастике (нередко сами ученые являются и признанными авторами художественных произведений на близкие к ним по исследовательской деятельности темы).

В первых главах своей книги «Структура реальности: Наука параллельных вселенных» [\[2\]](#) Дэвид Дойч неявно описывает феномен, относящийся к человеческой психологии, который я бы, с его позволения, назвал «Иллюзия здравого смысла»:

«Как это Земля не плоская?! Оглянитесь вокруг! Да обратитесь к здравому смыслу – если бы она была круглой, мы бы все соскользнули с края и попадали вниз!»

«Конечно, свинцовая гиря падает быстрее, чем деревянная! Она же тяжелее! Ясно как день!»

«Квантовая механика действительно впечатляет. Но внутренний голос говорит мне, что это ещё не идеал. Эта теория говорит о многом, но всё же не приближает нас к разгадке тайны Всевышнего. По крайней мере, я уверен, что Он не бросает кости»

Последнее высказывание принадлежит не кому-нибудь, а Эйнштейну [\[3\]](#), и он, конечно, отчасти был прав. Он – один из величайших в истории «развенчателей иллюзий», описавший языком математики и физики само пространство-время и показавший, что параллельные прямые становятся вовсе не такими уж параллельными, стоит нам (или

любой другой массе-энергии) приблизиться к ним.

«Иллюзия здравого смысла» укоренена в нас подсознательно, как и вера в непогрешимость собственного Я. Очень трудно свыкнуться с мыслью, что что-либо может быть совсем не тем, чем очевидно кажется.

Эйнштейн, возможно, ошибался только в одном: неполна не квантовая теория – неполноценны мы сами, выдавая иллюзию видимой реальности за непреложную истину! Он не дожил два года до момента, когда в 1957-м году американский физик Хью Эверетт предложил свою многомировую интерпретацию, осознав это [\[4\]](#).

Вероятность случайной кристаллизации на первобытной Земле самовоспроизводящегося ДНК-репликатора, с которого мы ведем свое начало, составляет 10^{-1081} (на самом деле, гораздо вероятнее, потому что наша Вселенная заточена законами физики на его появление, но все же) [\[5\]](#). На это понадобилось бы большее количество известного нам времени, чем для распада последнего атома в нашей Вселенной. Однако в бесконечности вселенных это не играет роли – в какой-то из них это случилось всего лишь через 8 миллиардов лет после ее возникновения, и теперь мы живем в ней.

Собственно, мизерная вероятность появления Вселенной с такими физическими законами, которые позволили возникнуть в ней и осознать себя нам – так называемый антропный принцип – является одним из аргументов в предположении о существовании бесконечности вселенных [\[6\]](#).

Кроме того, квантовая физика в интерпретации Эверетта предполагает еще и существование нашей Мультивселенной – вариаций нашей Вселенной с момента ее возникновения, в количестве с непредставимым, но теоретически все же конечным числом в показателе десятой степени. Эти вариации – «параллельные вселенные» – в принципе могут быть нам доступны.

Обоснование многомировой интерпретации квантовой механики хорошо рассмотрено опять же в «Структуре реальности» [\[2\]](#) Дойча. Суть в том, что эта интерпретация единственная непротиворечиво описывает парадоксы квантовой физики, которые подметил еще Эйнштейн. Признавать ее многие боятся из-за той самой «иллюзии здравого смысла» – зачем нужно наличие бесконечных параллельных вселенных, когда осознаем мы всего одну, давайте лучше введем дополнительные сущности вроде «волны-пилота» (теория де Бройля-Бома) или новый закон физики в виде самопроизвольного коллапса волновой функции частицы («полураспада») в зависимости от времени (теория Герарди-Римини-Вебера) или от смещения гравитирующих масс (Пенроуз). Для ознакомления с альтернативными интерпретациями физического обоснования квантовой механики рекомендую заглянуть в главу «Альтернативы многомировой интерпретации» книги Шона Кэррола «Квантовые миры и возникновение пространства-времени» [\[7\]](#)

Однако принцип «бритвы Оккама» – «не следует привлекать новые сущности без крайней на то необходимости» – отсекает как раз такие альтернативные теории, а вовсе не альтернативные вселенные.

Никто никоим образом не ущемляет в правах какую-либо из интерпретаций квантовой физики с точки зрения *математического аппарата*, который они используют – он, по сути,

един для всех них; классическая Копенгагенская модель и предполагает пользоваться лишь математикой для описания физических явлений квантового мира, с ее мнимыми числами и вероятностями, Гильбертовым пространством и т.д. Но, вслед за Дойчем, я выбираю для себя самую непротиворечивую из интерпретаций с точки зрения аппарата *физического*. Поэтому далее я позволю себе давать описания эффектов нашей квантовой реальности с точки зрения многомировой интерпретации Эверетта. На мой взгляд, она одна способна объяснить суть вещей, пользуясь лишь уже известными законами физики; а то, что это объяснение предлагает взглянуть на реальность под другим углом, только позволит нам избавиться от еще одной «иллюзии здравого смысла».

Итак, если наше осознание единственности Вселенной – очередная иллюзия, то как она возникает? Во-первых, из-за того, что пронаблюдать наличие «параллельных» вселенных непосредственно можно только проследив за интерференцией элементарных частиц, например, одиночных фотонов, а об их существовании стало известно как раз в результате разработки квантовой теории, то есть в последние сто лет. Во-вторых, подобно тому, как наше сознание является продуктом взаимодействия нейронов нашего мозга, осознаваемая нами вселенная и все объекты в ней, включая сам мозг и сознание, являются «проекциями» Мультиверса. Как сознание не способно напрямую увидеть, что оно – процесс, также не может оно увидеть, что и весь окружающий мир – процесс, порожденный огромным числом взаимодействующих друг с другом физических полей; и лишь те поля, которые в результате проявляются в мире, которому принадлежит наше сознание, в виде элементарных частиц, и создают в итоге этот мир. Иначе говоря, мы способны увидеть только нашу собственную вселенную и вселенные, непосредственно примыкающие к ней, вселенные-соседи. Эти вселенные воспринимаются нами как пространство, прошлое и будущее. (Описываемое здесь и далее представляет собой краткий и довольно свободный, однако необходимый пересказ концепций из [21] Дойча и [71] Кэррола, поэтому попрошу читателя строго не судить меня за возможную скудость ума в изложении, и обратиться к первоисточникам.)

Время – пожалуй самая интересная иллюзия, порожденная нашим сознанием. Мы привыкли считать, что «время течет» где-то независимо от нас, повесили часы и следим, как двигаются их стрелки, якобы отслеживая «ход времени» – хотя на самом деле мы видим то, что видим – движение стрелок. Время – такое же измерение, как и любое другое измерение пространства. Мы не способны вернуться назад во времени так же, как не способны вернуться на то же самое место в пространстве, или буквально войти в одну реку дважды, – даже если мы встанем со своего стула, подойдем к окну, а потом вернемся на стул – мы переместимся не в пространстве, а в **пространстве-времени**, и не мы, не стул уже не будут те же! С точки зрения квантовой физики, физические поля, составляющие наше тело, а вслед за ними и наше сознание, эволюционируют согласно уравнению Шредингера в Мультивселенной, подчиняясь второму закону термодинамики, при взаимодействии между собой «выбирая» по одной за раз в стремлении к наибольшей энтропии, чтобы проявиться в них, как элементарные частицы; они составляют друг с другом комбинации, порождающие конкретно эту, вашу, Вселенную. Вернуться «назад во времени», скажем, секундной давности, вам мешает второй закон термодинамики. Вы подобны газу, который секунду назад выпустили из баллона, где он был сжат; и подобно тому, как газ не способен вернуться назад в баллон, не можете вернуться в состояние суперпозиции по отношению к себе нынешнему и вы: вероятность этого должна быть приблизительно равна числу элементарных частиц, составляющих ваше тело, помноженному на количество квантов времени в секунде, то есть примерно $7 \times 10^{27} * 10^{43} = 7 \times 10^{70}$. Вероятность, как видим, удручающе мала, хотя в

бесконечности вселенных где-то на периферии кривой нормального распределения найдется и такая, в которой она осуществилась.

Вопрос о том, сколько существует инвариантов Вселенной, и вообще, конечно ли оно или бесконечно, остается открытым. Теоретически есть лишь Мультиверс, в котором все квантовые состояния находятся в суперпозиции друг с другом, а количество наблюдаемых вселенных в нем зависит лишь от количества «наблюдателей» внутри, и от точек их зрения. Под термином «наблюдатели» имеются ввиду любые взаимодействующие друг с другом физические объекты.

Более того, согласно разрабатываемым теориям квантовой гравитации, само пространство-время есть только свойство квантово-запутанных полей: степень запутанности полей эквивалентна геометрии пространства-времени, а их энтропия – энергии в уравнении Общей теории относительности Эйнштейна (см. §13 [\[7\]](#)).

Как на практике можно применить знание о квантовой природе вселенной? Не освоила ли это знание эволюция за миллиарды лет существования жизни? Или человек будет первым ее порождением, которому благодаря разуму это удастся?

Прежде всего, человек стремится создать квантовый компьютер [\[2, с.229\]](#). В классическом компьютере вычисление выполняется последовательно, бит за битом. Мы можем распараллелить процесс, добавив количество ядер в процессор. Квантовый компьютер по своей сути строится так, чтобы использовать параллельные вселенные для вычислений, огромное их количество, теоретически – до бесконечности. Соответственно, вычисления, которые выполнялись бы классическим компьютером годы (например, разложение на множители больших чисел), на нем проходили бы практически мгновенно. Сложность тут в том, что, во-первых, мы можем отследить интерференцию только отдельных элементарных частиц, а во-вторых, что эти частицы легко подвергаются воздействию со стороны окружающей среды, даже малейших тепловых колебаний, вступают с ней во взаимодействие и теряют связь со своими двойниками из параллельных вселенных (это явление называют декогеренцией).

По сути, Мультиверс – это и есть квантовое вычисление, содержащее в себе все возможные исходы всего, что когда-либо происходило и произойдет, с нашей точки зрения. Проблема – как извлечь из него полезную информацию, не становясь частью этого вычисления!

На сегодня (2024 год) наш самый мощный квантовый компьютер способен оперировать не более чем 1200 кубитами, и выполнять весьма ограниченный круг задач [\[8\]](#).

Но не могла ли Природа опередить нас тут? Не является ли само наше сознание и вообще сознание живых существ результатом именно квантового компьютеринга, осуществляемого нашим мозгом? Может, Природа научилась обходить декогеренцию без использования охлаждения до сверхнизких температур, а молекулярные машины в наших клетках – оперировать кубитами?

Этот вопрос поднимается, скажем, Роджером Пенроузом в книге «Тени разума. В поисках науки о сознании» [\[9\]](#).

Пенроуз считает, весьма спорно, что наше сознание, или точнее, «понимание», нельзя объяснить работой классической универсальной машины Тьюринга, и нужно привлечь

некую «невыхислимую» составляющую, которую он предлагает искать на квантовом уровне функционирования нейронов мозга. Однако, как справедливо отмечают критики его книги ([\[10\]](#), [\[11\]](#)), сознание живых существ весьма примитивно по сравнению с вычислительным аппаратом, на котором работает. От вычислителя Тьюринга, будь он построен на кремниевых транзисторах или последовательностях аминокислот, как в нашем случае, требуется лишь создать модель обучаемой нейросети, а уже она, посредством проб и ошибок, формирует более-менее работоспособную схему сознания, от которой совсем не требуется доказывать теорему Геделя или безошибочно просчитывать потенциальную невычислимость алгоритма. От нее требуется накормить и обезопасить вверенный ей организм, и уж если она в этом процессе развилась настолько, что попутно может справиться с решением вышеуказанных задач – что ж, неплохо, но и не обязательно. Скорее всего, для возникновения сознания вполне достаточно «классического» физического аппарата. Однако, книга Пенроуза отнюдь не теряет от этого в качестве, и я еще не раз вернусь к ней далее.

Еще более одиозные предположения высказывают сторонники теории редукции вектора состояния посредством сознания (см, например, § 6.8 [\[9\]](#)). Они допускают, что воспринимаемая нами вселенная возникает только в сознании живых существ; неживые же предметы, – например, камень, – постоянно находятся в состоянии суперпозиции. С какой-то точки зрения их можно понять; действительно, квантовые парадоксы выглядят так, будто поведение квантовой системы напрямую зависит от наблюдателя; но с другой – роль «наблюдателя» вполне может сыграть тот же камень, встав на пути измеряемого фотона. Многомировая интерпретация Эверетта как раз и призвана избавиться от парадоксов, убрав в разряд иллюзий само явление редукции волновой функции. Квантовое событие происходит или не происходит не в зависимости от того, пронаблюдали ли мы его, или нет, – оно происходит всегда, и наблюдается всегда, только разными «нами».

Наиболее логически обоснованной из концепций непосредственного влияния сознания на эволюцию вектора состояния квантового мира является, пожалуй, предложенная Михаилом Менским в [\[12\]](#) РКЭ – расширенная концепция Эверетта.

Менский не непосредственно отождествляет акт осознания живыми существами с редукцией волновой функции; он берет многомировую концепцию Эверетта и включает в нее сознание наблюдателя, которое выбором наиболее подходящей альтернативы-проекции из многообразия суперпозиции Мультивселенной конкретно для этого осознающего субъекта обеспечивает тому видение классической картины мира и возможность строить прогностические [\[13\]](#) модели в нем. Но, на мой взгляд, в таком контексте речь может идти о фундаментальном свойстве жизни – реакции на внешнюю среду, но никак не о сознании – сложном процессе, доступном только многоклеточным организмам. С этой точки зрения Менский вполне прав – жизнь действительно способна «выбирать» наиболее подходящие для нее альтернативы, и вынуждена для этого оперировать с предсказуемым классическим миром вместо хаотичного квантового. Но отождествлять сознание с актом редукции – или, в данном случае, с выбором нужной вселенной – означало бы, что сознанием обладает любой простейший интерферометр или квантовый логический элемент, а то и просто камень.

Более того, я считаю, что наше сознание находится в самом «плачевном» положении среди всех объектов физического мира. Если камню, лежащему на поле, абсолютно все равно, обретается ли он в состоянии суперпозиции в мириадах миров, или был только что пнут ногой проходящим мимо мною в одной из вселенных, то мне самому очень

печально осознавать, что я никоим образом не могу наблюдать даже свою собственную суперпозицию, хотя постоянно нахожусь в ней по отношению к себе в «будущем», как не могу наблюдать мир в инфракрасном свете или слышать ультразвуки. Парадокс, однако, в том, что только таким способом – посредством порождаемого им сознания – ДНК-репликатор, составляющий мое тело, в отличие от камня, может обеспечить свое существование в гораздо большем количестве миров, чем камень. Камень в любом случае рано или поздно рассыплется в прах; генетическая же информация, организованная и воплощенная в живом организме, посредством сознания способна избежать множества вариантов уничтожения, перед которыми камень бессилен, например, увернуться от моей ноги, и передать свою реплику во множество миров, теоретически в самую Бесконечность; однако, для этого ей нужно, чтобы альтернативы моей личности заполнили как можно большее число возможных вселенных, в которых могли бы просчитаться как можно большее число наилучших исходов. С этой точки зрения, наше сознание действительно представляет собой «квантовый» вычислительный процесс, вот только работает оно не на себя, а на генетический репликатор, благодаря которому и существует. Слово «квантовый» я здесь поставил в кавычки, потому что любой процесс в Мультиверсе из таких соображений можно назвать квантовым, но на самом деле, под понятием «квантовый вычислительный процесс» подразумевается вычисление, результат которого будет единым во всех вселенных, в которых оно происходит, для того чтобы наблюдатель, запустивший его, везде мог получить единственно верное решение своей задачи. На этом, собственно, и основывается квантовый компьютер. Менский нигде не объясняет, как сознание может запустить такой механизм и воспользоваться им, почему-то считая, что часть сознания, находящаяся в суперпозиции, может каким-то образом «контактировать» со своими проекциями в отдельных вселенных.

Мне бы такая возможность очень импонировала, тем более что когда-то и я начинал размышления на эту тему, держа в уме что-то подобное – собственно, данное эссе и появилось как результат моего исследования этого вопроса. Далее я попытаюсь предложить механизм взаимодействия биологических организмов и квантовой природы мира, несколько более обоснованный, чем у Менского, и посмотреть, реализован ли он уже Природой, а если да, то почему в столь ненавязчивой форме, что это сразу не бросается нам в глаза.

Рис.1 (Источник:

<https://u.9111s.ru/uploads/202104/18/da4a2a50001af5471035bc0d6e4fea41.jpg>)

Тема выбора пути заложена глубоко в культуре человека.

Представим, что с камня на картинке выше стерли все надписи, и нет никого, кто мог бы нам подсказать, куда же свернуть. Квантовая теория говорит нам, что, в таком случае, если мы последуем случайному выбору, в Мультиверсе мы выберем **одновременно все три пути**, и в итоге, даже если две наших версии погибнут, одна найдет дорогу к цели, и так как она единственная останется осознающей, мы (она) будем уверены, что нам повезло и мы выбрали на развилке нужный путь.

Если предположить, что мы каким-либо образом все же используем квантовый компьютер, чтобы получить предсказательный результат в безвыходных с точки зрения классического прогнозирования ситуациях, и *не совершить* какое-то вредное для нас действие, или наоборот, совершить полезное, то каким образом это может быть возможно?

С позиции квантового вычисления, понятно, что нам так или иначе придется промоделировать события, а для этого кому-то из наших инвариантов в любом случае придется пройти по всем путям до конца. Получить от них результат – означает, по сути, построить «машину времени», или, точнее, машину передачи информации через Мультиверс. Итак, мы включаем квантовый генератор случайности, запрограммированный выдать 4 варианта наших действий. По первому – уходим налево, по второму – направо, по третьему сигналу – идем прямо, а по четвертому – остаемся перед камнем, сидим и ждем. У нас есть устройство, назовем его «квантовый предсказатель» (КП), скажем, тот же самый генератор случайности, только с квантово-запутанными друг с другом частицами внутри. Выдав нам один из четырех вариантов, он вместе с нами также «разделился» на 4, которые все мы оставили при себе; когда один из нас найдет нужный путь, то нажмет на кнопку на своем, и у того, кто остался ждать перед камнем, загорается нужная лампочка, он встает и идет этим путем (конечно, путь не будет тем же самым, и двойники никогда не смогут встретиться, потому что находятся в разных пространствах-времени, и единственная связь между ними – один квантово-запутанный кубит в их генераторах, но шанс, что второму удастся избежать именно той опасности, из-за которой им пришлось разделиться, заметно возрастает).

Следует остановиться подробнее на физическом устройстве нашего КП, в том числе и для того, чтобы избежать путаницы в терминологии. Здесь используется не принцип «квантовой телепортации», так хорошо знакомый любому, интересующемуся квантовой физикой, с его знаменитыми «Алисой» и «Бобом», между которыми происходит обмен квантово/классической информацией, и в котором действуют теоремы «О невозможности клонирования» и «Об отсутствии связи», т.е. о невозможности мгновенного обмена *полезной* информацией (см., например, § 5.17 [\[9\]](#)).

Нет, наш КП должен быть аналогичен устройству, используемому в решении задачи Элицура-Вайдмана «Об испытании бомб».

Задача Элицура-Вайдмана хорошо описана в § 5.9 [\[9\]](#), и применима к любой интерпретации квантовой механики. Итак, вы заперты в комнате вместе с двумя бомбами. Взрыватели на них представляют собой чрезвычайно чувствительные подвижные зеркальца, срабатывающие от попадания на них одного-единственного фотона. При этом у одной из бомб взрыватель неисправен, и фотон просто отразится от зеркальца, а бомба не взорвется. Вам нужно определить, какая бомба исправна, и желательно не погибнуть при этом. На первый взгляд, узнать это, кроме как наугад, невозможно – мы можем лишь определить шанс остаться в живых как 1 к 2, послав фотон на взрыватель

одной из бомб, и либо погибнем, либо нет. Однако, пользуясь законами квантовой механики, можно увеличить наши шансы, построив устройство следующего вида:

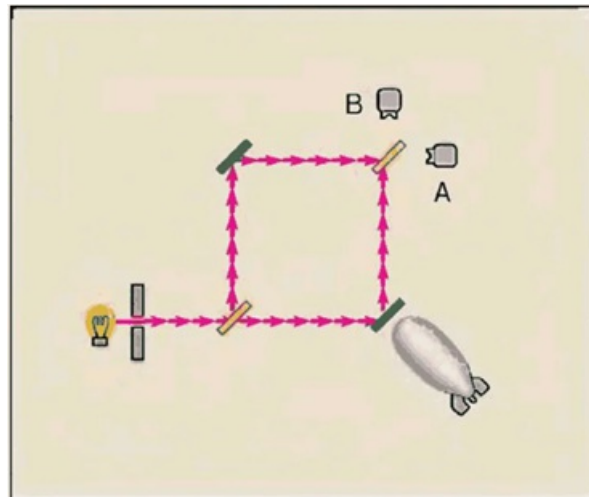

Рис.2 (Источник: <https://libcat.ru/knigi/dokumentalnye-knigi/publicistika/129390-3-yurij-lebedev-realno-li-mnogomirie.html>)

Мы не сразу направим фотон на детектор бомбы, а сначала «расщепим» его на два альтернативных фотона с помощью полупрозрачного зеркала (на самом деле, фотон по-прежнему останется только один, и закон сохранения энергии не нарушится, – мы просто используем для вычисления параллельную вселенную, в которой существует двойник нашего фотона, и его фундаментальное свойство способности к интерференции со своим двойником из «параллельного мира»). Если мы случайно выбрали для нашей установки НЕисправную бомбу, то альтер-фотон отразится от ее взрывателя как от обычного зеркала, и проинтерферирует «сам с собой», отразившись от зеркала в левом верхнем углу картинки, попав в детектор А и не попав в детектор В, «погасив» себя своим альтердвойником на этом пути. Если же мы выбрали исправную бомбу, то альтерфотон, ушедший от зеркальца вправо, вызовет ее взрыв в одной из двух вселенных, в которых происходит наше квантовое действие, и фотону, отразившемуся влево, проинтерферировать будет уже не с чем – он с равной вероятностью сможет попасть как в детектор А, так и в детектор В. Следовательно, если нам повезло и мы оказались во вселенной, в которой наша бомба не взорвалась, но фотон был зарегистрирован в детекторе В, мы можем заключить, что эта бомба исправна.

Эта установка на основе интерферометра Маха-Цендера была построена в 1994-м году, и с тех пор подобные устройства используются для наглядного доказательства справедливости законов квантовой механики – естественно, в них никого не взрывают, а просто детектируют фотоны фотоаппаратами, расположенными на месте «бомбы», затвор которых либо открывают, регистрируя фотон, либо закрывают, отражая его далее [14].

В 2016-м был реализован вариант решения на основе манипуляций спином электрона, что может быть более приемлемым для физического использования биологическими системами [15].

Итак, в вышеописанном примере в Мультиверсе выживут не один из двух наших инвариантов, выбравших бомбу наугад, а двое из трех – тот, кто выбрал неработающую бомбу, и тот, кто зарегистрировал сигнал в детекторе В. Для эволюции – весьма существенный выигрыш в выживаемости.

Как такой вариант может быть реализован, и реализован ли, в природе?

Достоверно известно только о двух способах непосредственного использования живыми организмами квантовых эффектов (см., например, [\[16\]](#), [\[17\]](#)) – это фотосинтез и ориентирование по магнитному полю Земли (для краткости опущу описание возможных квантовых процессов в механизмах обоняния и пр., информацию об этом можно почерпнуть в [\[17\]](#)).

В процессе фотосинтеза используется принцип, схожий с разобранным выше – переносящие энергию экситоны с помощью квантовых ветвлений находят кратчайший путь до нужных молекул, и КПД фотосинтезирующей системы повышается по сравнению с тем, как если бы были использованы только законы физики классической.

Магниторецепция – способность к восприятию магнитного поля – предполагает квантовую дестабилизацию электронов в специализированных светочувствительных белках сетчатки глаза – криптохромах – магнитным полем Земли: квантовая суперпозиция конкретного электрона в их молекулярных машинах разрушается в зависимости от какого-то направления вектора поля с вероятностью большей, чем при ином направлении вектора, и, например, голубь видит участки неба с одного направления освещенными синим светом ярче, чем другие.

Проблема в случае с КП в том, что для его эффективного функционирования нужны не микросекунды квантовой запутанности, как в вышеописанных примерах, а несколько полных секунд, а лучше – минуты и даже часы без декогеренции связанных кубитов. Предположу, что это ограничение может быть обойдено с помощью чего-то наподобие каскада «цепных реакций» в квантовых молекулярных машинах альтер-двойников из соседних вселенных, но каков может быть этот механизм, и осуществим ли он в принципе, конечно, судить не возьмусь.

Подтвердить версию о существовании «квантового предсказателя» у животных мог бы простой эксперимент.

Возьмем Т-образный лабиринт, и пустим по нему одну за другой 100 лабораторных мышей. Лабиринт должен быть устроен таким образом, чтобы мыши никоим образом не могли отдать предпочтение какому-либо из поворотов на основе сознательного решения – только случайным выбором. На одном выходе мышь ждала бы немедленная смерть, на другом – поощрение (такой жестокий исход нужен, так как мы предполагаем, что механизм «квантового компьютеринга» задействован на уровне эволюции, т.е. чем больше копий животного выживет в Мультиверсе и оставит потомство, тем лучше). В итоге, вместо 1/2 вероятности случайного выбора нужного выхода по классической теории вероятности мы должны получить в идеале 2/3 вероятность положительного исхода, если наши мыши задействуют свой «квантовый предсказатель».

В надежде, что не я первый додумался до такого эксперимента, я снова вышел на просторы Интернета в поисках нужной информации, но, к сожалению, оказалось, что подобные изыскания дают отсылки в область парапсихологии, и соответственно, доверия к ним крайне мало [\[18\]](#).

Хотя в публикациях Альвареса [\[19\]](#) и Моссбридж [\[20\]](#) по выявлению достоверных физиологических реакций на стресс за несколько секунд до причины его возникновения соблюдаются требования к методологии научных исследований, а Моссбридж даже упоминает возможные квантово-физические механизмы подобных явлений, все же критика их методов также весьма правомочна [\[21\]](#).

Недавнее самое масштабное и тщательное исследование способности к прекогниции (предвидению, не основанному на каких-либо известных «классических» принципах) на представителях самого эволюционно-успешного вида – то есть нас, людях – не выявило значимых отклонений от статистически случайной вероятности простого угадывания («Королевское общество открытой науки»: «Повышение ценности научных исследований в психологической науке за счет повышения достоверности отчетов об исследованиях: проект transparent Psi», 2023 [\[22\]](#)). Это исследование, в свою очередь, было предпринято для того, чтобы окончательно поставить точку в спорах на тему другого исследования, проведенного доктором Дэрилом Бемом (2011. Ощущение будущего: экспериментальные доказательства аномального ретроактивного влияния на познание и аффект. Журнал психологии личности и социальной психологии [\[23\]](#)), в котором ему вроде бы удалось зафиксировать статистически существенную 53% вероятность угадывания людьми карточек с базово-значимыми изображениями, например, сексуального характера, среди прочих.

Нашему случаю более-менее отвечают те же самые опыты с ориентированием животных по магнитному полю, например, с Т-образным лабиринтом и мухами-дрозофилами [\[24\]](#) или классические эксперименты с перелетными птицами. В них нас интересуют контрольные группы, которые, когда магнитное поле отсутствовало или подавлялось, и не было никаких других внешних ориентиров, становились полностью «слепыми», и их статистика не отличалась от случайного выбора – то есть у них, по-видимому, не было никакого дополнительного механизма, который бы позволил им сделать верный выбор направления. На этих же примерах можно видеть, как на практике непросто провести даже такой, казалось бы, несложный опыт с мышами, какой предложил я – в случае с дроздофилами выяснилось, что они летели вовсе не на магнитное поле, а на тепло, выделяемое обмотками катушек электромагнитов, используемых в эксперименте.

Тем не менее, интересно, что живые существа в принципе обладают действующими квантовыми молекулярными машинами, способными эффективно работать при комнатной температуре и снабжать их обладателей полезной информацией.

Почему же природа не спешит использовать КП при его, казалось бы, значимо-высокой эффективности? Помимо возможной сложности физической реализации, дело может быть в том, что эволюция – это прежде всего конкуренция между живыми существами (экологическая конкуренция), а в этом случае наш вариант «квантового предсказателя» неприменим.

Действительно, заменим в нашем эксперименте на одном из выходов лабиринта бездушную мышеловку на живого кота (пусть это будет кот Шредингера, он и так уже наполовину мертв, так что ему все равно...) Если мышь выберет этот рукав лабиринта, кот ее съест и выживет, если нет – умрет голодной смертью. Теперь «квантовый предсказатель» мыши работает на то, чтобы выбрать выход, где кота нет, а кота – наоборот, те вселенные, в которых мышь выбрала его рукав лабиринта. В итоге получаем нашу 1/2 вероятность для обоих, как если бы «квантовый предсказатель» не использовался вовсе! А ведь именно это и происходит в реальной природе – на отношениях «хищник-жертва» строится значительная часть естественного отбора.

Теоретически, КП мог бы возникнуть в ходе эволюции примерно тогда же, когда одноклеточными были освоены фотосинтез и магниторецепция, – он мог дать быстрое конкурентное преимущество своему виду, и всем окружающим видам пришлось либо погибнуть, либо освоить его; тогда с этих пор он мог бы оставаться составной частью

всех многоклеточных организмов и использоваться для «предсказания» событий неживой природы – ориентирования, прогнозирования погоды и землетрясений (еще одному научно подтвержденному феномену, см., например, «Этология»: «Потенциальное краткосрочное прогнозирование землетрясений с помощью мониторинга сельскохозяйственных животных», 2020 [\[25\]](#)).

Пенроуз и Хамерофф в [\[9\]](#) рассматривают возможность функционирования квантового биологического механизма на основе цитоскелета клеток, внутри одной из его составляющих – микротрубочек; новейшее исследование 2024-го года подтверждает наличие высокотемпературных квантовых эффектов внутри этих структур [\[26\]](#).

Однако, повторяюсь, прямых и бесспорных научно-достоверных изысканий, направленных на выявление возможного существования дополнительного «шестого чувства» у животных на основе механизма «квантового предсказателя» по принципу Элицура-Вайдмана я не нашел. Может быть, кто-нибудь из читателей поможет мне с этим.

Тот факт, что казино всего мира, в которых люди с начала истории бросают кости или играют в рулетку, до сих пор не обанкротились, также показывает нам, что, по крайней мере, человек, мягко говоря, не слишком эффективно использует свой КП, если таковой у него имеется. (С другой стороны, лотереи и казино существуют на деньги играющих в них людей, и если кто-то из них выигрывает, то кто-то проигрывает, то есть осуществляется наш принцип «хищник-жертва», дополнительные преимущества всех игроков нивелируются друг другом, и вступает в дело классическая теория вероятности. К сожалению, деньги тоже подчиняются закону сохранения энергии...)

Самый эффективный вариант искусственного «квантового предсказателя», реализованный на данный момент учеными, описан здесь: «Nature communications»: «Интерферирующие траектории в экспериментальном квантово-расширенном стохастическом моделировании», 2019 [\[27\]](#).

Вы могли подумать, для чего я вообще задался вопросом поиска некоего «квантового предсказателя», метафизического, возможно, никогда и не существовавшего в живой природе? Ведь наш «универсальный предсказатель» – сознание – великолепно справляется со своими обязанностями как в нашей личной Вселенной, так и в Мультиверсе. Но то, способны ли мы обмениваться информацией со своими инвариантами в Мультивселенной, имело бы значение для нас как осознающих себя существ.

Если нет, то все наши альтер-варианты представляют собой, по сути, монозиготных близнецов, связанных между собой только общей памятью до определенного момента и общей ДНК. На этом можно поставить точку, и искать пути сугубо научно-технического способа взаимодействия с многомирием.

Если же да, то мы можем претендовать на нечто большее. Наше сознание (или, скорее, подсознание) в этом случае становится несколько более отделенным от нашей личности, так как ему приходится оперировать информацией, приходящей от множества независимых личностей, чтобы добиться наилучшего выигрышного результата для как можно большего их числа. Наше сознание если и не становится межпространственным разумом, подобным «квантовому демону Лапласа», то, по крайней мере может использовать информацию из самой фундаментальной основы бытия. Вслед за

упомянутым выше Менским, мне как личности было бы приятно осознавать такую возможность. Воображение так и рисует нас в Мультиверсе, подобными косяку сардин в море: вот одна рыбка на краю косяка заметила акулу; она толкает своих соседей в сторону, и вся стайка бросается прочь; или наоборот, кто-то замечает пищу, и косяк устремляется к ней... При этом рыбки в центре даже не осознают причины своих действий – они просто следуют стайному инстинкту; мы же – многозначительно говорим о Судьбе...

Можно было бы поразмышлять на тему многочисленных религий, но они берут свое начало во тьме веков, и связаны более с так называемой «культурной эволюцией» человеческих обществ, о чем очень хорошо рассказано, например, у Джозефа Хенрика в «Самые странные в мире. Как люди Запада обрели психологическое своеобразие и чрезвычайно преуспели» [\[28\]](#).

Боги и религии постоянно и очень сильно менялись вслед за тем, как сменяли друг друга уклады порождавших их сообществ – от первобытно-общинного до постиндустриального – чтобы можно было выделить в них какую-то постоянную архетипическую величину.

Однако, когда мы говорим о чем-то осознающем, и при этом обладающим почти магическими свойствами, как наше гипотетическое «мульти-Я», можно воспользоваться терминами, которые религии выработали в попытках по-своему объяснить всю необъятную сущность мира.

С появлением глобальных монотеистических религий в приоритет человеческих устремлений выходят потенциальное бессмертие (души в христианстве, исламе) и обретение свободы (освобождение из иллюзий колеса сансары в буддизме).

В христианстве под бессмертием души подразумевается скорее бессмертие личности, и вопрос о том, какая же из личностей человека достойна бессмертия, остается открытым. Личность невинного, но несмышленого ребенка? Полного сил бесшабашного юноши? Созревшей личности в возрасте Христа? Умудренного, но немощного старца? Если брать в расчет потенциальные мириады личностей среднего человека Мультиверса, и представить, что вы прожили эти жизни не параллельно, а *последовательно*, то нашу «душу» вполне можно назвать фактически бессмертной. Вопрос только, согласился ли бы кто-либо в здравом уме на такое?.. Это скорее напоминает бесконечное колесо сансары, цель выбраться из которого поставил себе Будда.

Возможно ли человеку *осознать* свое «мульти-Я», стать по-настоящему многомерным существом Мультиверса? Не это ли имели ввиду Христос, Будда и прочие просветленные личности под познанием Бога и сути вещей?

В XX веке на подобных идеях основываются религии «новой волны», например практики Тансегрити Карлоса Кастанеды. Его дон Хуан от книги к книге претерпевает увлекательные изменения вслед за развитием научной мировой космогонии – возможно, Кастанеда писал его «от обратного», размышляя, как бы идеи квантовой физики могли влиться в мир магии; как бы человек из того мира мог описать то, что мог бы пронаблюдать сквозь Мультиверс, не зная языка науки. Кастанеда с доном Хуаном придумывают для этого свой магический язык; их мир населен потусторонними духами, заблудшими между мирами древними магами и живущими среди людей магами современными, а все, что нужно, чтобы стать одним из таковых любому человеку – полностью отринуть впитываемое с детства привычное описание действительности и посмотреть на мир без всех его иллюзий. Вполне разумный совет в духе буддизма. Идеи Кастанеды нашли отклик в душах многих читателей, затронули некий архетипический

базис, а потому вышли за рамки литературной фантастики и перешли в ранг религии (см., например, [\[29\]](#)).

В интернет-энциклопедии вы можете найти статьи по теме «Квантовый мистицизм». Практически каждый ученый из числа основателей квантовой механики задумывался о необычайной схожести новой физики и некоторых философско-религиозных учений, и пытался выстроить для себя собственную картину мироздания.

Идея Мультивселенной не могла не найти своего отражения в философии. В качестве ознакомительной статьи здесь порекомендую «Философский принцип полноты» А. С. Карпенко [\[30\]](#).

Еще один труд Дэвида Дойча – «Начало бесконечности: объяснения, которые меняют мир» [\[31\]](#) – является хорошей попыткой ответить на вопрос «Зачем?» все это нужно Богу, Природе или Мирозданию.

В основе всего – стремление Природы к созданию и накоплению *знания* – новой информации; сначала методом слепого перебора вариантов бесконечных вселенных, большинство которых просто самоуничтожаются из-за несовместимых законов физики в них; в «удачных» вселенных – возникает самоорганизованная информация – жизнь в той или иной форме; идет усложнение и репликация знания; эволюция генов сменяется эволюцией единиц культурного знания – мемов... Человек выступает лишь одним из носителей этого знания, хотя и самым «плотноупакованным», из известных нам на данный момент. Как я уже говорил, Мультиверс есть квантовое вычисление всего что было и будет, перемешанное в практически бесконечном хаосе, и по какой-то причине задача мироздания – выделить из него полезную информацию – знание.

Но знание как универсальная ценность имеет определяющее значение не только для Природы и человечества, но и для конкретной личности. То, какой путь человек выбирает для себя в умножении знания, определяет его место в этом мире – он может создать, скажем, Общую теорию относительности, либо просто продолжить свой род в детях – и то, и другое будет вкладом в единую копилку Мироздания. Именно такие действия определяются нами как добро, или благо.

И конечно, идея Мультивселенной живо обыгрывается современной медиакультурой [\[32\]](#).

Библиография

1. Декарт Р. Рассуждение о методе. // Декарт Р. Сочинения в 2 т. Т. 1. М.: Мысль, 1989. С. 250-296.
2. Дойч, Дэвид. Структура реальности: Наука параллельных вселенных. Ижевск: НИЦ «Регулярная и хаотическая динамика», 2001. 400 с.
3. Einstein A., Born M., & Born H. The Born-Einstein Letters: Correspondence between Albert Einstein and Max and Hedwig Born from 1916–1955, with Commentaries by Max Born. 1971. New York: Macmillan.
4. Everett H. Relative state formulation of quantum mechanics // Review of Modern Physics. 1957. No. 29. pp. 454-462. DOI: 10.1103/RevModPhys.29.454
5. Б. Штерн, А. Марков, А. Мулкиджанян, Е. Кунин, М. Никитин. Вероятность зарождения жизни. // «Троицкий вариант – Наука» №6(275), 26 марта 2019 года. URL: https://elementy.ru/nauchno-populyarnaya_biblioteka/434611/Veroyatnost_zarozhdeniya_zhizni (дата обращения: 01.09.2024).

6. Линде А. Д. Инфляция, квантовая космология и антропный принцип. // «Science and Ultimate Reality: From Quantum to Cosmos», honoring John Wheeler's 90th birthday. J. D. Barrow, P.C.W. Davies, & C.L. Harper eds. Cambridge University Press (2003)
7. Кэрролл, Шон. Квантовые миры и возникновение пространства-времени. СПб.: Питер, 2022. 368 с.
8. D-Wave Announces 1,200+ Qubit Advantage2 with Refined Error Mitigation Strategies. // HPCwire. 2024. URL: <https://www.hpcwire.com/off-the-wire/d-wave-announces-1200-qubit-advantage2-with-refined-error-mitigation-strategies/> (дата обращения: 01.09.2024).
9. Пенроуз Р. Тени разума: в поисках науки о сознании. / Перевод с англ. А. Р. Логунова, Н. А. Зубченко. Ижевск: ИКИ, 2011. 688 с.
10. McDermott Drew. Penrose is wrong // Psyche. 1995. No 2(17). URL: <http://www.calculamus.org/MathUniversalis/NS/10/09mcdermott.html> (дата обращения: 01.09.2024).
11. David J. Chalmers. Minds, Machines, And Mathematics – A Review of Shadows of the Mind by Roger Penrose // Psyche. June 1995. No.2(9). URL: <https://calculamus.org/MathUniversalis/NS/10/03chalmers.html> (дата обращения: 01.09.2024).
12. Менский М. Б. Человек и квантовый мир. Фрязино: «Век 2», 2005. 320 с.
13. Забегалина С. В., Чигарькова А. В. Вероятностное прогнозирование как вид прогностической деятельности: подход и стратегии // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2017. № 1(68). С. 87–91.
14. Kwiat P. G., Weinfurter H., Herzog T., Zeilinger A., Kasevich M. A. (1995). Interaction-free Measurement. // Phys. Rev. Lett. 1995. No 74(24). Pp. 4763–4766. DOI: 10.1103/PhysRevLett.74.4763
15. Robens C., Alt W., Emary C., Meschede D., Alberti A. Atomic "bomb testing": the Elitzur-Vaidman experiment violates the Leggett-Garg inequality. // Appl Phys B. 2017. No 123(1). DOI: 10.1007/s00340-016-6581-y
16. Чугунов А. Зарождение квантовой биологии. // «Биомолекула», 25 июня 2011. URL: <https://biomolecula.ru/articles/zarozhdenie-kvantovoi-biologii#source-1> (дата обращения: 01.09.2024).
17. Джим Аль-Халили, Джонджо Макфадден. Жизнь на грани. Ваша первая книга о квантовой биологии. СПб.: Издательский дом «Питер», 2017. 416 с.
18. Duggan, M. Animals in Psi Research. // Psi Encyclopedia. 2018. London: The Society for Psychical Research. URL: <https://psi-encyclopedia.spr.ac.uk/articles/animals-psi-research> (дата обращения: 01.09.2024).
19. Alvarez, Fernando. An Experiment on Precognition with Planarian Worms // Journal of Scientific Exploration. 2016. No.30. Pp.217-226. URL: https://www.researchgate.net/publication/304412781_An_Experiment_on_Precognition_with_Planarian_Worms (дата обращения: 01.09.2024).
20. Mossbridge Julia , Tressoldi Patrizio E., Utts Jessica , Ives John , Radin Dean , Jonas Wayne. Predicting the unpredictable: critical analysis and practical implications of predictive anticipatory activity // Frontiers in Human Neuroscience. 2014. No 8. URL: <https://www.frontiersin.org/journals/human-neuroscience/articles/10.3389/fnhum.2014.00146> (дата обращения: 01.09.2024).
21. Schwarzkopf D. Samuel. We should have seen this coming // Frontiers in Human Neuroscience. 2014. No 8. URL: <https://www.frontiersin.org/journals/human-neuroscience/articles/10.3389/fnhum.2014.00332> (дата обращения: 01.09.2024).
22. Kekecs Zoltan, Palfi Bence, et al. Raising the value of research studies in psychological science by increasing the credibility of research reports: the transparent Psi project // R. Soc. Open Sci. 2023. No 10(2). Pp. 191-375. DOI: 10.1098/rsos.191375

23. Bem D. J. Feeling the future: Experimental evidence for anomalous retroactive influences on cognition and affect // Journal of Personality and Social Psychology. 2011. No.100(3). Pp. 407–425. DOI: 10.1037/a0021524
24. Bassetto M., Reichl T., Kobylkov D. et al. No evidence for magnetic field effects on the behaviour of Drosophila // Nature. 2023. No 620. Pp. 595–599. DOI: <https://doi.org/10.1038/s41586-023-06397-7>
25. Wikelski M., Mueller U., Scocco P., et al. Potential short-term earthquake forecasting by farm animal monitoring. // Ethology. 2020. No 126. Pp. 931–941. DOI: <https://doi.org/10.1111/eth.13078>
26. Babcock N.S., Montes-Cabrera G., Oberhofer K.E., Chergui M., Celardo G.L., Kurian P. Ultraviolet Superradiance from Mega-Networks of Tryptophan in Biological Architectures. // J Phys Chem B. 2024 May 2. No 128(17). Pp. 4035-4046. DOI: 10.1021/acs.jpcc.3c07936
27. Ghafari F., Tischler N., Di Franco C. et al. Interfering trajectories in experimental quantum-enhanced stochastic simulation. // Nat Commun. 2019. No 10(1630). DOI: <https://doi.org/10.1038/s41467-019-08951-2>
28. Джозеф Хенрик. Самые странные в мире. Как люди Запада обрели психологическое своеобразие и чрезвычайно преуспели. М.: Альпина нон-фикшн, 2024. 576 с.
29. Смоликов А. Б. Феномен Карлоса Кастанеды в культуре второй половины XX века // Человек и наука. 2004. URL: <https://cheloveknauka.com/fenomen-karlosa-kastanedy-v-kulture-vtoroy-poloviny-xx-veka> (дата обращения: 01.09.2024).
30. Карпенко А.С. Философский принцип полноты. Часть II // Философия и культура. 2013. № 12. С. 1660-1679. DOI: 10.7256/1999-2793.2013.12.9772
31. Дойч, Дэвид. Начало бесконечности: объяснения, которые меняют мир. Москва: АНФ, 2014. 578 с.
32. Бойко М.Е. Типы мультиверсов в современной массовой культуре // Философия и культура. 2014. № 9. С. 1362-1370. DOI: 10.7256/1999-2793.2014.9.1282

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Рецензируемая статья представляет собой глубокое исследование, в фундаменте которого лежит обоснование «многомировой интерпретации» квантовой механики. Представляется правильным говорить, что «обоснование «многомировой интерпретации» квантовой механики составляет именно «фундамент» теоретических построений рецензируемой работы, поскольку, предлагая аргументы в защиту такой интерпретации, автор в действительности привлекает внимание читателя к тем её следствиям, которые имеют мировоззренческое значение. Поэтому в названии статьи оправданно появляется «человек», и поэтому же автор верно выбрал для её публикации философский журнал, а не издание, специализирующееся на вопросах физики. Статья в целом производит исключительно благоприятное впечатление. В ней нашли отражение широкая эрудиция автора, основательное осмысление современных физических теорий, самостоятельные (и, по-видимому, длительные) размышления о значении квантовой механики, да и всего естествознания, для философии и мировоззренческих поисков современного человека. Автор стремится показать, что «многомировая интерпретация» квантовой механики, следуя «Бритве Оккама», в наибольшей степени соответствует требованиям современной философии и методологии науки и она заслуживает того, чтобы именно опирающиеся на неё теоретические модели получили предпочтение в сознании учёных и всех интересующихся философско-мировоззренческой проблематикой читателей перед

«здравым смыслом», который в этом случае требует, скорее, избыточного усложнения принимаемых наукой предпосылок. Некоторые замечания, которые представляется необходимым высказать, относятся только к оформлению текста, недостатки которого могут быть устранены в рабочем порядке. Прежде всего, для него характерен некий «разговорный стиль», неприемлемый в научной статье, даже если она имеет научно-популярную направленность. В некоторых случаях автор использует философские или научные выражения, не заботясь о соответствии этого использования устоявшимся традициям, получившим отражение и в научной литературе. Приведём в качестве характерного примера следующее выражение: «бытие Вселенной как вещи в себе, не требующей ни конца, ни начала». Речь здесь идёт просто о «самостоятельном бытии», зачем здесь появляется «вещь в себе», которая, как известно, способна, скорее, запутать читателя (поскольку также может использоваться в нескольких значениях), чем внести определённую ясность? Много в тексте пунктуационных погрешностей, это и лишние запятые («я бы, с его позволения, назвал...», «но, вслед за Дойчем, я выбираю...», «... проявиться в них, как элементарные частицы», и т.п.), и отсутствие необходимых знаков препинания («не тем, чем очевидно кажется», «можно только проследив за...», «пожалуй самая интересная», «тем более что когда-то», и т.п.). В некоторых случаях хотелось бы порекомендовать автору брать в кавычки используемые им «просторечные» выражения («наша Вселенная заточена законами физики...», и т.п.). Конечно, встречаются и такие погрешности в построении текста, для исправления которых необходимо перестраивать высказывания или искать другие, более адекватные, формулировки. Например, «эта интерпретация единственная непротиворечиво описывает...» может быть переформулировано либо как «эта интерпретация – единственная интерпретация, которая непротиворечиво описывает», либо как «это единственная интерпретация, которая непротиворечиво описывает», хотя в последнем случае и следующее «который» нужно будет заменять причастным оборотом. Или «... считает, весьма спорно, что...» может быть заменено на «как считает..., весьма спорным является...» или просто «считает спорным, что...», и т.п. Грамотное оформление – не «украшение» научной статьи, так что его требования можно было бы и проигнорировать, а необходимый элемент журнальной научной публикации. Однако, повторим, подобного рода исправления могут быть внесены автором в текст в рабочем порядке.

Философская мысль

Правильная ссылка на статью:

Абдрахманова Ф.Р. Конфликт моральных ценностей в эпоху Big data: герменевтический подход // Философская мысль. 2024. № 10. DOI: 10.25136/2409-8728.2024.10.71347 EDN: FXNPWT URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=71347

Конфликт моральных ценностей в эпоху Big data: герменевтический подход

Абдрахманова Флорида Ривхатовна

ORCID: 0000-0001-5654-462X

старший преподаватель; кафедра обществознания, права и социального управления; Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы

450008, Россия, республика Башкортостан, г. Уфа, ул. Октябрьской Революции, 55

✉ a-florida@mail.ru

[Статья из рубрики "Социальная философия"](#)

DOI:

10.25136/2409-8728.2024.10.71347

EDN:

FXNPWT

Дата направления статьи в редакцию:

26-07-2024

Аннотация: Предметом данного исследования является этическая проблема морального конфликта в современном мире, в котором традиционные моральные ценности сталкиваются с ценностями информационного общества, вызванные гипертрофированным развитием интернет-технологий и медийного пространства. Автор сосредотачивает свое внимание на интерпретации конфликта моральных ценностей, возникшего между традиционными моральными установками и новейшими ценностями в рамках герменевтического подхода. Основная проблема исследования – попытка осмысления конфликта моральных ценностей в эпоху Big Data через призму философского анализа посредством применения герменевтического метода и его этическое решение. Идея о том, что традиционные моральные ценности не могут быть ассимилированы в информационных потоках, а должны трансформироваться и развиваться с учетом реалий современного цифрового общества, является центральной в исследовании. Методология исследования включает в себя теоретические методы, такие как этико-философский анализ проблемы, герменевтический метод, позволяющие

выйти за рамки описания функциональности новейших технологий, и понять, какое влияние они оказывают на трансформацию моральных ценностей в современном обществе. Научная новизна исследования заключается в том, что в статье раскрываются новые аспекты использования герменевтического подхода к анализу и интерпретации конфликта моральных ценностей взаимодействия человека и цифровых технологий в современном обществе. Результаты исследования показывают, что моральные ценности и нормы этики должны адаптироваться к современным реалиям информационного общества для сохранения человеческой идентичности. Подчёркивается, что в основе конфликта моральных ценностей находится расширение влияния информационных технологий на общество. Герменевтический подход позволил рассмотреть проблему с точки зрения личностного роста человека, сохранения собственной идентичности и поиска истины в мире, переполненном информацией.

Ключевые слова:

Big Data, конфликт, моральные ценности, традиционное общество, цифровое общество, информационные технологии, герменевтический подход, взаимодействие, глобализация, медийное влияние

Введение

В настоящее время, когда информационные технологии развиваются стремительно, мир сталкивается с глобальными изменениями. Цифровизация и эпоха больших данных (Big Data) характеризуются быстрым ростом объема информации, создаваемой множеством электронных устройств, которая поступает в разных форматах – от структурированных числовых данных до видео и аудиоматериалов и т. д.

Данные изменения не только ускорили и оптимизировали многие процессы, но и стали той триггерной точкой зарождения конфликта между традиционными моральными ценностями и ценностями цифрового общества, которые требуют сегодня глубокого анализа и интерпретации. Проблемы конфиденциальности, надежности, доступности, приватности и возможности использования личной информации становятся все более актуальными [\[7\]](#). Исходя из этого, становится очевидной необходимость использования нового подхода в решении этико-моральных вопросов, который смог бы объединить технологические и гуманистические аспекты анализа.

Научная новизна заключается в том, что в статье раскрываются новые аспекты использования герменевтического подхода к анализу и интерпретации конфликта моральных ценностей взаимодействия человека и цифровых технологий в современном обществе.

Основная проблема исследования заключается в попытке осмысления конфликта моральных ценностей в эпоху Big Data через призму философского анализа посредством применения герменевтического метода и его этическое решение.

Целью проводимой работы является изучение особенностей конфликта моральных ценностей в эпоху Big Data с опорой на герменевтические методы исследования.

Подходы нормативной этики

С философской точки зрения, «нормативная этика – обоснование моральных принципов

и норм, которая выступает как теоретическое развитие и дополнение морального сознания общества и личности, базируется на высших моральных ценностях и предписывает человеку с позиций долженствования (деонтологии) определенные правила поведения во взаимоотношениях и общении людей, стратегию правильной жизни» [\[6, с. 25\]](#).

Следовательно, именно нормативная этика способна не просто регламентировать действия человека в обществе, но и давать им оценку. Свод этических принципов и моральных норм, которым должно придерживаться общество, составляет кодекс нормативной этики. Гипертрофированное развитие цифровых технологий, создание искусственного интеллекта явилось причиной возникновения новых проблем, связанных с моральным аспектом применения больших данных. И традиционно решать такие проблемы, используя кодекс нормативной этики не представляется возможным, потому что на первый план выходят такие значимые аспекты, как конфиденциальность, личная неприкосновенность, моральная ценность информации и защита данных. Кодекс же служит лишь формализацией глубоких этических принципов, норм и правил, которые отражают аксиологический ответ и метаэтические рассуждения. Если в кодексе указано, что следует избегать конфликта интересов, то достаточно сослаться на этот пункт без дополнительного аргументирования при каждом применении.

По К. Ясперсу, когда происходит смена ценностей традиционного и нового общества, традиции с их абсолютными требованиями рушатся, и люди, подобно песчинкам, теряют свои корни, что делает их особенно уязвимыми к использованию и манипуляциям [\[12, с. 36\]](#). В таком состоянии они могут быть легко использованы для целей, не имеющих отношения к их собственному благополучию или благополучию общества. Эпоха больших данных ведет к усилению анонимности и потере индивидуальной ответственности, что является серьезной угрозой для современного общества и этической целостности в целом.

Ответственность за этическое поведение распространяется не только на людей, которые работают с большими данными, но и обычных пользователей, которые непосредственно взаимодействуют с информацией. Все это по мнению итальянского философа Ф. Фрабетти, «необходимо учитывать профессиональную ответственность и деонтологические принципы тех, кто занимается разработкой, поддержкой и обновлением интернет-инфраструктуры, включая её приложения и платформы» [\[15, с. 13\]](#). Нормы этического кодекса в рамках эпохи больших данных не могут дать ответ, какая из этих ценностей является ведущей в конкретный момент времени. Это может делать только человек, который берет на себя роль морального агента.

Следовательно, важно разработать новые подходы к восстановлению человеческой агентности и ответственности в эпоху больших данных. Необходимо воссоздать и укрепить связь между индивидуальными действиями и их этическими последствиями в контексте глобализованного мира. Только так можно гарантировать, что развитие технологий будет способствовать улучшению человеческого состояния, а не просто усиливать контроль за распространением и использованием цифровой информации. Это требует от всех участников информационного общества, от создателей политики до конечных пользователей, активной роли в формировании этического пейзажа будущего.

Технологические вызовы эпохи больших данных: герменевтических подход

Проблематика понимания и интерпретации занимает ключевую позицию в рамках философии Запада. Осмысление – это не просто когнитивный процесс, но и один из

основных онтологических элементов, формирующих человеческую натуру, как подчеркивается в герменевтике и феноменологии Г. Гадамера. М. Хайдеггер углубляет эту тему, утверждая, что самопознание и понимание внешнего мира являются фундаментом существования человека.

Проблемы коммуникации и конфликтов продолжают быть актуальными как в научной сфере, так и в повседневной жизни. Теоретики герменевтики (Г. Гадамер, П. Рикер) в своих исследованиях указывают на то, что с проблемами понимания и границ интерпретации сталкиваются даже люди, которые разговаривают на одном языке. Указанные проблемы тесно взаимосвязаны с кризисом субъективности в эпоху цифровизации, где самоосознание и критическая рефлексия о собственном «я» и его экзистенциальных условиях становятся предметом глубокого анализа. В автоматизированных системах «понимание» трансформируется в исполнение команд-алгоритмов, которое и заменяет традиционные формы человеческого размышления.

В этой модели компьютер не осуществляет понимание в классическом смысле, а лишь выполняет заданные алгоритмы обработки данных, основанные на строго заданных параметрах, что подчеркивает конфликт между автоматизированными системами и традиционными, субъект-ориентированными подходами к знанию и размышлению. Таким образом, проблема понимания обостряется в связи с распространением компьютерных технологий и с развитием алгоритмов искусственного интеллекта, которые взяли на себя не только сбор данных из окружающей среды, но и их интерпретацию, зачастую даже более эффективно, чем люди. В данном контексте концепция «понимания» трансформируется таким образом, что акт интерпретации происходит без явного участия субъекта, в результате чего объекты начинают взаимодействовать напрямую, создавая уникальную форму герменевтики без субъекта. Это напоминает представление о «третьем мире» К. Поппера – сфере объективных знаний, которая становится все более автономной в условиях постинформационной эры. Традиционное, классически европейское понимание субъекта подвергается серьезному переосмыслению его роли и места в структуре знания.

Сегодня производство огромных объемов данных стало повседневной реальностью, а технологии науки о данных позволяют эффективно управлять и использовать их. «В частности, машинное обучение и глубокие нейронные сети достигли значительных успехов за последние годы. Хотя эти технологии не являются принципиально новыми, их недавние успехи стали возможны благодаря доступности больших данных для обучения и тестирования, а также увеличению вычислительных мощностей» [\[3, с. 63\]](#).

Технологии big data предполагают сосуществование и аналитику больших размеров и самой разнообразной природы, где традиционные семиотические подходы к описанию и моделированию коммуникативного процесса не всегда работают. М.Г. Шилина отмечает, что биометрические технологии, например, не просто механически сканируют и анализируют биологические данные, но и преобразуют эти данные в информацию, которая может быть использована для углубленного понимания идентичности и поведения человека [\[11\]](#). Однако, в то время как эти технологии обогащают наши возможности восприятия и анализа, они также порождают вопросы о конфиденциальности, согласии и этике интерпретации данных. Проблематика биометрии выходит за рамки технического аспекта и затрагивает моральные и философские основы нашего отношения к личной информации и правам на частную жизнь. В частности, этическая проблема, которая заключается в том, что «интеллектуальный анализ данных вряд ли воспринимается как вмешательство в жизнь и разум человека» [\[5, с. 63\]](#). Это

наводит на размышления о том, как создатели технологий могут управлять функциональностью и воздействием этих технологий, не принимая во внимание физическую реальность, независимую волю пользователей, культурные контексты и другие значимые аспекты.

Внедрение более совершенных аналитических инструментов и доступных инновационных облачных сервисов стало значительной частью современной компьютерной культуры, которая не всегда на прямую связана с ИТ-компаниями или организациями, которые непосредственно взаимодействуют с электронными данными. Философский подход к аналитике цифровых данных заключается в создании сложных алгоритмов, представляя таким образом, «прикладную философию информации», которая определяет онтологию объектов информации и этический подход к большим данным. Совместная интерпретация данных между человеком и машиной формирует конфликт между улучшением технологической эффективности и возможным ущемлением индивидуальных прав. В этом контексте, герменевтика предоставляет инструмент для оценки не только того, как искусственный интеллект интерпретирует нас самих, но и того, как цифровые технологии влияют на наше понимание свободы, автономии и личной ответственности. Герменевтика Г. Гадамера содержит целую систему принципов, в целом известных как концепция действенно-исторического сознания, и тесно связана с его теорией герменевтического опыта и предструктурой понимания, о чем Гадамер пишет следующее: «Задолго до того, как мы начинаем постигать самих себя в акте рефлексии, мы с полнейшей самоочевидностью постигаем самих себя в качестве членов семьи, общества и государства, в которых мы живем. Субъективность фокусируется системой кривых зеркал. Самосознание индивида есть лишь вспышка в замкнутой цепи исторической жизни. Поэтому предрассудки (Vorurteile) отдельного человека в гораздо большей степени, чем его суждения (Urteile), составляют историческую действительность его бытия» [\[14, с. 169\]](#).

Герменевтика традиционно занималась текстами, но в эпоху больших данных тексты стали только частью информационного потока. Герменевтические методы могут помочь интерпретировать не только письменные тексты, но и данные, собираемые и анализируемые с помощью цифровых технологий. Исследователи могут использовать герменевтический анализ для понимания того, как данные представляют или искажают реальность, какие предположения лежат в основе алгоритмов обработки данных и как эти алгоритмы влияют на общественные и индивидуальные восприятия. Таким образом, герменевтика, традиционно занимающаяся истолкованием текстов и значений, в эпоху Big data сосредотачивает свое внимание на том, как человек воспринимает и интерпретирует информацию. М.Вишке указывает, что в условиях массового потребления информации герменевтические методы помогают идентифицировать и анализировать не только явные, но и скрытые смыслы, которые могут быть искажены или не в полной мере осознаны пользователями [\[3, с. 95\]](#). Это особенно важно, когда дело касается моральных проблем, которые возникают в результате использования больших данных в различных сферах жизни – от здравоохранения до социальных сетей.

В недавнем прошлом наука пополнилась новым термином – «цифровая герменевтика». Исследователи (А. Ромеле, М. Северо, П. Фурия [\[16\]](#) и др.) дают различную трактовку определений данного понятия в контексте цифровой реальности. В классической герменевтике в центре внимания находятся культурные и социальные феномены, а в цифровой – информационные коды. Как отмечает Е. Ананьева, «цифровая герменевтика может стремиться к универсализации в той мере, в какой она согласуется с цифровыми следами и данными, наличие которых отныне столь велико, насколько может быть велика

человеческая и социальная реальность... фактически определено как общая проблематизация предполагаемой гомологии между (социальной) реальностью и ее цифровыми репрезентациями» [1, с. 4-8]. Важно осознавать, что цифровая герменевтика не только анализирует содержание данных, но и ставит вопросы о методах их получения, условиях хранения и доступа, а также о последствиях их использования. Это требует от нас критического осмысления того, как технологии формируют наши взаимоотношения с миром и друг с другом, и как мы можем управлять этими технологиями таким образом, чтобы они служили общественному благу, а не только коммерческим интересам или государственному контролю.

И. С. Болдонова отмечает уникальность цифровой герменевтики, поскольку последняя позволяет не только интерпретировать смысл цифрового кода в контексте социальных систем, но и социально сконструировать интерпретацию смысла. По ее мнению, «возможность сосредоточивание цифровой герменевтики на цифровых кодах может ограничить её широкий потенциал, в то время как её использование для анализа социальных взаимодействий в виртуальной реальности может способствовать более глубокому пониманию гуманистических аспектов цифровизации» [2, с. 9]. Применение цифровой герменевтики к базам данных или взаимодействиям с роботами представляет собой узко специализированное направление, предлагающее технические и гуманистические решения.

Цифровая герменевтика не стремится к замене человеческого интеллекта, даже частично, как это предложено компьютерной герменевтикой [17]. Как было отмечено, не только в вопросах дизайна, но и в конфликте моральных ценностей, поскольку человеческий интеллект должен стоять за любым цифровым приложением, чтобы предотвратить использование этих технологий в целях, противоречащих самой жизни. Эти вопросы особенно остры в контексте цифрового неравенства и доступа к технологиям. В то время как некоторые общества и индивиды быстро адаптируются к новым технологиям, другие сталкиваются с серьезными препятствиями, которые углубляют социальные разрывы. Такая диспропорция может привести к усилению существующих неравенств, когда технологически продвинутые регионы и группы получают ещё большие преимущества, усиливая глобальное неравенство [17].

Этические проблемы информационных наук

Если группа людей придерживается взглядов, что моральные истины отсутствуют или что этика – релятивистская, то последнее будет оказывать влияние на их моральные решения и рекомендации по действиям в различных ситуациях. С. Г. Кара-Мурза подчеркивает, что «принцип свободного распространения информации считается основой гражданского общества и либерального порядка. Принятие этой концепции представляет собой культурное и духовное изменение огромного масштаба, что влечет за собой устранение традиционных запретов и переход от общинного человека к независимому индивиду» [8, с. 12].

Некоторые исследователи отмечают, что между моральными убеждениями, эмоциональным состоянием и ментальными процессами существует тесная связь, однако это не свидетельствует о том, что моральные суждения являются полностью детерминированными. Согласно мнению некоторых теоретиков, моральные качества не существуют в отрыве от человеческих восприятий и реакций. Тем не менее, выводы, которые делает этика, должны соответствовать научным методологиям, поскольку предполагается совместимость подходов обеих дисциплин, особенно в контексте

метаэтического анализа моральных суждений, связанных с проблематикой больших данных и их использованием.

В контексте цифровой науки крайне важным становится использование метаэтических принципов применимо к этическим нормам и моральным принципам. Что, естественным образом, привело к развитию и совершенствованию информационной метаэтики. Положения метаэтики позволяют нам не просто давать оценку профессиональным действиям в контексте цифровой реальности, но и решать задачи, которые находятся непосредственно в поле прикладной этики. Изучение моральных ценностей, связанных с обработкой больших данных, осуществляется в рамках информационной этики, которая и является «прикладной этикой в чистом виде». Большие данные порождают ряд сложностей в различных областях, включая биомедицину, где возникают вопросы информированного согласия, конфиденциальности, защиты данных, интеллектуальной собственности при анализе данных, критериев классификации данных, финансовых отношений, различий между академическим и коммерческим использованием данных, прав доступа к информации и многого другого [6]. Информационная метаэтика обеспечивает глубокое понимание и оценку моральных оснований и последствий в информационных науках, что способствует эффективному решению специфических прикладных этических задач, связанных с большими данными.

По мнению Э. Г. Соловьева, «характерной чертой информационного общества является изменение межличностных отношений: в нём преобладают кратковременные контакты, в то время как более продолжительные семейные и среднесрочные дружеские связи становятся менее очевидными» [10, с. 5]. Бурное развитие цифровых технологий и их интеграция в нашу жизнь радикально трансформировали способы, которыми мы взаимодействуем с собой, друг с другом и с окружающей средой. Это привело к тому, что наше личное и общественное благополучие теперь неразрывно связано с состоянием информационных систем и технологий, которые опосредуют наши контакты с внешним миром. Возникают важные этические вопросы о воздействии технологий на наше благосостояние, требующие детального анализа.

Метаэтика не решает проблемы морали в контексте бытовой повседневности, такие как вопрос о том, как следует поступать в определенных ситуациях, а предоставляет философские ориентиры по различным направлениям нашей жизни. Традиционно обсуждается противопоставление между убеждениями в объективности и субъективности моральных ценностей, что считается метафизической проблемой определения места морали в структуре реальности. В этом контексте, метаэтические теории обычно классифицируются как объективистские или субъективистские в зависимости от занимаемой позиции. Как отмечает Л. В. Максимов, метаэтика исследует, как складывается наше моральное поведение, рассматривая, например, такие аспекты, как честность в контексте конфиденциальности [9]. Проблема конфиденциальности может быть поставлена следующим образом: ценим ли мы её из-за наших субъективных чувств, которые заставляют нас так думать, или из-за признания её внутренней ценности, независимо от наших переживаний (например, потому что личные данные являются частью чьей-то уникальной идентичности)? Представитель субъективистского подхода аргументировал бы, что моральные качества, такие как «ценность» или «долг», формируются в результате психологических связей, включая желания, эмоции или одобрение со стороны других. Таким образом, честность становится важной, потому что мы её ценим и стремимся к ней, ведомые своими эмоциональными импульсами.

Такое понимание поднимает важные вопросы о фундаменте моральных ценностей. Если

мы исходим из предпосылки, что наши моральные убеждения основаны исключительно на субъективных чувствах, возникает дилемма о возможности объективного морального знания. Это вызывает необходимость переосмысления метаэтических теорий, которые защищают либо объективистскую, либо субъективистскую позицию. Объективисты утверждали бы, что моральные истины существуют независимо от наших субъективных переживаний, и что существуют универсальные моральные принципы, которые можно обосновать разумно. В то время как субъективисты сосредоточили бы внимание на том, как индивидуальные чувства и культурные контексты влияют на формирование наших моральных суждений, что подчеркивает релятивизм моральных ценностей и стандартов.

Важно отметить, что несмотря на то, что субъективные свойства характерны для субъективизма, субъективист не обязательно считает, что мораль исключительно индивидуальна, поскольку она может быть результатом коллективных взглядов группы людей, например, сообщества. Принятие объективных моральных свойств предполагает, что существуют универсальные этические истины, доступные через рациональное размышление или моральную интуицию, которые, в свою очередь, способствуют созданию этической среды, где моральные принципы являются живыми и динамичными, адаптируемыми к новым вызовам и изменениям в информационном мире.

Анализ информационной этики, который «обеспечивает общую основу для моральной оценки, а не список заповедей или детализированных предписаний» требует философского переосмысления. Несмотря на то, что проблемы информационной этики имеют групповой характер, вопрос о нашем вкладе в решение глобальных проблем (исходя из нашей индивидуальности, а не только как профессионалов) не должен избегаться. Каждый из нас несет определенную ответственность и соответствующие обязанности, ведь даже минимальный вклад имеет значение: «в конечном итоге вы несете моральную ответственность за все, что выбираете делать. Даже если вы верите в детерминизм, чувство вашей свободы и моральной ответственности за выбор остается неизменным» [\[9, с. 40\]](#).

В эпоху больших данных особенно важны вопросы, связанные с пониманием моральной ответственности работников библиотек и архивов в выполнении своих задач беспристрастно с метаэтической точки зрения, поскольку они требуют переосмысления того, что составляет суть этического исследования и кто за что несет ответственность. Такая динамика в распределении ответственности может приводить к дисбалансу в профессиональных сообществах, когда некоторые агенты оказываются перегружены обязанностями, тогда как другие избегают их. Это вносит элементы несправедливости и неэффективности в рабочие процессы, что может подрывать общее доверие и моральное здоровье организации. Осознание того, что выбор в принятии решений неизбежно связан с социальными и культурными контекстами, помогает понять, что моральная ответственность не может быть полностью индивидуализирована.

С философской точки зрения информация является нейтральной и не несет дополнительно ни отрицательной, ни положительной оценки. Феномен информации выступает философской проблемой только в том случае, когда происходит ее этическая интерпретация. Как уже было отмечено, глобальная информатизация повлияла на стремительный рост информации и ее использование в современном цифровом обществе.

В этом контексте необходимо формировать определенные кодексы, которые не только четко определяют, кто и за что несёт ответственность, но и обеспечивают справедливое распределение этой ответственности внутри коллектива. Это включает в себя создание

прозрачных процедур и критериев оценки, которые учитывают, как индивидуальные достижения, так и вклад в командную работу. Такой подход требует активного диалога внутри профессиональных сообществ и разработки этических принципов, которые признают, как автономию индивидуума, так и его взаимозависимость с другими участниками процесса. Подобные усилия способствуют созданию более здоровой рабочей атмосферы, где каждый член команды чувствует себя ценным и ответственным, что приводит к более высокой эффективности и моральному удовлетворению от работы. «Их моральная ответственность будет эффективной только в той мере, в какой она будет основываться на этических рамках, способных примирить различные этические взгляды и интересы заинтересованных сторон» [\[13\]](#).

Доверие к эпистемологическому предоставлению информации агентом зависит от надёжности источника информации. В этом контексте доверие часто понимается как административное отношение, при котором одна сторона решает предоставить кредитоспособность другой стороне для выполнения определенного действия, основываясь на оценке её надёжности. Метаэтика в этом контексте требует более глубокого анализа условий, при которых присвоение авторитета и доверия оправдано, учитывая не только надёжность, но и моральную ответственность. Это особенно важно в условиях цифровой эпохи, где информационные потоки и технологии играют ключевую роль в формировании общественного доверия и ответственности. Таким образом, задачи информационной этики включают не только организацию и обработку данных, но и переосмысление моральных ценностей, на которых базируются эти процессы. Данный вопрос требует, как индивидуального, так и коллективного подхода к этической ответственности в цифровую эпоху, а также позволяет нам глубже понять влияние технологий на наше благополучие и взаимоотношения в обществе.

Заключение

В эпоху big data происходит трансформация моральных ценностей, обусловленная распространением автоматизированных систем в каждый аспект человеческой жизни. В мире, в котором преобладают компьютеры и цифровые алгоритмы, человек часто становится лишь элементом данных, а не активным участником процессов. Данная ситуация осложняется маркетинговыми стратегиями и государственными механизмами контроля, которые опираются на биометрические технологии и «топологию тела», превращая личные и эмоциональные аспекты в объекты для анализа и манипуляции.

В этих условиях мы наблюдаем не только герменевтический разрыв, но и кризис в понимании роли человека в современном мире, где традиционные европейские понятия мышления и рефлексии утрачивают свою актуальность. В мире, в котором каждый шаг подвергается анализу через призму больших данных, задача сохранения индивидуальной субъектности становится все более сложной. Происходит кризис традиционного герменевтического европейского сознания, которое долгое время доминировало в интеллектуальном дискурсе, стремясь к разгадке глубинных, платоновских смыслов, что в конечном итоге привело к излишней фокусировке на поиске скрытых значений, отвлекая внимание от реальных, телесных аспектов существования.

Эта переориентация культурного и философского внимания на моральные ценности, их трансформацию в эпоху больших данных требует нового подхода к обсуждению вопросов идентичности и конфликтов, связанных с использованием технологий, которые определяют, как и в какой мере можно управлять личными данными без ущерба для личной свободы и достоинства. Следовательно, это вызов коллективной этике,

требующий создания нового цифрового кодекса, содержащего такие методы, как разделение аксиологических приложений, метаэтический анализ и деонтологические правила поведения. Эти стратегии нацелены на разработку последовательных моральных принципов, которые облегчат решение возникающих моральных конфликтов.

Возможно, в будущем наступит момент, когда перед человечеством встанет задача разработки новых герменевтических методов, которые будут направлены на осмысление и интерпретацию аналитических выводов искусственного интеллекта, а также на интеграцию этих выводов в культурный и интеллектуальный ландшафт нового гибридного общества человеко-машинного взаимодействия. Это еще один вектор проблемы герменевтического разрыва, на этот раз между человеческим пониманием и машинной обработкой данных. Нам предстоит не просто создать механизмы для трансформации машинного языка в человеческие категории, но и в корне пересмотреть наши представления о знании, понимании и культурных значениях, что потребует глубокой рефлексии над тем, как данные, генерируемые искусственным интеллектом, могут быть инкорпорированы в человеческий опыт, обогащая и трансформируя его, без потери моральных ориентиров и ценностей, которые долгое время считались неотъемлемыми атрибутами нашей культуры.

Библиография

1. Ананьева Е. Цифровая герменевтика: «вызов» и «ответ» на методологические притязания цифровых гуманитарных наук. Информация-Коммуникация-Общество (ИКО-2023): Труды XX Всероссийской научной конференции с международным участием. СПб.: ЛЭТИ, 2023. С. 4-8.
2. Болдонова И.С. Герменевтика электронной текстовой коммуникации // Социально-гуманитарные знания. 2023. №6. С 119-125. DOI 10.34823/SGZ.2023.6.62018.
3. Вишке М. Герменевтика, философия и этика: тенденции новейшей интерпретативной литературы произведений Х.-Г. Гадамера // Исследования по феноменологии и философской герменевтике. Минск: Европейский гуманитарный университет, 2021. С. 147-153.
4. Войскунский А.Е. Социальная перцепция в социальных сетях // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. 2014. № 2. С. 90-104.
5. Гуревич П.С. Закономерности и социальные перспективы научно-технического прогресса // Новая технократическая волна на Западе. М.: Прогресс, 1986. 256 с.
6. Гусейнов А.А. Философия. Мораль. Политика. М.: Академкнига, 2002. 304 с.
7. Кочеткова Н.П. Кибербезопасность и эволюция информационного пространства: феноменологический анализ взаимосвязи с метавселенной и фиджитал-миром // Философская мысль. 2024. № 7. С.1-15. DOI: 10.25136/2409-8728.2024.7.71055 EDN: UTGATW URL: https://e-notabene.ru/fr/article_71055.html
8. Кара-Мурза С.Г. Манипуляция сознанием. М.: Алгоритм, 2004. 464 с.
9. Максимов Л.В. Очерк современной метаэтики // Вопросы философии. 1998, № 10. С. 39-54.
10. Соловьев Э.Г. Информационное общество // Новая философская энциклопедия: в 4 т. Т. 2 / Ин-т философии РАН. М.: Мысль, 2001. С. 143.
11. Шилина М.Г. Big data и цифровая датификация как техносоциальный феномен. К вопросу формирования научно-теоретической рамки исследования // Социально-политические науки. 2018. №4.
12. Ясперс К. Истоки истории и ее цель // Ясперс К. Смысл и назначение истории. М.: Республика, 2004. С. 28-286.
13. Di Rosario J. Electronic Poetry. / Understanding poetry in the Digital Environment.- Jyväskylä University Printing House, Jyväskylä, 2021. 326 p.

14. Gadamer H.-G. Truth and Method.-New York, 1975.
15. Frabetti F. Have the humanities always been digital? / In Understanding Digital Humanities, ed. D. Berry.-London: Palgrave Macmillan, 2022.-P. 161-71.
16. Romele A., Severo M., Furia P. Digital Hermeneutics: From Interpreting with Machines to Interpretational Machines. //AI & Society: Knowledge, Culture and Communication, 35 (1). 2018. P. 73-86.
17. Morán-Reyes A. A. Towards an ethical framework about Big Data era: metaethical, normative ethical and hermeneutical approaches // Heliyon, 2022. Volume 8, Issue 2

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Автор рецензируемой статьи ставит перед собой задачу рассмотреть «конфликт между традиционными моральными ценностями и ценностями цифрового общества». Конечно, можно сразу же посоветовать, что не вполне ясен смысл выражения «ценности цифрового общества», но, признаемся, интуитивно мы понимаем, о чём идёт речь. Ниже сам автор указывает на «проблемы конфиденциальности, надежности, доступности, приватности и возможности использования личной информации», и читатель вполне может себе представить, какие угрозы подобного рода проблемы создают для сохранения «традиционных моральных ценностей». Однако автор пытается провести мысль, что анализ указанной проблематики окажется более плодотворным, если использовать «герменевтический подход». Следует прямо констатировать, что решение поставленной задачи продемонстрировать плодотворность «герменевтического подхода» в рассмотрении избранной темы просматривается в тексте с большим трудом. Кажется, автор и не утруждает себя обязательством убедить читателя в актуальности указанного подхода, представляя этот тезис как некое безапелляционное заявление. В самом начале статьи читаем: «Герменевтический подход – это перспективное направление, позволяющее проводить глубокий анализ и интерпретацию зарождения, развития и трансформации конфликта моральных ценностей. Таким образом, герменевтика...». Как здесь появилось «таким образом»? Из подобных абстрактных заявлений ещё ничего не следует. Столь же абстрактно и неоправданно звучит и заявление, будто герменевтика «превращается в инструмент для осмысления сложных взаимодействий между человеком, технологиями и моральными ценностями в современном обществе». Как «превращается», кто это доказал? В некоторых случаях возникает сомнение, что автор отдаёт себе отчёт в значении используемых терминов или слов разговорного языка, например: «традиционные моральные ценности не могут быть ассимилированы в информационных потоках, а должны трансформироваться и развиваться с учетом реалий современного цифрового общества». А как они вообще могли бы «ассимилироваться» в информационных потоках? Мы и вправду стремимся к этому? В самом тексте много разнородных замечаний о герменевтике, но из них не складывается общая картина, которая свидетельствовала бы о плодотворности использования «герменевтического подхода» в указанной сфере. Текст вообще не производит впечатления связного повествования, в нём трудно увидеть последовательность положений и аргументов в их защиту, – а именно таким должен быть научный текст. Общий вывод автора – звучащий весьма пессимистично – приходится признать справедливым, но, конечно, не на основании использования «герменевтического подхода», а просто на основании жизненных наблюдений: «Люди, поглощенные информационным потоком, превращаются в апатичных, анонимных индивидов, живущих по стереотипам, предписанным медийным

дискурсом. Это, в свою очередь, усиливает межличностное отчуждение и приводит к одной из крупнейших антропологических проблем нашего времени – проблеме усиливающегося чувства одиночества». Одним словом, автор должен или вернуться к вопросу об обоснованности апелляции к герменевтике, или просто снять это ничего не дающее дополнение. Актуальность этого пожелания демонстрируется следующим заявлением: «Применение герменевтического подхода к анализу данного процесса позволило понять, что истинная мораль зависит от индивидуального понимания человеком своего места в мире и отношения к окружающим». Простите, а если бы не «герменевтический подход», «истинная мораль» могла бы и не зависеть «от индивидуального понимания, и т.д.»? Уровень подготовки текста к печати крайне низкий, в нём сохранилось огромное количество опечаток, разного рода ошибок, стилистических погрешностей. Элементарная лингвистическая культура является необходимым элементом научной публикации, тем более, недопустимо неряшливое отношение к русскому языку в публикациях по социально-гуманитарной проблематике. Встречаются откровенно бессмысленные заявления: «конфликт моральных ценностей в эпоху больших данных, в первую очередь, носит этический характер», – а какой же ещё характер, как не «этический», может носить этот конфликт? Подобного рода банальности способны произвести на читателя просто оскорбительное впечатление. Сюда же относятся выражения «этико-моральные вопросы», «различная трактовка определений данного понятия» (просто «различные определения»? Определения не трактуются!), и т.п. Укажем ещё на несколько типичных ошибок: «...сосредотачивает свое внимание на то, как...» («на том»?), «М. Вишке, указывает...» (зачем запятая?), «в условиях массового потребления информации, герменевтические методы...» (то же самое), «в современной эпохе, с развитием...» («эпоху»? И зачем запятая?), «в этом контексте, герменевтика предоставляет...» (автор увидел здесь вводную конструкцию?), «это вызов коллективной этики, требующий...» («этике»?), и т.п. Конечно, в статье присутствует некоторое содержание, но текст нуждается в глубокой переработке.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Темой представленной для публикации статьи стал зарождающийся конфликт между тем, что автор называет «традиционными моральными ценностями», и ценностями цифрового сообщества. Автор выделяет два подхода к решению моральных конфликтов: «подход нормативной этики» и «герменевтический подход». Первый базируется на обосновании фундаментальных «высших ценностей» и предписывает человеку с позиций должностования определенные правила поведения. Второй подход исходит из самопознания и истолкования человеком моральных понятий и ситуаций внешнего мира. В современную эпоху, по мнению автора, следует отдавать предпочтение второму подходу, так как именно здесь человек становится «моральным агентом», т.е. полностью берет на себя моральную ответственность за свои действия. «Нормы этического кодекса – пишет автор – в рамках эпохи больших данных не могут дать ответ, какая из этих ценностей является ведущей в конкретный момент времени. Это может делать только человек, который берет на себя роль морального агента».

Я совершенно убежден, что эта проблема является не только проблемой эпохи «больших данных». Герменевтика как метод выбора ценностей, интерпретации моральных норм и истолкования ситуаций известен как минимум с первых веков нашей эры. Однако автор прав в том, что сейчас такая герменевтика приобретает совершенно новое качество:

компьютер не осуществляет понимание в классическом смысле, а лишь выполняет заданные алгоритмы обработки данных. В классической герменевтике в центре внимания находятся культурные и социальные феномены, а в цифровой – информационные коды. Следовательно, традиционное, классически европейское понимание субъекта подвергается сейчас серьезному переосмыслению.

Для того, чтобы этическая герменевтика отвечала современному информационному пространству, необходимо, по мнению автора статьи, обратиться к метаэтическому анализу моральных суждений. Только такое обращение выведет герменевтику на современный научный уровень. Метаэтика, как справедливо замечает автор, не решает проблемы морали в контексте бытовых нравоучений, не дает ответы на вопросы о том, как следует поступать в той или иной ситуации, но предлагает философские ориентиры по различным направлениям нашей жизни. Кроме того, метаэтика позволяет создать адекватные моральные кодексы, в которых будет справедливо распределена моральная ответственность субъектов информационного сообщества. Следует заметить, что в статье имеется ряд ценных утверждений относительно определения того, кого можно именовать «моральным субъектом, и еще много чего интересного.

Со всем сказанным нельзя не согласиться. Только следует заметить, что все положения статьи носят скорее декларативный характер. Какие именно выводы современной метаэтики востребованы для анализа современного информационного пространства? Как конкретно они поспособствуют разрешению моральных конфликтов? Читателю остается только поверить, что когда-нибудь все это будет, будет...

Но, несмотря на это замечание, я считаю, что статья может быть опубликована, так как правильно ставит проблему и намечает пути ее решения. Я только посоветовал бы автору еще раз внимательно вычитать статью. Мне показалось, что в ней присутствуют пунктуационные ошибки и нарушения согласования.

Философская мысль

Правильная ссылка на статью:

Канныкин С.В. Этико-гуманистические воззрения А. Швейцера и Дж. Шихана: опыт сравнительного анализа // Философская мысль. 2024. № 10. DOI: 10.25136/2409-8728.2024.10.71453 EDN: FYSLCS URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=71453

Этико-гуманистические воззрения А. Швейцера и Дж. Шихана: опыт сравнительного анализа

Канныкин Станислав Владимирович

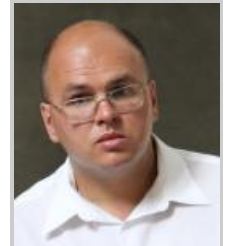
ORCID: 0000-0002-3250-4276

кандидат философских наук

доцент; кафедра гуманитарных наук; Старооскольский технологический институт им. АА Угарова (филиал) НИТУ "МИСиС"

309503, Россия, Белгородская область, г. Старый Оскол, Никитский, 6

✉ stvk2007@yandex.ru

[Статья из рубрики "Благоговение перед жизнью"](#)

DOI:

10.25136/2409-8728.2024.10.71453

EDN:

FYSLCS

Дата направления статьи в редакцию:

11-08-2024

Аннотация: Предметом исследования является общее и различное во взглядах на человека, социум и этику создателя концепции благоговения перед жизнью А. Швейцера и Дж. Шихана – одного из самых известных представителей философии спорта США, теоретика гуманистического содержания любительского стайерского бега. Указанное сравнение осуществляется с целью определения того, как американский исследователь конкретизирует и обогащает комплекс гуманистических идей, обобщенно называемых швейцерианством. Автор эксплицирует отношение А. Швейцера и Дж. Шихана к проблематике телесности человека, проясняет причины и следствия их стремления к свободе от неподлинной жизни, выявляет специфику и сферы самопознания, определяет роль религии и мистики в их духовности, а также сравнивает этические воззрения и гуманистические идеалы. Методология исследования базируется на диалектическом и сравнительном подходах, принципах системности, объективности, историзма, использованные методы: анализ, синтез, герменевтический метод. А.

Швейцера и Дж. Шихана объединяет нахождение смысла собственного существования в утверждении бытия телесно выраженной жизни – как во всей полноте ее присутствия (А. Швейцер), так и в форме индивидуальной человеческой телесности (Дж. Шихан). Задачей личности является формирование этики, которая характеризовалась бы жизнью и мироутверждением, а также оптимизмом. И А. Швейцер, и Дж. Шихан источником такой этики полагают религиозно-мистическую связь с божественным, к достижению которой ведут два пути: последовательное и глубокое мышление (А. Швейцер) и телесные (в частности, беговые) практики (Дж. Шихан), стадии восхождения через которые к Абсолюту таковы: игра – страдание – Видение. После метаноической трансформации личность должна перейти в модус деятельного служения добру («жизнь для других») на основе принципа "благоговения перед жизнью". Безграничная этика А. Швейцера стала новым этапом развития гуманизма, а одной из социальных сил, практически подтверждающей комплекс его идей, сегодня выступает любительское беговое сообщество, выразителем гуманистического духа которого является Дж. Шихан. В контексте этического прогресса стайерский бег с личностно созидательными целями может рассматриваться в качестве сферы утверждения таких ценностей, как демократизм, равенство, индивидуализм, честность, положительная значимость телесности и героизм без насилия над соперниками.

Ключевые слова:

гуманизм, этика, мистика, религия, бег, игра, героизм, тело, фронеизис, благоговение перед жизнью

Возвеличить идеалы гуманизма в современном мире – вот что сегодня насущно необходимо.

А. Швейцер «Мир или атомная война»

И если будешь мерить расстояние
 Секундами, пускаясь в дальний бег, –
 Земля – твое, мой мальчик, достоянье.
 И более того, ты – человек!

Р. Киплинг «Если»

В 2025 году будет отмечаться 150-летие со дня рождения Альберта Швейцера (1875-1965). Это событие, безусловно, обретет всемирный масштаб – именно такой, какой имела и его личность, духовное влияние которой не ослабевает со временем. Биография А. Швейцера, рожденного в Верхнем Эльзасе и наследующего немецкой и французской культурам, – лауреата Нобелевской премии мира, теолога, философа, музыканта и врача – это история *жизненного подвига* выдающегося подвижника, не только теоретически обосновывавшего, но и деятельно утверждавшего идеалы гуманизма самоотверженным служением в качестве доктора в оборудованной за собственный счет больнице в габонском селении Ламбарене. А. Швейцер пережил две мировые войны (причем во время Первой мировой он был интернирован), стал свидетелем создания атомного оружия и противостояния ядерных держав во время Карибского кризиса, в полной мере ощутил горе обездоленной жизни африканцев – все это он пропустил не только через свой разум, но и сердце. Результатом его миропонимания и мироощущения стала

констатация кризисного характера общественной жизни, проявляющаяся в ее *дегуманизации, ведущей к девальвации жизни вообще*: общество считает приемлемым военное разрешение политических проблем, при котором человеческая жизнь превращается из святыни в разменную монету, вместо цели становится средством, а возможность ядерной войны ставит под угрозу существование жизни как таковой. Кажется, что именно к нашим современникам обращается А. Швейцер из 1934 года: «среди нас существует безмыслие, для которого характерно презрение к жизни. Мы развязали войну из-за вопросов, которые при разумном подходе могли бы быть разрешены. В этой войне не победил никто. Война убила миллионы людей, миллионам принесла страдания, принесла страдания и смерть миллионам ни в чем не повинных животных. Почему это оказалось возможным? Потому, что мы не обладали наивысшей разумностью – разумностью благоговения перед жизнью» [1, с. 489]. В этих словах слышится явный упрек носителям «наивысшей разумности» – современной интеллектуальной элите, поскольку некоторые ее представители, потеряв (а нередко и продав) нравственные ориентиры, стали новоявленными «жрецами Танатоса», обосновывающими на базе религиозного фундаментализма, консерватизма, этатизма и изоляционизма возможность (и даже необходимость) попрания высших гуманистических ценностей – прежде всего жизни человека, а также его прав и свобод. Это связано как с их фантазиями о загробном существовании, так и с абсолютизацией государственных интересов, прежде всего – с принуждением к единомыслию. Сегодня, как и во времена А. Швейцера, «любой человек, который мыслит самостоятельно и остается при этом духовно свободным, рассматривается <...> как нечто неудобное и даже опасное. <...> Все корпоративные организации видят сегодня свою силу <...> в достижении максимально возможной степени сплоченности и обособленности. Именно таким способом они надеются приобрести наибольшую мощь, необходимую как для наступления, так и для обороны» [1, с. 131]. А. Швейцеру претит любая пропаганда и идеализация войны, обоснование ее необходимости ссылками на порыв патриотического воодушевления, единственно возможную самозащиту, неискоренимое тяготение людей к героизму и славе и т.п. Поборникам этой аргументации он советует следующее: «Пусть пройдут они кладбищами со многими тысячами крестов, преследуемые и мучимые вопросом: почему, собственно, зарытые здесь вместе должны были страдать и умереть? Должен же, наконец, появиться патриотизм, более человечный и более прозорливый, нежели прежде» [2, с. 372]. Усматривая прогресс общества в «умягчении» борьбы за существование, в поддержке всякой жизни, в расширении до всемирных пределов «этики любви Иисуса», А. Швейцер только на этом пути видит возможность достижения кантовского *вечного мира*: «чтобы вопросы, разделяющие народы, решались не в войнах, а в мирных дискуссиях» [2, с. 372], желая, чтобы политика подчинилась идеям гуманизма, и отвергая войну прежде всего по нравственным соображениям, «ибо война возлагает на нас вину в преступлении против человечества» [2, с. 416]. Всегда верный фундаментальному этическому принципу благоговения перед жизнью, А. Швейцер поднимал свой голос не только против вооруженных конфликтов, но и против пыток, воодушевлял своей борьбой с расизмом и другими формами дискриминации, был противником «популярных развлечений», основанных на жестоком обращении с животными. Вообще говоря, «поставить себя в правильное отношение к феномену жизни как таковому, как целому – это единственно достойная разумного существа <...> задача, в основе которой лежат религиозно-мистические интуиции, определила и стиль мышления, и жизненный путь Швейцера, своей оригинальностью и своеобразным величием привлекая внимание образованных людей в самых разных частях света» [3, с. 51].

Конечно, философский и жизненный подвиг А. Швейцера неповторим, моральные авторитеты такого уровня рождаются нечасто, в XX веке в один ряд с ним можно поставить разве что Л. Н. Толстого и М. Ганди. Однако возможно проследить, как утверждаемые эльзасским философом гуманистические воззрения развиваются и обогащаются в этических программах близких ему по духу мыслителей, к которым, например, относится представитель американской философии спорта, яркий пропагандист беговой активности как личностно созидающей деятельности Джордж А. Шихан (1918 – 1993 гг.). Подобно А. Швейцеру, Дж. Шихан был врачом (его специализация – кардиология), писателем (он автор восьми книг, его называли «голосом» бегового бума 70-80-х годов в США), глубоко верующим христианином, не чуждым мистических переживаний, большим поклонником философского знания, упоминавшим на некоторых своих лекциях о развитии человека посредством беговой активности до сорока близких ему по духу мыслителей – от Платона до М. Фуко, и проповедником созданного им варианта гуманизма как максимально возможной для личности телесно-духовной интеграции с опорой на отношение к жизни сродни швейцеровскому благоговению перед ней. Изложение его биографии и мировоззрения представлено в [4]; в данной работе мы сосредоточимся на прослеживании связей между представлениями о человеке, этике и обществе Дж. Шихана и А. Швейцера для того, чтобы определить, как американский исследователь конкретизирует и обогащает комплекс гуманистических идей, обобщенно называемых швейцерианством. Насколько нам известно, книги Дж. Шихана не переведены на русский язык и сопоставление этико-гуманистических воззрений А. Швейцера и Дж. Шихана осуществляется впервые. Методология исследования базируется преимущественно на сравнительном подходе с учетом его генетических и типологических форм.

Императивы телесности как направления самосовершенствования личности

Очевидно, что А. Швейцер во многом опирался на учение А. Шопенгауэра, положительно оценивая его онтологию, в которой мир полагается манифестацией *воли*, но не соглашаясь с пессимистическим мироощущением немецкого мыслителя, восходящим к древнеиндийской философии и отрицающим возможность трансформирующего общества этического воздействия со стороны личности. Одной из новаций А. Шопенгауэра является обращение к «дискурсу тела»: «Он был первым, кто смело ввел физиологию в метафизику, отмечая проявления своей знаменитой Воли, слепого упрямого влечения, порождающего явления, в зевоте, чихании, рвоте, судорогах, конвульсиях, эрекции, семяизвержении, и перемежая рассуждения о морали с описаниями ганглий и спинного мозга» [5, с. 21]. А. Шопенгауэр полагал, что обусловливание мира как *представления* «опосредствуется телом, чьи состояния, как показано, служат рассудку исходной точкой для познания мира» [6, с. 186]; А. Швейцер, по всей видимости, радикализирует это положение, утверждая, что «дух пребывает в беспощадной зависимости от тела» [7, с. 304]. Благоговение перед жизнью, по его мнению, включает в себя три мировоззренческих составляющих: смирение, миро- и жизнеутверждение, а также этику. Показательно, что смирение поставлено на первое место, поскольку оно представляет собой основу бытия личности – «духовное и этическое утверждение собственного существования» [1, с. 138], которое базируется на ницшеанском *amor fati* – принятии собственной судьбы. Ее исходные проявления мы отмечаем в *данном* нам теле, при этом эльзасский мыслитель полагает, что только прошедший через смирение будет способен к жизнеутверждению: «Швейцер предлагает воспринимать свое тело не только как нечто конечное, смертное, уязвимое и временное, а, напротив, как нечто сакральное,

безусловно важное и уникальное, что заслуживает благоговейного отношения и духовной, и физической заботы» [8, с. 83]. Поэтому человек – это не просто проявление воли к жизни, это проявление воли к *своей* жизни, в первую очередь детерминированной своеобразием тела. Указанная потребность становится главным стимулом к *действию*, сначала направленному на самопознание, затем на самореализацию, а в итоге – на преобразование общества, в соответствии со словами Серафима Саровского: «Стяжи дух мирен, и через тебя спасутся тысячи». В этой связи становится понятным, почему А. Швейцер не принимал декартовское *cogito* в качестве критерия удостоверения в своем существовании: не мышление и познание составляют суть связи человека с миром и самим собой, а *переживание* как телесная функция, поэтому исходное – *телоцентричное* – положение философии А. Швейцера сформулировано так: «Я есть жизнь, которая хочет жить, среди жизни, которая хочет жить» [1, с. 96]. Жить *своей* жизнью – значит благоговейно относиться к ней как непостижимо таинственному дару, возвышая до главной ценности, что проявляется в деятельном утверждении уникальности и незаменимости каждого человека как автора своего «жизненного проекта». Эта установка была присуща и самому А. Швейцеру, жизнь которого «представляет собой яркий пример эвдемонического существования, высшей ценностью которого является реализация уникального внутреннего потенциала» [9, с. 5]. Также следует учитывать и религиозный осто́в мировоззрения А. Швейцера: христиане чают не только вечности души, но и воскресения плоти, согласно их учению человек входит в вечность *целостным*. Это возвышение плоти до бессмертия понимается как проявление божественной любви к людям, к тому же «всякую духовную жизнь мы встречаем только в пределах естественной жизни» [1, с. 139].

Дж. Шихан также начинал свои размышления об этически достойной жизни, отталкиваясь от тела. Прежде чем стать хорошим человеком, следует стать хорошим животным, полагал он вслед за Р. У. Эмерсоном, что и означало стремление к максимальной реализации телесного потенциала. Для Дж. Шихана воля к жизни – это стремление каждым организмом достичь своего наивысшего совершенства. Осуществление этой цели побуждает человека воспользоваться одной из дельфийских максим – *познай самого себя*, «и лучший способ познать себя – это проанализировать строение своего тела и то, как оно двигается» [10, p.36]. Связь между телосложением и личностью проявляется в том, что функция всегда производна от структуры, отсюда интерес Дж. Шихана к конституционной теории темперамента У. Г. Шелдона, согласно которой трем типам телосложения (эндоморфное, мезоморфное и эктоморфное) соответствуют три типа темперамента (висцеротонический, соматонический, церебротонический), причем для большинства людей характерны сложные комбинации этих типов. Также У. Г. Шелдон определил, что мы состоим из различных соотношений трех первичных слоев ткани эмбриона: эктодермы (кожа и нервная ткань), энтодермы (кишечник), мезодермы (кости и мышцы). В зависимости от их пропорций и преобладающего типа ткани он прогнозировал физические способности, способ реакции на стресс, эстетические предпочтения, темперамент и наилучший образ жизни для представителей указанных телесных типов. Дж. Шихан полагал, что «прочитать Шелдона – значит открыть для себя новый мир. А принять Шелдона – значит принять себя и свои собственные особенности, научиться жить в соответствии с ними и учиться жить с особенностями других» [10, p. 37]. Доктора Шихана привлекает в учении У. Г. Шелдона устранение декартовского дуализма души и тела, поскольку темперамент и телесная конституция – это два атрибута одной субстанции, для него структура тела и поведение человека образуют функциональный континуум. Американский мыслитель полагает, что

особенности тела определяют не только предпочтительный образ жизни, но даже религиозные и философские взгляды человека, поскольку одни из нас созданы для бегства, вторые – для борьбы, а третьи – для переговоров, мы обосновываем свое поведение наиболее соответствующим телу и темпераменту мировоззрением. Вообще говоря – наши тела определяют то, где наша свобода и счастье, а также каковы способы их достижения. Суть гуманистического посыла У. Г. Шелдона Дж. Шихан усматривает в главной цели его учения: «развивать каждого человека в соответствии с его наилучшим потенциалом, защищая его от ложных амбиций, желания быть тем, кем он никогда не сможет стать и, что еще более важно, никогда не должен быть таким» [10, p. 38]. Однако важно понимать, утверждает Дж. Шихан, что тело (за исключением инвалидности или каких-либо других девиаций) не ограничивает нашу свободу, но определяет для нас способы наилучшей самореализации, которыми мы вольны воспользоваться. В случае Дж. Шихана швейцеровское жизнеутверждение проявляется в том, что человек не подавляет и не поработает свое тело, а прислушивается к нему и стремится в полной мере реализовать его потенциал, восходя к собственной истине жизни, к ее подлинности как источнику оптимистического мироощущения. Он убежден в том, что для самореализации Я должно быть настолько физическим, насколько это возможно, а ни одна жизнь не может быть прожита *полностью* без максимизации себя на телесном уровне.

Стремление к свободе от неподлинности как этический акт

Проявление осознанной телесно-духовной неповторимости личности («жизнеутверждение») неизбежно связано с отвержением «ложной жизни», обретением свободы от многих доминирующих общественных установок («жизнеотрицание»), причем второе полагается А. Швейцером и Дж. Шиханом обязательным условием реализации первого, поскольку «этика всегда противостоит действительности и обнаруживает себя в свободе от мира» [11, с. 126]. Причиной этого противостояния миру является принимаемая личностью на себя ответственность – как за свое существование и развитие, так и, в случае А. Швейцера, – за жизнь в целом. Отсюда следует, что «наша жизнь есть вечная полемика нашей воли к жизни с миром, полемика, в которой мы постоянно отстаиваем тезис о том, что никогда не согласимся на принижение воли к жизни» [7, с. 283]. Согласно А. Швейцеру, дух подлинного гуманизма обретается лишь в личности, поскольку этика общества нацелена на превращение людей в его рабов, у которых не должно быть даже мысли о восстании. Это превращение достигается разными идеологическими приемами, одним из которых является внедрение в общественное сознание представлений о нормальности и правильном целеполагании, например «американской мечте». Вот как этот идейный комплекс описывает Дж. Шихан касательно *настоящего* американского мужчины: он должен иметь дух первопроходца, дерзость, необузданную храбрость и авантюризм, которые и сделали Америку великой, обязан «противостоять хулиганам, смотреть своим врагам в глаза и никогда не отступать. Предполагается, что американцы должны работать по 30 часов в сутки, 8 дней в неделю; знать, что такое командная работа и пройти путь от мальчика на побегушках до президента. Соединенные Штаты Америки ожидают, что вы будете героем, встанете на ноги, с вами будут считаться, вы всем покажете, из чего вы сделаны» [12, p. 17]. Дж. Шихан приходит к выводу, что то, из чего «сделан» он, абсолютно не позволяет ему рассчитывать на приближение к идеалам brutального самца из «американской мечты»: как, согласно У. Г. Шелдону, относящийся к соматотипу 235 (мезоморфная эктоморфия), он трусоват и очень рассеян, его болевой порог – на уровне крепкого рукопожатия, он всегда предпочтет бегство борьбе, а еще у него любовь к одиночеству, отвращение к

тактильной коммуникации и приятельскому панибратству, страстное стремление быть как можно больше погруженным в мир мыслей и полное нежелание стать кем-то другим, «правильным», даже президентом. Дж. Шихан пытался до 45 лет *жить как все*, хотел стать частью, как он сам формулирует, «стада, любого стада»: «Мы изучаем правила стада, предписания стада, мораль стада, этику стада. Мы становимся частью общества. Общество должно быть сохранено, поэтому мы принимаем обязательства, которые оно налагает» [13, p. 36]. Однако его никогда не покидало чувство неприемлемости для него такой жизни, Дж. Шихан осознавал, что основой его взаимодействия с другими является ложь, поэтому он никогда не смотрел в глаза своим собеседникам, опасаясь сразу быть уличенным в неискренности. Это очень тяготило его, и здесь мы вновь находим соответствие с позицией А. Швейцера, который писал: «Не менее сильным, чем стремление к истине, должно быть и наше стремление к искренности. <...> Искренность – это фундамент духовной жизни» [1, с. 133]. Способом возвращения к подлинному себе и к искренности во взаимодействии с другими для Дж. Шихана стал бег, в котором он преуспевал в студенчестве. Желая вернуться к юношескому ощущению полноты жизни, в возрасте 45 лет он начал бегать по периметру своего придомового участка, где 26 кругов составляли милю, так как «стадо» в 1963 году не было готовым увидеть на улицах патриархального городка Рамсон бегающего «в нижнем белье» отца 12 детей, попечителя Академии христианских братьев и уважаемого врача без сомнений в его законопослушности и психическом здоровье. Через пять лет доктор Шихан установил мировой рекорд для 50-летних спортсменов в беге на милю – и действительно вернулся к лучшей версии себя, вырвавшись из «стада» и реализовав свои телесные императивы. Теперь уже он не отводил глаза, общаясь с другими: «Бег сделал меня свободным. Это избавило меня от беспокойства о мнении других. Избавил меня от правил и предписаний, навязанных извне» [10, p. 33]. Можно прийти к выводу, что Дж. Шихан, так же, как и А. Швейцер, «полагает, что естественно-природное в индивиде – гарантия того, что человек может обрести смысл жизни вне социальных координат, вопреки давлению социально-исторических обстоятельств» [14, с. 111]. Дж. Шихан считал правильным прислушиваться к своему телу, а не к другим людям, вдохновляться советом Ф. Ницше «не принимайте меня за кого-то другого» и признать тот факт, что жизнь порой может ощущаться полной и в отсутствие общности с другими людьми: «Живите своей собственной жизнью. Успех – это <...> не уважение коллег, не восхищение общества и не признательность пациентов. Успех – это определенное знание о том, что вы стали собой, человеком, которым вы должны были быть. Это достаточная награда» [10, p. 132].

Игра как сфера концентрации жизни, самопознания и героизма

Дж. Шихан полагал, что сферой бытия, концентрировано выражающей полноту жизни, является игра как практика, осуществляемая ради нее самой, без утилитарной, внешней цели: «Игра – это то, где живет жизнь» [13, p. 47], тем самым солидаризируясь с мнением Х. Ортеги-и-Гассета: «Саму жизнь, в том числе жизнь органическую и биологическую, в конечном счете нельзя понять через пользу, но можно объяснить как грандиозное спортивное явление» [15, с. 96]. Доктором Шиханом были определены как важнейшие три аспекта игры: упражнения для тела, привнесение радости в жизнь и самопознание. Он многократно указывает на важность отношения к любительскому бегу как к игре – это когда бегут не для того, чтобы похудеть и (или) укрепить сердечно-сосудистую систему, а потому, что людям нравится сам процесс беговой локомоции и обеспечиваемое им состояние тела и духа, т.е. здесь главное не результат, а сам процесс, благотворность которого описывается следующим образом: «Я готов основать новую религию, первый закон которой гласит: «Играйте регулярно». Час игры в день делает человека цельным,

здоровым и долгоживущим. Упражнения должны быть в виде игры, иначе они принесут мало пользы» [\[10, p. 99\]](#). Бег как внеигровая фитнес-практика рационален, практичен и физиологичен, им чаще всего занимаются безо всякого желания, вынуждено, вопреки своим наклонностям, потому что это нужно для здоровья, такой бег – тяжелая подневольная работа, увеличивающая раскол между телом и духом. Напротив, бег как *игра* нерационален, мистичен и психологичен – это добровольно выбранный и кажущийся невовлеченным людям нелепым способ интенсификации жизни, повышения ее качества, достижения пиковых переживаний, когда возникает чувство единства с самим собой и миром, а также возврата к своей подлинности и «первоначальному великолепию»: «Бегите только в том случае, если без этого невозможно. Если бег – это настоящая необходимость, которая исходит изнутри вас, а не от вашего врача. В противном случае прислушайтесь к внутреннему зову вашей собственной игры. <...> делайте то, что у вас получается лучше всего и в чем вы чувствуете себя лучше всего. Что-то, что вы сделали бы просто так. Что-то, что дает вам уверенность, самопринятие, чувство завершенности и даже моменты, когда вы сливаетесь со своей Вселенной и своим Создателем. Когда вы найдете что-то подобное, постройте свою жизнь вокруг этого. <...> Вот почему я бегаю и всегда буду бегать. Я организовал свой день и свою жизнь вокруг бега» [\[10, p. 100\]](#). Именно в игровом беге как центре стяжения личного существования (т.е. практически) происходит миро- и жизнеутверждение Дж. Шихана, что контрастирует с позицией А. Швейцера, согласно которой подобное достигается *теоретически*, в свободном оптимистическом мировоззрении. Дж Шихан уверен, что в человеке как *целом* ум желает истины, душа – добра, а тело – игры в качестве спонтанного самовыражения, где интегрируются животное, ребенок и взрослый, из которых мы состоим.

Дж. Шихан согласился бы с А. Швейцером в том, что воля к жизни в первую очередь должна быть самопознающей: «В роли потерпевшего кораблекрушение выступает воля к жизни, стремящаяся познать мир; в роли смелого морехода – воля к жизни, стремящаяся познать самое себя» [\[7, с. 281\]](#). Наилучшей средой самопознания Дж. Шихан считает *игру*, поскольку, как писал Ф. Шиллер, каждый из нас «...бывает вполне человеком лишь тогда, когда играет» [\[16, с. 125\]](#). Именно в игре человек определяет, что у него получается лучше всего, исходя из структуры своего тела и особенностей темперамента: он нападающий, распасовывающий или защитник? Он наиболее способен к агрессивному противоборству, бегству или переговорам? Игрок проверяет себя в стрессовых ситуациях, выбирает индивидуальные или командные виды спорта, пробует специализироваться на выносливости, скорости, силе, координации или интеллектуальных состязаниях – вообще говоря, именно в игре человек становится самим собой, открывая свою сущность самому себе и миру, а также интегрирует тело и дух, обретая целостность, оптимизм и в полной мере ощущая вкус жизни, которая в своем «корне, т. е. в том, что является главнейшим и сокровеннейшим <...> состоит не только из Ничто и «тоски», но также из бесконечной спортивной радости» [\[15, с. 317\]](#).

Еще один важный аспект спортивной игры заключается в том, что она иногда позволяет своим участникам почувствовать себя героями, поскольку раскрывает в человеке такой потенциал, о котором он, возможно, и не подозревал. Дж. Шихан полагал героизм высшей человеческой потребностью и рассматривал спорт не как среду выхода агрессии и насилия («эквивалент войны»), а как арену, где человек демонстрирует лучшее, что есть в нем, как театр, который раскрывает мужество, выносливость и преданность цели, где мы, пусть и недолго, видим человека таким, каким он должен быть. Ему были близки следующие рассуждения Уильяма Джеймса: «Мы чувствуем, что в подвиге скрыта

высшая тайна жизни, и нам кажутся ничтожными люди, неспособные ни в каких случаях жизни на геройские поступки» [17, с. 285]. По мнению доктора Шихана, есть два вида спортивных героев: герой для других и герой для себя. Первый вид героев поражает общество своими достижениями, устанавливая, например, мировые рекорды в борьбе с примерно равными себе по силе соперниками. Для второго вида героев выдающиеся результаты недостижимы, они борются только с собой, это своего рода «внутренний героизм», не нуждающийся в чьем-либо признании, но и он очень важен, поскольку общедоступен, а главное – «когда мы перестаем быть героями, мы перестаем существовать по-настоящему» [13, р. 10]. Для того чтобы не переставать чувствовать себя героем, Дж. Шихан на протяжении примерно 25 лет еженедельно принимал участие в беговых состязаниях, до которых мог в выходной день добраться на автомобиле из своего дома, пробежав, к примеру, более 60 марафонов. Возвратившись к бегу в 45 лет, своим главным соперником он считал самого себя в юности, воспринимая боль тренировок и соревнований как проводника на пути к совершенству и являясь, говоря словами А. Швейцера, «героем самоотречения и страдания». В возрасте около семидесяти лет, уже будучи тяжело больным неоперабельным раком и проходя изматывающие курсы химиотерапии, Дж. Шихан участвовал в забеге на пять миль. Примерно на середине дистанции он увидел, что бежит последним – это произошло с ним впервые в жизни, и он отчетливо осознал великий драматизм греческой трагедии, когда героем становится тот, кто борется прежде всего со своей судьбой, пусть эта борьба и не видна непосвященным. Доктор Шихан не сошел с дистанции: судьба, хоть и на время, была побеждена. Последний по времени участник марафона или сверхмарафона – самого сложного и самого героического испытания для бегунов, заканчивающий дистанцию после официального завершения соревнования, в темноте и одиночестве, уже давно не бегущий, а *ковыляющий* к финишу и заочно дисквалифицированный за превышение временного лимита – герой не в меньшей степени, чем победитель. Утверждение своей жизнью духа героического индивидуализма – это, безусловно, то, что объединяет Дж. Шихана и А. Швейцера.

Религия и мистика как основания духовной жизни

Профессор богословия, протестант А. Швейцер был далек от ортодоксального христианства, поскольку отрицал божественную сущность Христа и даже считал ошибочными некоторые его представления, в частности о конце света, который последует сразу после смерти Мессии. Из всех апостольских интерпретаций личности и учения Иисуса А. Швейцера больше всего привлекала точка зрения Павла о мистическом «пребывании во Христе» (соумирании и совоскресении с Христом) как необходимой ступени к «пребыванию в Боге»: «В Иисусе Христе Бог явил себя как воля к любви. В единении с Христом единение с Богом осуществляется в единственно доступной нам форме» [1, с. 467]. Божественное начало во Христе предстает как деятельная любовь, в мире – как творческая сила, а в человеке – как этическая воля, образующая ядро нашей личности. Согласно А. Швейцеру, всякое глубокое мировоззрение в поисках добра и истины вынуждено пересекать пределы мира, который не благ и не разумен. Искомые ценности, как свидетельствует разум, оказываются трансцендентными, поэтому дошедшее до края сущего мышление открывает путь к мистическому переживанию божественного: «вхождение в сверхземное и вечное осуществляется теперь актом мышления» [1, с. 186]. Эти переживания раскрывают бытие как проявление обожествляемой А. Швейцером «таинственной бесконечной воли к жизни», а этику – как благоговение к этой воле, предполагающее заботу обо всех жизненных формах, доступных человеческому ведению и воздействию. Это отношение

как бы заповедано нам божеством, предстающим в виде *мировой воли*, поскольку «к первооснове бытия, которая открывается в нас как воля к любви, мы относимся как к этической личности» [\[1, с. 143\]](#). Таким образом, источником этики, сконцентрированной в «элементарном» и логически безупречном, по мнению А. Швейцера, правиле *благоговения перед жизнью*, не являются природа и общество, где уничтожение жизни в войне всех против всех поставлено на поток; этим источником выступает божественная мировая воля, передающая личности этический посыл в мистическом акте, дорогу к которому прокладывает глубокое, последовательное мышление. Само слово «благоговение» (как преклонение перед святостью) показывает, что мировоззрение А. Швейцера носит пусть своеобразный, но, безусловно, религиозный характер: этика рождается из мистики и не ограничивается людьми, поскольку «с ее помощью мы достигаем духовной связи со Вселенной» [\[7, с. 9\]](#).

Дж. Шихан, как и А. Швейцер, был очень религиозным человеком. Называя себя «теологическим животным», американский мыслитель писал: «Ответ на вопрос о моем существовании должен каким-то образом содержать Бога» [\[10, р. 326\]](#). Так же, как и А. Швейцер, он признает, что принятие Христа не обязательно означает следование догме, «все живое свято» [\[10, р. 333\]](#), «смысл жизни находится за пределами разума» [\[10, р. 169\]](#) и, подобно А. Шопенгауэру, выводит волю за границы материи и духа, полагая ее их прародителем и объединителем. Дж. Шихан, помещая бег в контекст религиозного мировоззрения, совпадает с требованием жизне- и мироутверждения А. Швейцера, поскольку, обращаясь к мыслителям прошлого, использовавшим метафорику бега, выбирает цитаты, в которых бегущий направляется к миру, жизни, Богу, а не убегает от них, тем самым демонстрируя *оптимистическое* мироощущение. Например, он приводит следующее суждение Майстера Экхарта: «Бегом устремляйтесь к миру! Человек, который бежит, который пребывает в состоянии бега, устремлен к миру, – это святой человек. Он постоянно бежит и движется и ищет умиротворения в беге» [\[12, р. 270\]](#). Дж. Шихану свойственно религиозное отношение к беговым практикам, для описания которого лучше всего подходит категориальный аппарат М. Хайдеггера: на их фундаменте выстраивается образ жизни, основанный на «слышании» в процессе беговой медитации «зова бытия», существующего на *онтическом* уровне и доступного благодаря «отмене удаленности» *Dasein*. Это достигаемой аскетизмом бегуна, а также верой в возможность через развитие тела выйти на новый уровень *видения* себя и мира, который позволяет «свидетельствовать истину» и чувствовать связь с Абсолютом. Доктору Шихану была близка и христианская антропология, согласно которой человек состоит из тела, души и духа. Любительский стайерский бег был особенно ценен им за то, что он, во-первых, интегрирует три этих части, а во-вторых – развивает в них то, что доступно этому процессу: «Мистик действует методично. Его прогресс – от очищения к просветлению и единению. То же самое происходит и со мной в процессе бега: очищение в движении, усилиях и поте лица; и в этом очищении я обнаруживаю, что становлюсь целостным физически и допускаю возможность дальнейшего движения к просветлению и единению. Потому что бег – это не только движение тела, но и движение души. Это движение души и есть суть бега, религиозный акт» [\[12, р. 271\]](#). Таким образом, бег очищает благонаправленным страданием тело, просветляет душу и мистически соединяет дух человека с Абсолютом: «Мой бег стал моим подношением. <...> я был ребенком перед своим Отцом, предлагавшим то, что у меня получалось лучше всего. Прошу, чтобы мой Отец был доволен. Чтобы Он меня принял. И я обнаружил себя, этого маленького ребенка, со слезами, струящимися по лицу, бегущего по дороге, проходящей вдоль реки, обратно в город. Немногие счастливые люди познали все это. Познали это

приятие. Мы начинаем с тела и заканчиваем Видением» [10, p. 341]. Дж. Шихан считал физические дивиденды бега ничтожными по сравнению с духовными, именно поэтому «некоторые люди бегут по философским соображениям, а не к финишу. Бег – это вход в другой мир, путь к переживаниям, которые не всегда можно выразить словами. Называете ли вы это пиковыми переживаниями или мистическими событиями, бегуны продолжают стремиться к ним» [13, p. 243-244]. Конкретное содержание этих переживаний и механизм их порождения представлены в [4, 18], здесь мы лишь отметим, что движение к мистическим состояниям, согласно Дж. Шихану, осуществляется не глубиной мышления, как у А. Швейцера, а через *телесную практику*: посредством длительного ритмичного бегового движения происходит гармонизация взаимодействия тела, сознательного и бессознательного, что обеспечивает высокую восприимчивость к Абсолюту (или «пиковым экзистенциальным переживаниям») и порождает такое же благоговение перед всем сущим, какое А. Швейцер испытывал перед жизнью: «Доброта, истина и красота внезапно овладевают мной. Я изумлен нахлынувшей радостью, преисполнен восторга, и мне ничего не остается, как ликовать со слезами на глазах» [10, p. 334-335]. Это очень похоже на состояние, которое Ф. Ницше называл «Rausch» – буквально «шум» (в голове), измененное состояние сознания сродни легкому опьянению, когда обостряется восприятие мира и в нем открывается то, что не доступно *нормальному* сознанию. Вот как немецкий философ описывает это состояние, возникавшее в нем от многочасового пешего движения в окрестностях Зильс-Мари: «... во время моих прогулок я много плакал, и это были не сентиментальные слезы, а слезы ликования; притом я еще и пел и бормотал бессвязные речи, преисполненный новым видением, которое открыто пока только мне одному» [19, с. 137]. Подобно тому, как А. Швейцер наделял этическим содержанием мировую волю, проявляющуюся через нас, Дж. Шихан считал открываемое в личности бегом «нечто большее, чем мы сами» лучшей частью человека, при помощи которой «мы достигаем высшего начала, действующего во Вселенной» [12, p. 271]. Таким образом, и А. Швейцер, и Дж. Шихан черпали свой оптимизм, а также жизне- и мироутверждение в форме благоговения из религиозно-мистического опыта, но использовали разные пути вхождения в него: интеллектуальный и телесный соответственно.

«Этические программы» и гуманистические идеалы А. Швейцера и Дж. Шихана

Важно подчеркнуть, что гуманизм и благоговение перед жизнью как этические принципы восходят, согласно А. Швейцеру, к *индивидуальной* этике, противопоставляемой им этике *общественной*. Первая, основанная на мистическом чувстве святости жизни и любви как высшем ее проявлении, утверждает, что человек никогда не должен быть принужден внешними силами жертвовать собой ради какой-либо цели; общество же считает приемлемым для решения коллективных задач иногда поступиться жизнью и благополучием отдельных своих членов, «его этика в принципе антигуманна» [7, с. 291]. Таким образом, возникает конфликт между этими этическими системами, когда голос совести личности заглушается и переподчиняется «извращенной этикой» социума *конформизму*, требующему не только единомыслия, но и широчайшего самоотречения ради общества, в чем и усматривается «высшее предназначение человека». Поэтому, согласно А. Швейцеру, нравственно зрелая личность неизбежно находится в конфликте с этикой общества. Главный способ внедрения указанной этики – создание условий, неблагоприятствующих *собственному мышлению*, и дискредитация его результатов. Это достигается тем, что человек помещается в ситуацию многообразной материальной зависимости и сверхзанятости, что не дает ему возможности сосредоточиться на своем духовном мире, а лавинообразно увеличивающийся объем знаний не позволяет

проверить и понять большую часть их, что также подрывает доверие к своим мыслительным способностям. В результате люди не формулируют усилиями своего ума этические идеалы, при помощи которых преобразуется общество («дух идеализма»), а подчиняются «духу практического реализма», т.к. все действительное, по утверждению Гегеля, уже *само по себе* разумно, поэтому «отбросив все надежды на самостоятельное открытие истины, люди примут в качестве истины то, что навязывается им посредством авторитета и с помощью пропаганды» [1, с. 132]. Следует отметить, что такая «внешняя», не рожденная самостоятельным мышлением истина, не проникает в глубину существа человека, поэтому пропагандисты могут манипулировать сознанием других людей, легко меняя в нем «истины» в соответствии с политической конъюнктурой.

Для противостояния этому виду этики личность нуждается в глубоком философском понимании сущности мира как недоступного наукам *целого*, которая, по убеждению А. Швейцера, выражается в том, что мир есть *проявление воли к жизни*, а также в осознании «основного принципа нравственного» – *благоговения перед жизнью*, в соответствии с которым добро есть все то, что способствует ее сохранению и развитию. На этом основании личность требует от общественной этики привести свои требования к человеку в соответствие с указанным принципом: «В той мере, в какой общество принимает характер нравственной личности, его этика становится этикой нравственного общества» [7, с. 292]. По нашему мнению, своего рода «программа» этического развития личности и общества А. Швейцера должна включать в себя четыре этапа: (1) пассивное самосовершенствование личности на основе освобождения от мира, познание себя; (2) активное самосовершенствование личности посредством выстраивания отношений «человек–человек»; (3) достижение личностью такой нравственной силы, когда ее воздействие переходит с отдельных людей на общество и превосходит его влияние на личность, что дает надежду на трансформацию социума в среду сохранения и развития духовных и нравственных задатков человека как основы прогресса культуры; (4) превращение основанной на жертвенной христианской любви этики благоговения перед жизнью в своего рода религию (*биотеизм* как соединение христианской ортодоксии и натуралистического мировоззрения [20, р. 205]): «эта этика, глубокая, универсальная, приобретает значение религии. Она и есть религия» [1, с. 489], а общества – в деятельную силу («орган Бога»), направленную на творение добра как сохранение *всякой* жизни и среды ее существования.

Эта программа была воплощена в жизни самого мыслителя, который, будучи глубоко религиозным человеком, понял, что ему надо развить свои способности не для достижения личного комфорта в виде обеспеченного, благополучного существования, а для служения людям в качестве отклика на призыв Христа к *дейательной* любви. Подготовкой к этому служению он и занимался до 38 лет в Европе, совершенствуясь как философ, теолог, музыкант и врач. Второй этап (его с полным правом можно назвать *героическим*) – это начало самостоятельной медицинской практики в очень тяжелых условиях в Африке; третий этап можно отсчитывать с 1923 года, когда вышло его главное сочинение «Философия культуры», обосновывающее новое видение этики, основанной на благоговении перед жизнью и понимании человека как высшей ценности; четвертый этап – это появление вдохновленных идеями А. Швейцера *социальных сил* в виде общественных организаций и движений, деятельность которых направлена на заботу о жизни во всем ее многообразии. Таким образом, А. Швейцер своим примером доказал, что «единственно возможный, содержательный, постоянно, живо и конкретно полемизирующий с действительностью принцип этики гласит: самоотречение ради жизни из-за благоговения перед жизнью» [7, с. 304].

Дж. Шихан полагал главной причиной, побуждающей его к бегу, *стремление к совершенству*, к максимальной реализации своего потенциала. В качестве аргумента он вполне мог бы воспользоваться утверждением А. Швейцера о том, что «повсюду она (*воля к жизни* – С.К.) стремится достичь присущего ей совершенства. Во всем, что существует, действует сила, стремящаяся к идеалу. <...> Мы должны следовать этому стремлению, если хотим оставаться верными таинственной воле к жизни, заложенной в нас» [7, с. 282]. Искомое совершенство в отношении личности обязательно должно содержать этический компонент, поскольку приобщает ее к высшим ценностям, включающим *добро*. В этой связи Дж. Шихан отмечал, что спортивный опыт состоит из трех частей: тренировок (*аскезис*), соревнований (*агон*) и главной цели спортивных практик – добродетели (*арете*): «Если вы хотите стать святым или метафизиком, вы должны сначала стать спортсменом. <...> аскетизм практикуют тяжелоатлеты, футболисты и бегуны на длинные дистанции, а также святые и философы» [10, p. 69]. Американский мыслитель был уверен в том, что многолетние систематические тренировки, осуществляемые в соответствии с «законами тела», формируют такие этические качества, как благоразумие и умеренность, а соревнования учат побеждать не столько соперников, сколько самого себя, преодолевать страх, отчаяние и неуверенность. Личность, стремящаяся к совершенству, всегда осознает его идеальный характер, наподобие горизонта, к которому нельзя приблизиться. Однако само движение к идеалу благотворно, поэтому Дж. Шихан полагает, что важно сформировать такой *образ жизни* (*фронезис*), который базируется на этом постоянном, до конца дней человека, движении к совершенству, и центром такой жизни он сделал для себя бег и беговые соревнования. Согласно Аристотелю, *фронезис* – это принцип жизни, ориентирующий всю деятельность человека на достижение блага и пользы, практическая мудрость, являющаяся основой добродетели; М. Хайдеггер обозначал этим словом деятельную заинтересованность в правильной организации своей жизни, практику *Dasein*,двигающегося к достижению аутентичности, возникшую на основе *заботы* форму присутствия бытия-в-мире [18, с. 65]. Даже иногда возникающие во время бега экстатические состояния имеют этическую основу, так как идут не от мира и лишены его атрибутов: «этика может оставить в покое пространство и время», – пишет А. Швейцер [7, с. 288]; «во время своей дневной пробежки я внезапно вышел за пределы времени и пространства. Я стал идеальным бегуном, легко, уверенно и без усилий продвигающимся к бесконечности. Мои десять лет почти ежедневного бега привели меня в ту область сознания, на тот уровень бытия, о существовании которого я и не подозревал. Для бегуна бег всегда был формой созерцания и медитации; занятием со спасительной благодатью <...>, временем, когда движения его тела в согласии с разумом и сердцем давали ему возможность оценить то, что было хорошим, истинным и прекрасным» [10, p. 308], – свидетельствует Дж. Шихан. Такие *морально ориентированные* состояния Дж. Шихан воспринимал как доказательство существования Бога, и в учении А. Швейцера божественная мировая воля является этической.

Выявленная этическая программа Дж. Шихана очень похожа на реконструированную нами программу А. Швейцера. Американский мыслитель начинает свой путь к осознанной, практической добродетели на основе беговой деятельности с познания особенностей своего тела и освобождения от идейных установок «стада»: «когда я бегаю, я по необходимости становлюсь хорошим животным, но по менее очевидным и даже загадочным причинам я также становлюсь хорошим человеком» [12, p. 174]. Второй этап – выстраивание на основе результатов самопознания отношений с другими людьми: если раньше это было избегание людей, желание скрыть от них правду о себе, то после

осознания и принятия своего *особого* союза плоти и духа, достижения благодаря беговым занятиям внутреннего мира и спокойствия «я способен показать себя другому человеческому существу, желая дарить свою любовь и получать его любовь» [10, p. 53]; при помощи бега «мы действительно движемся вовнутрь, но только для того, чтобы позже двигаться вовне, к единению с другими» [12, p. 37]. Третий этап – это пропаганда беговой активности Дж. Шиханом, которая началась в виде газетных статей и журнальных колонок, посвященных сначала медицинским аспектам стайерского бега, а затем переросла в глубокие философские эссе, где доктор Шихан на своем опыте и в основном с опорой на американских трансценденталистов и прагматистов описывал личностное развитие бегуна и достижение им чувства полноты и правильности своей жизни. Все это происходит в полном соответствии с тем, о чем писал А. Швейцер: «Мир и спокойствие излучает тогда человек и приобщает других людей к таинству, заключающемуся в том, что все мы в своих действиях и страданиях должны сохранять свободу для того, чтобы правильно прожить жизнь» [7, с. 283]. Вершиной этого этапа стала всемирно известная книга Дж. Шихана «Бег и бытие: совокупный опыт» (1978 г.) [10], главная мысль которой выражена следующим образом: «Не беспокойтесь о том, чтобы при помощи бега или физических упражнений добавить несколько лет к вашей жизни, позаботьтесь о том, чтобы добавить жизни к вашим годам» [21]. А. Швейцер считал, что ценность любой философии в конечном счете измеряется ее способностью превратиться в живую популярную философию – и Дж. Шихану удалось это сделать, указанная книга стала бестселлером, подстегнувшим беговой бум 70-80-х годов XX века и сделавшей бег еще более привлекательным для интеллектуалов.

Доктор Шихан закончил свою медицинскую практику в 1984 году, чтобы полностью посвятить себя публичным выступлениям, созданию книг, тренировкам и соревнованиям. Он был харизматичным оратором, который лекционировал почти до конца своей жизни несколько раз в неделю, его рекорд – пять выступлений за один день. Беговое сообщество он воспринимал как религиозное братство, очень дорожил взаимодействием с ним и был счастлив его признанием, тем самым подтверждая размышления А. Швейцера: «Как существо деятельное, человек приходит к духовной связи с миром благодаря тому, что он не живет для себя одного, а чувствует себя одним целым со всей жизнью, которая находится в сфере его влияния. <...> он окажет ей самую большую помощь, какую только может; и если ему удастся что-то сделать для сохранения и поддержания жизни, это будет для него величайшим счастьем...» [1, с. 138]. Уже находясь в терминальной стадии болезни, Дж. Шихан начал писать свою последнюю книгу, которую из-за смерти не смог закончить: «Преодолевая дистанцию: путешествие одного человека к концу его жизни», где были такие слова: «Мои мысли не сосредоточены только на смерти. Я думаю о людях, которых оставляю после себя, и о своей ответственности за них» [22, p. 117]. Важно отметить, что американское беговое сообщество с огромной любовью и благодарностью относилось к просветительской деятельности Дж. Шихана. Вот что написал ему увлеченный бегом президент США Билл Клинтон в апреле 1993 года, за семь месяцев до смерти доктора: «Ваши книги и более чем двумя десятилетиями публикаций в журнале «Мир бегунов» вы вдохновили многих из нас. Будучи гуру и королем-философом бега, вы информировали нас и мотивировали следовать вашему учению. Мы поняли, что все мы по-своему герои. Вы показали нам, что мы бегаем лучше всего, когда бежим с простой детской радостью, и что тренировки и соревнования дают нам шанс стать теми, кем мы уже являемся по Замыслу» [23].

Последний – четвертый этап – связан с развитием вдохновленного трудами Дж. Шихана

лично создающего любительского стайерского бега уже после его смерти. В описании этого этапа так же, как и в отношении этических воззрений А. Швейцера, можно воспользоваться религиозными коннотациями, поскольку *проповедуемый* Дж. Шиханом гуманистически ориентированный бег «настолько обогатил тех, кого он учил, что они поклонялись ему (Дж. Шихану – С.К.), как святому» [10, p.17], а сам бег стал «... образом жизни, национальным хобби американцев, от колледжа до глубокой старости, евангелием, которое они несли в мир» [24, с. 38], недаром из шести наиболее массовых и престижных мировых марафонов-«мейджоров» три (Бостонский, Чикагский, Нью-Йоркский) проводятся в США. Благодарная память о Дж. Шихане увековечена материально – в виде современного легкоатлетического комплекса, названного в его честь и построенного на территории католической Академии христианских братьев в Линкрофте (штат Нью-Джерси), где учились сыновья Дж. Шихана и попечителем которой он являлся. В духовной сфере идейное наследие Дж. Шихана сохраняется и развивается в рамках формирующейся в США *философии бега*. К примеру, в 2007 г. вышла коллективная монография «Бег и философия. Марафон для ума» [25], подготовленная американскими философами-бегунами, преподающими в университетах (среди которых есть те, кто ежедневно бежит в течение нескольких десятилетий), во многом опиравшихся в своих размышлениях о влиянии бега на духовную сферу личности на воззрения и опыт Дж. Шихана.

Возвращаясь к А. Швейцеру, следует отметить, что беговое сообщество деятельно утверждает комплекс его идей, связанный с благоговением перед жизнью, гуманизмом и этическим прогрессом общества. Может быть, это одна из самых восприимчивых к учению А. Швейцера социальных групп, и не последнюю роль в этом сыграла философская осанка любительского бега, обеспеченная работами Дж. Шихана. Так, **жизнеутверждающий характер** беговой активности проявляется в том, что индивидуально каждый бегун находит оптимальный баланс между своим телом, духом и внешней средой, что является важным навыком для обеспечения паритета природы и общества. Массовые беговые соревнования стайеров-любителей часто имеют благотворительный характер, направленный на сбор средств для помощи больным людям, заботу о животных, предотвращения аборт, решение экологических и социальных проблем. Беговые соревнования, имеющие бесконтактную природу, издревле образуют смысловой фон, связанный с отсутствием насилия: Олимпиады Античности, поначалу включающие в себя только бег, в древности останавливали войны, а сегодня нередко антивоенные пробеги; бег был значимым элементом жизнерадостной народно-карнавальной культуры; современные многотысячные марафоны объединяют людей разных культур общей идентичностью бегуна: «Придите на финиш любого массового пробега – и вы будете поражены той атмосферой доброжелательности, всеобщего согласия, готовности каждого поделиться с каждым, даже совершенно незнакомым человеком всем – от последнего драгоценного в зной глотка фруктового сока до совета по самым важным вопросам жизни. Никогда, возможно, не встречали вы столько добрых людей сразу. Бег дает нам возможность подвергнуть себя нелегкому испытанию, а выдержав его, человек чувствует себя сильнее, лучше, увереннее в отношениях с другими, а значит, и доброжелательнее» [26, с. 22]. В экзистенциальном аспекте стайерский бег формирует основу *оптимистического* мироощущения, поскольку приводит к переоценке восприятия боли и страданий: именно на базе долговременного сопротивления их воздействию осуществляется личностный рост, обретается психологическая устойчивость и происходит понимание того, что отчаяние никогда не должно затмевать надежду; бегуны теоретически и практически осуществляют селекцию наиболее эффективных и универсальных адаптационных навыков.

Гуманистическая направленность беговых практик имеет очень широкий диапазон – от фактора антропогенеза, обеспечивавшего выживание и развитие человечества на ранних этапах его истории, до современного применения с рекреационными (игровой бег для удовольствия), оздоравливающими (бег как элемент лечебной или профилактической физической культуры), личностно развивающими (бег, направленный на обретение особого опыта, открывающегося человеку посредством длительного циклического телесного напряжения, иначе говоря *медитативный бег*), политическими (*трансгрессии* бегунов как демонстративное противостояние неприемлемым «социальным сущностям» наподобие допинга; *сопротивление* бегунов как гуманистически ориентированное расширение представлений о «нормальном», например участие женщин в совместных с мужчинами марафонских забегах) и спортивными (направленными на достижение рекордов в этом виде локомоции) целями.

В контексте столь важного для А. Швейцера **этического прогресса** общества бег как социальная практика может рассматриваться в качестве сферы утверждения таких ценностей, как демократизм (в значении общедоступности бегового самосовершенствования), равенство (отсутствие дискриминации и инклюзивность); индивидуализм (опора на собственные силы, самовыражение в беге), честность (объективность определения победителей в отличие от видов спорта, где это определяется голосованием судей), положительная значимость телесности человека и героизм без насилия над соперниками.

А. Швейцер и Дж. Шихан посвятили свои жизни, каждый по-своему, возвеличиванию идеалов гуманизма, усматривая в этом проявление духовной силы личности и находя поддержку своим взглядам в оптимистической, жизне- и мироутверждающей философии. Завет А. Швейцера, с которым в полной мере мог бы согласиться Дж. Шихан, заключается в следующем: «Мы, безусловно, не сможем ни при каких условиях признать в качестве этики бессмысленные идеалы власти, нации, политических пристрастий, предлагаемые нам жалкими политиками и раздуваемые одурманивающей пропагандой. Все возникающие в обществе принципы, убеждения и идеалы мы должны крайне педантично измерять мерой абсолютной этики благоговения перед жизнью. Одобрять мы должны только то, что согласуется с гуманностью. Мы прежде всего обязаны свято защищать интересы жизни и счастья человека. Мы должны вновь поднять на щит священные права человека» [7, с. 326]. Можно заключить, что безграничная этика А. Швейцера стала новым этапом развития гуманизма, а одной из социальных сил, деятельно утверждающей комплекс его идей, сегодня выступает любительское беговое сообщество, выразителем гуманистического духа которого является Дж. Шихан.

Выводы

1. А. Швейцера и Дж. Шихана объединяет нахождение смысла собственного существования в утверждении бытия телесно выраженной жизни – как во всей полноте ее присутствия (А. Швейцер), так и в форме индивидуальной человеческой телесности (Дж. Шихан).
2. Их отношение к жизни является этически нагруженным и проявляется в форме благоговения, что означает признание ее ценности как высшей и внутренней (т. е. неинструментальной).
3. В отношении индивидуальной человеческой жизни благоговение означает развитие ее уникального телесно детерминированного потенциала («жизнь для себя»), что требует достижения свободы от общества, стремящегося подчинить личность своим

интересам, а также в соответствии с ними распорядиться ее жизнью.

4. Задачей личности является формирование *индивидуальной этики*, которая в интересах развития человека характеризовалась бы жизне- и мироутверждением, а также оптимизмом. И А. Швейцер, и Дж. Шихан источником такой этики полагают не общество и природу, а религиозно-мистические состояния связи с Абсолютом, к достижению которых ведут два пути: последовательное и глубокое мышление, безукоризненно обосновывающее этический идеал, инспирированный мировой Волей (А. Швейцер) и телесные (в частности, беговые) практики (Дж. Шихан), стадии восхождения которых к Абсолюту таковы: *игра – страдание – Видение*.

5. После обретения указанного вида этики личность должна перейти в модус деятельного *служения* добру («жизнь для других»). Прежде всего это означает нахождение форм самосохраняющего, но при этом альтруистического межличностного взаимодействия, основанного на восходящей к Христу метафизической «воле к любви»; затем – нравственного влияния на общество с целью его трансформации в среду развития телесных, духовных и нравственных задатков человека как основы прогресса культуры (без принесения себя в жертву обществу). В случае с А. Швейцером и Дж. Шиханом это влияние оказывалось в первую очередь личным *героическим* поведением, а также публичными выступлениями и философскими текстами, получившими всемирное признание.

6. Этико-гуманистические воззрения А. Швейцера и Дж. Шихана, соответствуя духовным запросам общества и найдя широкий отклик, после их смерти обеспечили указанным мыслителям переход от героизации их личностей к почитанию сродни религиозному, а также все увеличивающееся количество адептов. Идейное наследие А. Швейцера разрослось до безграничной «этики дальнего» как заботы о сохранении жизни вообще, во всем ее многообразии («экологическая этика», «экологический гуманизм»). Одной из социальных сил, деятельно утверждающей комплекс его идей, связанный с благоговением перед жизнью, гуманизмом и этическим прогрессом, является беговое сообщество, и не последнюю роль в этом сыграла философская оснастка учения о целостно развивающей личность любительском беге, обеспеченная работами Дж. Шихана.

7. Жизнеутверждающий характер беговой активности проявляется в том, что массовые соревнования стайеров-любителей часто имеют благотворительный характер, направленный на сбор средств для помощи больным людям, заботу о животных, предотвращения аборт, решение экологических и социальных проблем. Беговые соревнования связаны с отсутствием насилия; бег был значимым элементом жизнерадостной народно-карнавальной культуры; современные многотысячные марафоны объединяют людей разных культур общей идентичностью бегуна. Гуманистическая направленность беговых практик имеет очень широкий диапазон – от фактора антропогенеза, обеспечивавшего выживание и развитие человечества на ранних этапах его истории, до современного применения с рекреационными, оздоравливающими, личностно развивающими, политическими и спортивными целями. В контексте этического прогресса общества бег как социальная практика может рассматриваться в качестве сферы утверждения таких ценностей, как демократизм, равенство, индивидуализм, честность, положительная значимость телесности человека и героизм без насилия над соперниками.

Библиография

1. Швейцер А. Жизнь и мысли. М.: Республика, 1996.

2. Швейцер А. Письма из Ламбарене. Л.: Наука: Ленингр. отд-ние, 1989.
3. Цветков И. Религиозно-философские взгляды Альберта Швейцера. Подвиг жизни и загадка творчества // Православный собеседник: альманах Казанской духовной семинарии. 2006. Вып. 2 (12). С. 4-54.
4. Канныкин С.В. Джордж Шихан как исследователь гуманистического потенциала любительского стайерского бега // Философия и культура. 2024. № 6. С.163-181. DOI: 10.7256/2454-0757.2024.6.43753 EDN: AYZDTI URL: https://e-notabene.ru/fkmag/article_43753.html
5. Сидоров А. М. Дискурс тела в философии Шопенгауэра // APRIORI. Серия: Гуманитарные науки. 2015. № 2. С. 1-11.
6. Шопенгауэр А. Мир как воля и представление. М.: Издательство АСТ, 2020.
7. Швейцер А. Культура и этика. М.: Прогресс, 1973.
8. Исаев А. В. Этика благоговения перед жизнью как нравственный ресурс института здоровьесбережения // Вестник МГПУ. Серия: Философские науки. 2022. №2 (42). С. 79-89.
9. Левит Л. З. Эгоизм против альтруизма: случай Швейцера // APRIORI. Серия: Гуманитарные науки. 2013. № 2. С. 1-7.
10. Sheehan G. Running & being: the total experience. Rodale Books, 2013. URL: <https://library.lol/main/5B42BBAAEAECBA5CA62A20C72392694A> (дата обращения: 09. 08. 2024).
11. Ключова М.Л. Л.Н. Толстой и А. Швейцер: о рационализме и мистике в этике // Вопросы философии. 2006. № 4. С.119-127.
12. Sheehan G. This running life. New York: Simon and Schuster, 1981.
13. Sheehan G., Sheehan A., Willey D. The essential Sheehan: 30 years of running wisdom from the legendary George Sheehan. Rodale Books, 2013. URL: <https://library.lol/main/050246CF6D4F65F690F0E445D9BB6521> (дата обращения: 09. 08. 2024).
14. Голубева Л. Лев Толстой и Альберт Швейцер об «устроении цивилизации» // Высшее образование в России. 2000. № 6. С. 107-112.
15. Ортега-и-Гассет Х. Что такое философия? М.: Наука, 1991.
16. Шиллер Ф. Письма об эстетическом воспитании человека. М.: РИПОЛ классик, 2018.
17. Джеймс У. Многообразие религиозного опыта. М.: Наука, 1993.
18. Канныкин С.В. Феноменология и философия стайерского бега // Философская мысль. 2024. № 2. С.60-76. DOI: 10.25136/2409-8728.2024.2.41026 EDN: WKTUW URL: https://e-notabene.ru/fr/article_41026.html
19. Письма Фридриха Ницше. М.: Культурная революция, 2007.
20. Martin M. W. Rethinking reverence for life // Between the Species. 1993. No. 9.4:6. Pp. 204-213.
21. Дж. Шихан. Биография. URL: <https://www.georgeshsheehan.com/bio> (дата обращения: 07.08.2024)
22. Sheehan G. Going the distance: one man's journey to the end of his life. New York: Villard, 1996.
23. Письмо Билла Клинтона. URL: <https://www.georgeshsheehan.com/> (дата обращения 08.08.2024)
24. Медведев С. Человек бегущий. М.: Новое литературное обозрение, 2021.
25. Канныкин С.В. Бегущий человек в зеркале философии (обзор коллективной монографии «Running & philosophy. A marathon for the mind») // Философия и культура. 2024. № 5. С.73-104. DOI: 10.7256/2454-0757.2024.5.40854 EDN: EKOLLX URL: https://e-notabene.ru/fkmag/article_40854.html
26. Станкевич Р. А. Оздоровительный бег в любом возрасте. Проверено на себе. М.:

Питер, 2016.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Рецензия

на статью «Этико-гуманистические воззрения А. Швейцера и Дж. Шихана: опыт сравнительного анализа»

В представленной работе предметом исследования является установление связей между учением А. Швейцера и Джордж А. Шихана, представителя американской философии спорта, а также сопоставительный анализ их представлений о человеке, этике и обществе. Знаменитый этический принцип благоговения перед жизнью» А.Швейцера оказал большое влияние на его современников.

Методология предметной области исследования включает исторический метод, метод категоризации, дескриптивный метод, метод анализа и др. Основным подходом является сравнительно-сопоставительный, который позволяет автору выделить и проанализировать общие идеи Швейцера и Шихана.

Актуальность работы заключается в том, что гуманистическая этика и философия А.Швейцера остается значимым в современном мире, в котором наблюдается кризисный характер общественной жизни, проявляющийся в ее дегуманизации, ведущей к девальвации жизни вообще.

Новизна работы состоит в сопоставлении философских взглядов и этических принципов Альберта Швейцера и Джорджа А. Шихана, которые разрабатывали одни и те же философские проблемы - отношение к жизни как великому дару, об этической достойной жизни, обращались к дискурсу тела, рассматривая последнее как нечто уникальное и сакральное. Согласно А. Швейцеру, человек – это не просто проявление воли к жизни, это проявление воли к своей жизни, в первую очередь детерминированной своеобразием тела. Такой подход, по мнению автора, близок к позиции Дж. Шихана, ведь согласно ему, жизнеутверждение проявляется в том, что человек не подавляет и не поработает свое тело, а прислушивается к нему и стремится в полной мере реализовать его потенциал, восходя к собственной истине жизни, к ее подлинности как источнику оптимистического мироощущения. Определенные параллели между учением А. Швейцера и идеями Дж. Шихана автор усматривает в их отношении к игре, к религии. Оба выступали против навязанных обществом правил поведения, стереотипов и стандартов. А. Швейцера и Дж. Шихана объединяет нахождение смысла собственного существования в утверждении бытия телесно выраженной жизни – как во всей полноте ее присутствия (А. Швейцер), так и в форме индивидуальной человеческой телесности (Дж. Шихан). Этическая нагруженность жизни, принцип благоговения перед жизнью призывают служить добру, достойно проживать жизнь, опираясь на духовную телесность.

Статья написана научным языком, претензий к стилю изложения нет. Структура соответствует требованиям, предъявляемым к научному тексту. Содержание статьи соответствует названию и разделам. Выводы статьи обоснованны, логически вытекают из приведенных аргументов.

Библиография статьи включает 26 библиографических источников, но в ней не так много научных исследований последних лет.

В целом статья оставляет хорошее впечатление, хотя сравнение столь разных мыслителей иногда кажется натянутым. Но автор находит и анализирует общее во

взглядах двух философов, общность идей которых свидетельствует об их стремлении к гуманизации общественной жизни.

Англоязычные метаданные

Constructive and destructive effects of mediatization of family memory

Tselykovskiy Aleksey Andreevich

PhD in Philosophy

Associate Professor; Department of Philosophy and Social Communications; Lipetsk State Technical University
Senior Researcher; Educational and Scientific Laboratory 'DIGIT'; Saratov National Research State University
named after N.G. Chernyshevsky

398055, Russia, Lipetsk region, Lipetsk, Mbskovskaya str., 30

✉ alts1085@mail.ru

Abstract. The paper analyzes the peculiarities of family memory transformation under the influence of digitalization. In the modern world, new media begin to exert a determining influence on the formation of the image of reality, leading to the emergence of a special media culture that transforms familiar social phenomena. To reveal the specifics of the phenomenon of family memory we use the concept of midi-memory, which describes the mechanisms of emergence, storage and translation of collective representations of the past in the conditions of mediatization and digitalization. In such conditions, the boundary between cultural and communicative memory is gradually erased, and the number of subjects involved in the construction of representations of the past increases significantly. As a result, the mechanism of constructing images of the past is changing. These processes lead to the need to analyze the destructive and constructive effects of the mediatization of collective and, in particular, family memory. The main methodological principle of the study is the analysis of various forms of collective memory that appear in modern reality under the influence of digitalization. In modern realities, which are gradually blurring the line between cultural and communicative memory, collective representations of the past are being transferred into the format of media memory. Mediatization of family memory can contribute to the formation of national identity through the inclusion of significant national events in the images of the past present in family memory. A significant role in these processes is played by significant symbols of the Soviet period, broadcast by modern media practice. This increases the risk of purposeful distortion of images of the past. In the end, the media blur the boundaries of family memory, replacing images of the past with images constructed by media space.

Keywords: mediatization, digitalization, media memory, media, historical memory, family memory, collective memory, myth, mythologization, mythmaking

References (transliterated)

1. Khal'bvaks M. Sotsial'nye ramki pamyati. – M.: Novoe izdatel'stvo, 2007. S. 348.
2. Assman Ya. Kul'turnaya pamyat': Pis'mo, pamyat' o proshlom i politicheskaya identichnost' v vysokikh kul'turakh drevnosti. – M.: Yazyki slavyanskoi kul'tury, 2004. S. 368.
3. Logunova L.Yu. Istoricheskaya i sotsial'naya pamyat': paradoksy i smysly // Idei i idealy. 2019. № 1-2. S. 227-253.
4. Kornishchenko-Ermolaeva N.S. Kollektivnaya istoricheskaya pamyat': osnovaniya vydeleniya ponyatiya i rol' v sovremennoi kul'ture // Vektory blagopoluchiya: ekonomika i sotsium. 2020. № 3. S. 32-51.

5. Khirsh, M. Pokolenie postpamyati: Pis'mo i vizual'naya kul'tura posle Kholokosta. – M.: Novoe izdatel'stvo, 2021. S. 428.
6. Primakov V.L. Mediatizatsiya kak teoreticheskii kontsept // Vestnik MGLU. 2019. № 3. S. 221-238.
7. Gureeva A.N. Teoreticheskoe ponimanie mediatizatsii v usloviyakh tsifrovoy sredy // Vestnik Moskovskogo Universiteta. 2016. № 6. S. 192-208.
8. Moroz O. V. Komp'yuting na strazhe pamyati? Rets. na Garde-Hansen, J., Hoskins, A., Reading, A (Eds.) Save As... Digital Memories // Fol'klor i antropologiya goroda. 2019. T. 2, № 1-2. S. 403-419.
9. Shtop-Rutkovska K. Kiberpamyat', ili o chem my (ne)pomnim v seti. Analiz lokal'noi pamyati: Belostok i Lyublin // Sotsiologicheskie issledovaniya. 2015. № 4. S. 130-139.
10. Artamonov D.S., Tikhonova S.V. «Garazh» istorii: tsifrovoy povorot «nezavisimyykh istoricheskikh issledovaniy» // Dialog so vremenem. 2020a. № 72. S. 237-254.
11. Artamonov D.S., Tikhonova S.V. Ot mifov o proshlom k mifologizatsii vremeni v tsifrovoy mediasrede // Izv. Saratovsk. un-ta. Novaya seriya. Seriya: Filosofiya. Psikhologiya. Pedagogika. 2020b. T. 20, № 3. S. 234-239.
12. Artamonov D.S., Tikhonova S.V. Istoricheskaya pamyat' v sotsial'nykh media. – SPb.: Aleteiya, 2021. S. 264.
13. Artamonov D.S., Tikhonova S.V. Petr I v mediapamyati. – Saratov: Izdatel'stvo «Saratovskii istochnik», 2022. S. 180.
14. Golovashina O.V., Linchenko A.A., Anikin D.A. Pamyat' o Velikoi Otechestvennoi voine: Den' Pobedy v istoricheskom soznanii rossiyan // Sotsiologicheskie issledovaniya. 2017. № 3. S. 123-133.
15. Ivanov A.G. Povsednevnyaya mifologiya: fenomen zhertvy v narrativakh o semeinoi pamyati // Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki. 2020. № 1. S. 80-87.
16. Zevako Yu.V. «Potomki palachei» v prostranstve pamyati ob epokhe politicheskikh repressii (na primere proekta «Rassledovanie Karagodina») // Galactica Media: Journal of Media Studies. 2022. T. 4, № 2. S. 41-64.

System-structural and bioessential-deterministic meta-paradigms. Part two

Ufimtsev Aleksandr Evgenevich

independent researcher

660122, Russia, Krasnoyarsk Territory, Krasnoyarsk, Transit str., 48, sq. 32

✉ ufimtzev@inbox.ru

Smirnova Marina Mikhailovna

independent researcher

668312, Russia, Republic of Tyva, Mzhegey village, Lenin St., 69, sq. 1

✉ knyam2020@mail.ru

Abstract. The work is devoted to a conceptual understanding of trends in the development of scientific knowledge. The article continues the research on the theory of sign in an interdisciplinary aspect.

In the first part, the theory of sign and paradigms in linguistics were compared: systemic-

structural and anthropocentric. This comparison made it possible to identify systemic-structural and bioessential-deterministic meta-paradigms. A meta-paradigm is understood as a conceptually generalized set of scientific ideas in a number of areas of scientific knowledge, as a system of many paradigms in various scientific disciplines that determines the development of scientific knowledge. The discovered patterns are considered at the meta-scientific level in the form of systemic-structural and bioessential-deterministic meta-paradigms. The development of conceptual thought in phonopedia is described. In conclusion, the concepts of tendencies, trends and meta-paradigm are distinguished. The meta-paradigm, in contrast to tendency, not only describes current development, but also makes forecasts of a strategic nature. The characteristics of the systemic-structural and bioessential-deterministic meta-paradigms are given. The conclusion is made that systemic-structural and bioessential-deterministic meta-paradigms are universal; that the change in meta-paradigms is systemic in nature. Currently, the systemic-structural meta-paradigm is being replaced by a bioessential-deterministic one. The described patterns are systemic in nature. The described patterns are binary oppositions, form and content, asymptotically guiding the development of consciousness. An assumption has been made: life is limitless knowledge, and the possibilities of knowledge as a process are determined by the vital essence of the knower.

Keywords: scientific knowledge, bioessential determinism, bioessential-deterministic meta-paradigm, system-structural meta-paradigm, anthropocentric paradigm, binary oppositions, metaparadigm, meta-paradigm, paradigm shift, paradigm

References (transliterated)

1. Rudin L. B. Master-klassy po foniatrii i fonopedii / L. B. Rudin // Golos i rech'. 2010. № 2(2). S. 95–98. EDN NXBRJL.
2. Yusson R. Pevcheskii golos, M., 1974. 264 s.
3. Morozov V. P. Iskusstvo rezonansnogo peniya. Osnovy rezonansnoi teorii i tekhniki. IP RAN, MGK im. P. I. Chaikovskogo, Tsentr «Iskusstvo i nauka». M., 2002. 496 s.
4. Orlova O. S. Narusheniya golosa: ucheb. posobie / O. S. Orlova. M.: AST: Astrel', 2008. 220 s.
5. Rudin L. B. Klassifikatsiya zabolevanii i sostoyanii golosovogo apparata / L. B. Rudin // Golos i rech'. 2013. № 1(9). S. 97–102. EDN PTWIZQ.
6. Rudin L. B. Kliniko-fiziologicheskie aspekty golosoobrazovaniya / L. B. Rudin // Materialy XXIII s"ezda Fiziologicheskogo obshchestva im. I. P. Pavlova s mezhdunarodnym uchastiem, Voronezh, 18–22 sentyabrya 2017 goda. Voronezh: Izdatel'stvo Istoki, 2017. S. 1256–1257. EDN XXZGPJ.
7. Alizade Yu. S. Rudin, L. B. Rezul'taty retrospektivnogo analiza rasprostranennosti golosovykh rasstroistv u pedagogov / Yu. S. Alizade, L. B. Rudin // Meditsina truda i promyshlennaya ekologiya. 2019. T. 59, № 9. S. 542–543. DOI 10.31089/1026-9428-2019-59-9-542-543. EDN ZJGCSL.
8. Emel'yanov V. V. Razvitie golosa. Koordinatsiya i trening : uchebnoe posobie / V. V. Emel'yanov. 9-e izd., ster. Sankt-Peterburg : Lan' : PLANETA MUZYKI, 2020. 168 s.
9. Bagrunov V. P. Azbuka vladeniya golosom dlya bolez'nikov. SPb.: Kompozitor. Sankt-Peterburg, 2010. 220 s.
10. Porshnev B. F. O nachale chelovecheskoi istorii. (Problemy paleopsikhologii). Pod red. B. A. Didenko. M.: «FERI-V», 2006. 640 s.
11. Bern E. Gruppovaya psikhoterapiya. M.: Akademicheskii Proekt, 2001. 464 s.
12. Vygotskii L. S. Psikhologiya razvitiya rebenka. M.: Izd-vo Smysl, Izd-vo Eksmo. 2005.

512 s.

13. Kuhn T. S. The Structure of Scientific Revolutions / 3rd ed. / University Of Chicago Press, 1996. 226 p.
14. Papernyi V.Z. Kul'tura Dva. 4-e izd. 4-e izd. — M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2016. — 395 s. — (Biblioteka zhurnala «Neprikosnovennyi zapas»). — ISBN: 978-5-4448-0597-8.
15. Bogdanova P. B. Mayatnik kul'tury / P. B. Bogdanova. Sankt-Peterburg : Izdatel'stvo Aleteiya, 2021. 180 s. ISBN 978-5-00165-285-4. EDN KMMVEF.
16. Bogdanova P. B. K voprosu o tsiklichnosti v razvitii rezhissury (ot "ottepeli" do nachala XXI v.) / P. B. Bogdanova // Vestnik RGGU. Seriya: Filosofiya. Sotsiologiya. Iskuststvedenie. 2015. № 2(2). S. 100–106. EDN VURWCR.
17. Bogdanova P. B. Obshchie zakonomernosti smeny kul'turnykh tsiklov / P. B. Bogdanova // Yaroslavskii pedagogicheskii vestnik. 2020. № 2(113). S. 160–167. DOI 10.20323/1813-145X-2020-2-113-160-167. EDN VWN YFM.
18. Bogdanova P. B. Klassicheskie i neklassicheskie struktury dramy / P. B. Bogdanova // Verkhnevolzhskii filologicheskii vestnik. 2022. № 2(29). S. 220–227. DOI 10.20323/2499-9679-2022-2-29-220-227. EDN HBQGKL.
19. Alpatov V. M. Issledovateli faktov i sozdateli teorii / V. M. Alpatov // Izvestiya Rossiiskoi akademii nauk. Seriya literatury i yazyka. 2008. T. 67, № 2. S. 3–11. EDN GVESFF.
20. Alpatov V. M. Revolyutsii i evolyutsii v istorii nauki (na materiale lingvistiki) / V. M. Alpatov // Revolyutsiya i evolyutsiya: modeli razvitiya v nauke, kul'ture, obshchestve : trudy II Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii, Nizhnii Novgorod, 29 noyabrya – 01 2019 goda. Nizhnii Novgorod: Obshchestvo s ogranichennoi otvetstvennost' "Krasnaya lastochka", 2019. S. 13–16. DOI 10.24411/9999-036A-2019-00004. EDN TPAZEX

A human in a multi-world interpretation of quantum mechanics

Grishin Aleksandr Aleksandrovich

Independent researcher

241012, Russia, Bryansk region, Bryansk, Orlovskaya str., 22, sq. 1

✉ m-rgreen@yandex.ru

Abstract. The essay provides an overview of current scientific and philosophical publications on quantum physics and interpretations of quantum mechanics. Based on the ideas of British physicist David Deutsch and American theoretical physicist Sean M. Carroll, the substantiation of a multi-world interpretation from the point of view of physical theory, its consistency and ability to explain the paradoxes of quantum physics without involving additional auxiliary concepts and unknown laws of physics is presented. The author suggests that the rejection of a multi-world interpretation should be attributed to a psychological barrier – the refusal to look at reality from a different angle, or the "illusion of common sense". The mechanism of quantum computing (quantum computing) and the possibility of the quantum nature of the functioning of consciousness of living organisms based on the concepts of Roger Penrose and Mikhail Mensky and their ambiguity are considered. Using analysis and general scientific research methods, a mechanism for the interaction of biological organisms and the quantum nature of the world is proposed based on the principle used by quantum mechanics to solve the Elitzur-Weidman problem. The conclusion is made about the possibility of functioning of a

biological quantum mechanism that provides a significant gain in environmental competition between living beings by increasing the effectiveness of their predictive behavior. Arguments are given both in favor and against the existence of such a mechanism based on the analysis of publicly available research materials on this topic. In conclusion, an attempt is made to determine the place of man in the expanded picture of the universe in this way. It is shown how important it could be whether human beings are able to exchange information with their invariants in the Multiverse, from the point of view of the concepts of personality and self-awareness. A brief overview of the influence of the ideas of quantum physics in general and the multi-world interpretation in particular on modern religious movements, philosophy and media culture is given.

Keywords: evolution, Multiverse, the Elitzur–Vaidman bomb-tester, Multi-World interpretation, quantum computing, quantum biology, quantum mechanics, Everett, Penrose, Mensky

References (transliterated)

1. Dekart R. Rassuzhdenie o metode. // Dekart R. Sochineniya v 2 t. T. 1. M.: Mysl', 1989. C. 250-296.
2. Doich, Devid. Struktura real'nosti: Nauka parallel'nykh vselennykh. Izhevsk: NITs «Regulyarnaya i khaoticheskaya dinamika», 2001. 400 s.
3. Einstein A., Born M., & Born H. The Born-Einstein Letters: Correspondence between Albert Einstein and Max and Hedwig Born from 1916–1955, with Commentaries by Max Born. 1971. New York: Macmillan.
4. Everett H. Relative state formulation of quantum mechanics // Review of Modern Physics. 1957. No. 29. pp. 454-462. DOI: 10.1103/RevModPhys.29.454
5. B. Shtern, A. Markov, A. Mulkidzhanyan, E. Kunin, M. Nikitin. Veroyatnost' zarozhdeniya zhizni. // «Troitskii variant – Nauka» №6(275), 26 marta 2019 goda. URL: https://elementy.ru/nauchno-populyarnaya_biblioteka/434611/Veroyatnost_zarozhdeniya_zhizni (data obrashcheniya: 01.09.2024).
6. Linde A. D. Inflyatsiya, kvantovaya kosmologiya i antropnyi printsip. // «Science and Ultimate Reality: From Quantum to Cosmos», honoring John Wheeler's 90th birthday. J. D. Barrow, P.C.W. Davies, & C.L. Harper eds. Cambridge University Press (2003)
7. Kerroll, Shon. Kvantovye miry i vozniknovenie prostranstva-vremeni. SPb.: Piter, 2022. 368 c.
8. D-Wave Announces 1,200+ Qubit Advantage2 with Refined Error Mitigation Strategies. // HPCwire. 2024. URL: <https://www.hpcwire.com/off-the-wire/d-wave-announces-1200-qubit-advantage2-with-refined-error-mitigation-strategies/> (data obrashcheniya: 01.09.2024).
9. Penrouz R. Teni razuma: v poiskakh nauki o soznanii. / Perevod s angl. A. R. Logunova, N. A. Zubchenko. Izhevsk: IKI, 2011. 688 s.
10. McDermott Drew. Penrose is wrong // Psyche. 1995. No 2(17). URL: <http://www.calculamus.org/MathUniversalis/NS/10/09mcdermott.html> (data obrashcheniya: 01.09.2024).
11. David J. Chalmers. Minds, Machines, And Mathematics – A Review of Shadows of the Mind by Roger Penrose // Psyche. June 1995. No.2(9). URL: <https://calculamus.org/MathUniversalis/NS/10/03chalmers.html> (data obrashcheniya: 01.09.2024).

12. Menskii M. B. Chelovek i kvantovyi mir. Fryazino: «Vek 2», 2005. 320 s.
13. Zabegalina S. V., Chigar'kova A. V. Veroyatnostnoe prognozirovaniye kak vid prognosticheskoi deyatel'nosti: podkhod i strategii // Psikhopedagogika v pravookhranitel'nykh organakh. 2017. № 1(68). S. 87–91.
14. Kwiat P. G., Weinfurter H., Herzog T., Zeilinger A., Kasevich M. A. (1995). Interaction-free Measurement. // Phys. Rev. Lett. 1995. No 74(24). Pp. 4763–4766. DOI: 10.1103/PhysRevLett.74.4763
15. Robens C., Alt W., Emary C., Meschede D., Alberti A. Atomic "bomb testing": the Elitzur-Vaidman experiment violates the Leggett-Garg inequality. // Appl Phys B. 2017. No 123(1). DOI: 10.1007/s00340-016-6581-y
16. Chugunov A. Zarozhdeniye kvantovoi biologii. // «Biomolekula», 25 iyunya 2011. URL: <https://biomolekula.ru/articles/zarozhdeniye-kvantovoi-biologii#source-1> (data obrashcheniya: 01.09.2024).
17. Dzhim Al'-Khalili, Dzhondzho Makfadden. Zhizn' na grani. Vasha pervaya kniga o kvantovoi biologii. SPb.: Izdatel'skii dom «Piter», 2017. 416 s.
18. Duggan, M. Animals in Psi Research. // Psi Encyclopedia. 2018. London: The Society for Psychical Research. URL: <https://psi-encyclopedia.spr.ac.uk/articles/animals-psi-research> (data obrashcheniya: 01.09.2024).
19. Alvarez, Fernando. An Experiment on Precognition with Planarian Worms // Journal of Scientific Exploration. 2016. No.30. Pp.217-226. URL: https://www.researchgate.net/publication/304412781_An_Experiment_on_Precognition_with_Planarian_Worms (data obrashcheniya: 01.09.2024).
20. Mossbridge Julia , Tressoldi Patrizio E., Utts Jessica , Ives John , Radin Dean , Jonas Wayne. Predicting the unpredictable: critical analysis and practical implications of predictive anticipatory activity // Frontiers in Human Neuroscience. 2014. No 8. URL: <https://www.frontiersin.org/journals/human-neuroscience/articles/10.3389/fnhum.2014.00146> (data obrashcheniya: 01.09.2024).
21. Schwarzkopf D. Samuel. We should have seen this coming // Frontiers in Human Neuroscience. 2014. No 8. URL: <https://www.frontiersin.org/journals/human-neuroscience/articles/10.3389/fnhum.2014.00332> (data obrashcheniya: 01.09.2024).
22. Kekecs Zoltan, Palfi Bence, et al. Raising the value of research studies in psychological science by increasing the credibility of research reports: the transparent Psi project // R. Soc. Open Sci. 2023. No 10(2). Pp. 191-375. DOI: 10.1098/rsos.191375
23. Bem D. J. Feeling the future: Experimental evidence for anomalous retroactive influences on cognition and affect // Journal of Personality and Social Psychology. 2011. No.100(3). Pp. 407–425. DOI: 10.1037/a0021524
24. Bassetto M., Reichl T., Kobylkov D. et al. No evidence for magnetic field effects on the behaviour of Drosophila // Nature. 2023. No 620. Pp. 595–599. DOI: <https://doi.org/10.1038/s41586-023-06397-7>
25. Wikelski M., Mueller U., Scocco P., et al. Potential short-term earthquake forecasting by farm animal monitoring. // Ethology. 2020. No 126. Pp. 931–941. DOI: <https://doi.org/10.1111/eth.13078>
26. Babcock N.S., Montes-Cabrera G., Oberhofer K.E., Chergui M., Celardo G.L., Kurian P. Ultraviolet Superradiance from Mega-Networks of Tryptophan in Biological Architectures. // J Phys Chem B. 2024 May 2. No 128(17). Pp. 4035-4046. DOI: 10.1021/acs.jpcc.3c07936
27. Ghafari F., Tischler N., Di Franco C. et al. Interfering trajectories in experimental quantum-enhanced stochastic simulation. // Nat Commun. 2019. No 10(1630). DOI:

<https://doi.org/10.1038/s41467-019-08951-2>

28. Dzhozef Khenrik. Samye strannye v mire. Kak lyudi Zapada obreli psikhologicheskoe svoeobrazie i chrezvychaino preuspeili. M.: Al'pina non-fikshn, 2024. 576 s.
29. Smolikov A. B. Fenomen Karlosa Kastanedy v kul'ture vtoroi poloviny XX veka // Chelovek i nauka. 2004. URL: <https://cheloveknauka.com/fenomen-karlosa-kastanedy-v-kul'ture-vtoroy-poloviny-xx-veka> (data obrashcheniya: 01.09.2024).
30. Karpenko A.S. Filosofskii printsip polnoty. Chast' II // Filosofiya i kul'tura. 2013. № 12. S. 1660-1679. DOI: 10.7256/1999-2793.2013.12.9772
31. Doich, Devid. Nachalo beskonechnosti: ob'yasneniya, kotorye menyayut mir. Moskva: ANF, 2014. 578 s.
32. Boiko M.E. Tipy mul'tiversov v sovremennoi massovoi kul'ture // Filosofiya i kul'tura. 2014. № 9. S. 1362-1370. DOI: 10.7256/1999-2793.2014.9.1282

Conflict of Moral Values in the Age of Big Data: a Hermeneutic Approach

Abdrahmanova Florida Rivhatovna

Senior lecturer; Department of Social Studies, Law and Social Management; Bashkir State Pedagogical University named after M. Akmulla

55 Oktyabrskaya Revolyutsii str., Ufa, Republic of Bashkortostan, 450008, Russia

✉ a-florida@mail.ru

Abstract. The subject of this study is the ethical problem of moral conflict in the modern world, in which traditional moral values clash with the values of the information society, caused by the hypertrophied development of Internet technologies and media space. The main problem of the study is an attempt to understand the conflict of moral values in the era of Big Data through the prism of philosophical analysis by applying the hermeneutic method and its ethical solution.

The idea that traditional moral values cannot be assimilated in information flows, but must be transformed and developed taking into account the realities of modern digital society, is central to the study. The research methodology includes theoretical methods, such as ethical and philosophical analysis of the problem, the hermeneutic method, which allow to go beyond the description of the functionality of the latest technologies, and understand what impact they have on the transformation of moral values in modern society. The scientific novelty of the study lies in the fact that the article reveals new aspects of using the hermeneutic approach to the analysis and interpretation of the conflict of moral values of interaction between humans and digital technologies in modern society. The results of the study show that moral values and ethical norms must adapt to the modern realities of the information society in order to preserve human identity. The hermeneutic approach made it possible to consider the problem from the point of view of a person's personal growth, preserving their own identity and searching for truth in a world overflowing with information.

Keywords: globalization, media influence, interaction, hermeneutical approach, information technologies, digital society, traditional society, moral values, conflict, Big Data

References (transliterated)

1. Anan'eva E. Tsifrovaya germeneytika: «vyzov» i «otvet» na metodologicheskie prityazaniya tsifrovyykh gumanitarnyykh nauk. Informatsiya-Kommunikatsiya-

- Obshchestvo (IKO-2023): Trudy XX Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem. SPb.: LETI, 2023. S. 4-8.
2. Boldonova I.S. Germenevtika elektronnoi tekstovoi kommunikatsii // Sotsial'no-gumanitarnye znaniya. 2023. №6. S 119-125. DOI 10.34823/SGZ.2023.6.62018.
 3. Vishke M. Germenevtika, filosofiya i etika: tendentsii noveishei interpretativnoi literatury proizvedenii Kh.-G. Gadamera // Issledovaniya po fenomenologii i filosofskoi germenevtike. Minsk: Evropeiskii humanitarnyi universitet, 2021. S. 147-153.
 4. Voiskunskii A.E. Sotsial'naya pertsepsiya v sotsial'nykh setyakh // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 14. Psikhologiya. 2014. № 2. S. 90-104.
 5. Gurevich P.S. Zakonomernosti i sotsial'nye perspektivy nauchno-tekhnicheskogo progressa // Novaya tekhnokraticheskaya volna na Zapade. M.: Progress, 1986. 256 s.
 6. Guseinov A.A. Filosofiya. Moral'. Politika. M.: Akademkniga, 2002. 304 s.
 7. Kochetkova N.P. Kiberbezopasnost' i evolyutsiya informatsionnogo prostranstva: fenomenologicheskii analiz vzaimosvyazi s metavselennoi i fidzhitel-mirom // Filosofskaya mysl'. 2024. № 7. S.1-15. DOI: 10.25136/2409-8728.2024.7.71055 EDN: UTGATW URL: https://e-notabene.ru/fr/article_71055.html
 8. Kara-Murza S.G. Manipulyatsiya soznaniem. M.: Algoritm, 2004. 464 s.
 9. Maksimov L.V. Ocherk sovremennoi metaetiki // Voprosy filosofii. 1998, № 10. S. 39-54.
 10. Solov'ev E.G. Informatsionnoe obshchestvo // Novaya filosofskaya entsiklopediya: v 4 t. T. 2 / In-t filosofii RAN. M.: Mysl', 2001. S. 143.
 11. Shilina M.G. Big data i tsifrovaya datifikatsiya kak tekhnosotsial'nyi fenomen. K voprosu formirovaniya nauchno-teoreticheskoi ramki issledovaniya // Sotsial'no-politicheskie nauki. 2018. №4.
 12. Yaspers K. Istoki istorii i ee tsel' // Yaspers K. Smysl i naznachenie istorii. M.: Respublika, 2004. S. 28-286.
 13. Di Rosario J. Electronic Poetry. / Understanding poetry in the Digital Environment.- Jyvâskylâ University Printing House, Jyvâskylâ, 2021. 326 r.
 14. Gadamer H.-G. Truth and Method.-New York, 1975.
 15. Frabetti F. Have the humanities always been digital? / In Understanding Digital Humanities, ed. D. Berry.-London: Palgrave Macmillan, 2022.-R. 161-71.
 16. Romele A., Severo M., Furia P. Digital Hermeneutics: From Interpreting with Machines to Interpretational Machines. //AI & Society: Knowledge, Culture and Communication, 35 (1). 2018. R. 73-86.
 17. Morán-Reyes A. A. Towards an ethical framework about Big Data era: metaethical, normative ethical and hermeneutical approaches // Heliyon, 2022. Volume 8, Issue 2

Ethical and humanistic views of A. Schweitzer and J. Shihana: the experience of comparative analysis

Kannykin Stanislav Vladimirovich

PhD in Philosophy

Associate Professor; Department of Humanities; Starooskolsky Technological Institute named after A.A. Ugarov (branch) of NUST MSIS

309503, Russia, Belgorod region, Stary Oskol, Nikitsky, 6

✉ stvk2007@yandex.ru

Abstract. The subject of the study is the common and different views on man, society and ethics of A. Schweitzer and J. Sheehan - the most famous representatives of the philosophy of sports in the USA of the twentieth century and theorist of the humanistic content of running practices. This comparison is carried out in order to determine how an American researcher expresses, concretizes and enriches a complex of humanistic ideas, generically called Schweitzerianism. The author explicates the relationship between A. Schweitzer and J. Sheehan addresses the problems of human physicality, clarifies the causes and consequences of their desire for freedom from inauthentic life, identifies the specifics and spheres of self-knowledge, defines the role of religion and mysticism in their spirituality, and compares ethical programs and humanistic ideals. The research methodology is presented by general logical methods: analysis, synthesis, comparison, as well as philosophical methods: hermeneutical and phenomenological. A. Schweitzer and J. Sheehan is united by finding the meaning of one's own existence in affirming the existence of a bodily expressed life – both in the fullness of its presence (A. Schweitzer) and in the form of individual human physicality (J. Sheehan). The task of the individual is to form an individual ethic that, in the interests of human development, would be characterized by life and world affirmation, as well as optimism. Both A. Schweitzer and J. Sheehan believes that the source of such ethics is a religious and mystical connection with the Absolute, which is achieved by two paths: consistent and deep thinking (A. Schweitzer) and bodily (in particular, running) practices (J. Sheehan), the stages of ascent of which to the Absolute are as follows: play – suffering – Vision. After acquiring this type of ethics, a person must move into the mode of active service to the good ("life for others"). The boundless ethics of A. Schweitzer has become a new stage in the development of humanism, and one of the social forces actively asserting the complex of his ideas today is the amateur running community, the expression of the humanistic spirit of which is J. Schweitzer. In the context of the ethical progress of society, running as a social practice can be considered as a sphere of affirmation of values such as democracy, equality, individualism, honesty, the positive significance of human physicality and heroism without violence against rivals.

Keywords: reverence for life, fronesis, body, heroism, game, running, religion, mysticism, ethics, humanism

References (transliterated)

1. Shveitser A. Zhizn' i mysli. M.: Respublika, 1996.
2. Shveitser A. Pis'ma iz Lambarene. L.: Nauka: Leningr. otd-nie, 1989.
3. Tsvetkov I. Religiozno-filosofskie vzglyady Al'berta Shveitsera. Podvig zhizni i zagadka tvorchestva // Pravoslavnyi sobesednik: al'manakh Kazanskoï dukhovnoi seminarii. 2006. Vyp. 2 (12). S. 4-54.
4. Kannykin S.V. Dzhordzh Shikhan kak issledovatel' gumanisticheskogo potentsiala lyubitel'skogo staierskogo bega // Filosofiya i kul'tura. 2024. № 6. S.163-181. DOI: 10.7256/2454-0757.2024.6.43753 EDN: AYZDTI URL: https://e-notabene.ru/fkmag/article_43753.html
5. Sidorov A. M. Diskurs tela v filosofii Shopengauera // APRIORI. Seriya: Gumanitarnye nauki. 2015. № 2. S. 1-11.
6. Shopengauer A. Mir kak volya i predstavlenie. M.: Izdatel'stvo AST, 2020.
7. Shveitser A. Kul'tura i etika. M.: Progress, 1973.
8. Isaev A. V. Etika blagogoveniya pered zhizn'yu kak нравstvennyi resurs instituta zdorov'esberezeniya // Vestnik MGPU. Seriya: Filosofskie nauki. 2022. №2 (42). S. 79-

89.

9. Levit L. Z. Egoizm protiv al'truizma: sluchai Shveitsera // APRIORI. Seriya: Gumanitarnye nauki. 2013. № 2. S. 1-7.
10. Sheehan G. Running & being: the total experience. Rodale Books, 2013. URL: <https://library.lol/main/5B42BBAAEAECBA5CA62A20C72392694A> (data obrashcheniya: 09. 08. 2024).
11. Klyuzova M.L. L.N. Tolstoi i A. Shveitser: o ratsionalizme i mistike v etike // Voprosy filosofii. 2006. № 4. S.119-127.
12. Sheehan G. This running life. New York: Simon and Schuster, 1981.
13. Sheehan G., Sheehan A., Willey D. The essential Sheehan: 30 years of running wisdom from the legendary George Sheehan. Rodale Books, 2013. URL: <https://library.lol/main/050246CF6D4F65F690F0E445D9BB6521> (data obrashcheniya: 09. 08. 2024).
14. Golubeva L. Lev Tolstoi i Al'bert Shveitser ob «ustroenii tsivilizatsii» // Vysshee obrazovanie v Rossii. 2000. № 6. S. 107-112.
15. Ortega-i-Gasset Kh. Chto takoe filosofiya? M.: Nauka, 1991.
16. Shiller F. Pis'ma ob esteticheskom vospitanii cheloveka. M.: RIPOL klassik, 2018.
17. Dzheims U. Mnogoobrazie religioznogo opyta. M.: Nauka, 1993.
18. Kannykin S.V. Fenomenologiya i filosofiya staierskogo bega // Filosofskaya mysl'. 2024. № 2. S.60-76. DOI: 10.25136/2409-8728.2024.2.41026 EDN: WKTMUW URL: https://e-notabene.ru/fr/article_41026.html
19. Pis'ma Fridrikha Nitsshe. M.: Kul'turnaya revolyutsiya, 2007.
20. Martin M. W. Rethinking reverence for life // Between the Species. 1993. No. 9.4:6. Rr. 204-213.
21. Dzh. Shikhan. Biografiya. URL: <https://www.georgesheehan.com/bio> (data obrashcheniya: 07.08.2024)
22. Sheehan G. Going the distance: one man's journey to the end of his life. New York: Villard, 1996.
23. Pis'mo Billa Klintona. URL: <https://www.georgesheehan.com/> (data obrashcheniya 08.08.2024)
24. Medvedev S. Chelovek begushchii. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2021.
25. Kannykin S.V. Begushchii chelovek v zerkale filosofii (obzor kollektivnoi monografii «Running & philosophy. A marathon for the mind») // Filosofiya i kul'tura. 2024. № 5. S.73-104. DOI: 10.7256/2454-0757.2024.5.40854 EDN: EKOLLX URL: https://e-notabene.ru/fkmag/article_40854.html
26. Stankevich R. A. Ozdorovitel'nyi beg v lyubom vozraste. Provereno na sebe. M.: Piter, 2016.